

ISSN 2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

№ 1/2017

Издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»;
ООО «Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук, доцент **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь журнала

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-70918 от 05.09.2017

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392032, Россия, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, корп. Д, Юридический институт,
тел.: (4752) 630384; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписной индекс каталога агентства ФГУП «Почта России» П6820

ISSN 2588-0012

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет», 2017

© ООО «Юридический центр «ФОРУМ», 2017

Подписано в печать 18.12.2017

Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 11,20. Уч.-изд. л. 10,00. Тираж 1000 экз. Заказ 387

Макет подготовлен в редакционно-издательском отделе ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
e-mail: vestnik@mail.nnn.tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, к. 201, тел. (4752) 630391

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право»; <i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государствен- ный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права»; <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Уго- ловное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека»; <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Уго- ловное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующая кафедрой «Международное право»; <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Кри- минология»; <i>e-mail: stanislav.kirillov.1995@mail.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Ме- ждународное право»; <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»; <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Муромцев Дмитрий Юрьевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный тех- нический университет», проректор по научно- инновационной деятельности; <i>e-mail: postmaster@nauka.tstu.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Кон- ституционное и административное право»; <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Осокин Роман Борисович	д-р юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», начальник факультета; <i>e-mail: osokinr@mail.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», директор Юридического института; <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>

Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Безопасность и правопорядок»; <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Кон- ституционное и административное право»; <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный уни- верситет имени Г. Р. Державина», Институт пра- ва и национальной безопасности, заведующая кафедрой «Гражданское право»; <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Саломатин Алексей Юрьевич	д-р юрид. наук, д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Пензенский государственный уни- верситет», заведующий кафедрой «Теория госу- дарства и права и политология»; <i>e-mail: valeriya_zinovev@mail.ru</i>
Сафронова Елена Викторовна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Белгородский государственный на- циональный исследовательский университет», профессор кафедры «Международное право и государствование»; <i>e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», и. о. заведующего кафедрой «Конституционное и административное право»; <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>
Туманова Анастасия Сергеевна	д-р ист. наук, д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профес- сор кафедры «Теория и история права»; <i>e-mail: atumanova@hse.ru</i>
Чернышов Владимир Николаевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: elters@crimeinfo.jesby.tstu.ru</i>

РУБРИКИ журнала «Право: история и современность»

Теория государства и права

(12.00.01 Теория и история права и государства; история правовых учений)

Уголовное право и криминология

(12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Гражданское и семейное право

(12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; меж-
дународное частное право)

Гражданский и арбитражный процесс

(12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс)

Актуальные проблемы права

Трибуна молодого ученого

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции (М. Н. Краснянский)..... 7

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Краснов М. А. Некоторые гипотезы о причинах возвращения России к потестарному типу государства 8
Куркин Б. А., Искевич И. С. Права человека: два взгляда на феномен 18
Марченко А. Н. Конституционно-правовые границы государственного регулирования национального хозяйства в эпоху экономического кризиса (на примере Германии и США в период мирового экономического кризиса 1929 – 1939 годов)..... 27
Никулин В. В. Концептуальные основы советской модели правосудия и практика ее реализации 38
Фролов С. А. Исторические предпосылки залога земли сельскохозяйственного назначения в России (на примере крестьянского банка в конце XIX – начале XX века)..... 54

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Желудков М. А., Краюхин С. Б., Ментюкова М. А. Особенности механизма вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности в зарубежных странах 59
Кириллов С. И., Кочеткова М. Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации, Великобритании и Соединенных Штатов Америки в сфере защиты авторских прав в сети Интернет..... 67
Медведева С. В., Климов О. П. Криминологический анализ личности преступника, совершившего незаконный оборот наркотических средств (на примере Тамбовской области)..... 77
Передерий В. А. Криминологические и уголовно-правовые аспекты преступлений, совершаемых с участием иностранных граждан..... 82

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Дроздова А. М. Институт материнства и детства: актуальные аспекты и правозащитная деятельность..... 89
Калинина И. А. Правовое регулирование отношений между собственником нежилого помещения многоквартирного дома и управляющей организацией..... 98
Измайлов В. В. Порядок расторжения брака при достижении согласия между супругами в европейских странах..... 107

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Гуляков А. Д., Леонкина А. А. Федерализм как фактор устойчивого развития Российского государства 112
Яроцкая М. В. Истоки учения о юридических (фактических) составах в доктрине гражданского права 117

Трибуна молодого ученого

Чибисов С. В. Подготовка реформы законодательства о военной службе в XVII в. 126

CONTENTS

Editor's Note (<i>M. N. Krasnyansky</i>)	7
---	---

THEORY OF STATE AND LAW

Krasnov M. A. Some Hypotheses about the Reasons for Russia's Return to Potestarian Type of State	8
Kurkin B. A., Iskevich I. S. Human Rights: Two Approaches to a Single Problem	18
Marchenko A. N. Constitutional and Legal Limits of State Regulation of the National Economy in the Economic Crisis (Case Study of Germany and the USA during the World Crisis of 1929-1939)	27
Nikulin V. V. Conceptual Principles of the Soviet Justice Model and its Practical Implementation.....	38
Frolov S. A. Historical Background of the Agricultural Land Mortgage in Russia (Case Study of Peasant's Land Bank in late XIX – early XX centuries)	54

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Zheludkov M. A., Krayukhin S. B., Mentyukova M. A. Peculiarities of Involving Minors in Terrorism in Foreign Countries.....	59
Kirillov S. I., Kochetkova M. N. A Comparative Analysis of Laws in the Russian Federation, Great Britain and the United States of America on Copyright Protection on the Internet	67
Medvedeva S. V., Klimov O. P. A Criminological Analysis of the Personality of the Perpetrator of Drug Trafficking (in the Tambov Region) ..	77
Peredery V. A. Criminological and Criminal Law Aspects of Crime Committed with the Involvement of Foreign Citizens	82

CIVIL AND FAMILY LAW

Drozdova M. A. Institute of Maternity and Childhood: Current Aspects and Human Rights Activities in the Field	89
Kalinina I. A. Legal Regulation of Relations Between the Owner of Non-Residential Premises of an Apartment Building and the Management Company	98
Izmailov V. V. The Order of Dissolution of Marriage Upon Achievement of Consent Between the Spouses in European Countries	107

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

Gulyakov A. D., Leonkina A. A. Federalism as a Factor of Sustainable Development of the Russian State	112
Yarotskaya M. V. The Origins of the Doctrine of Legal (Factual) Composition in Civil Law.....	117

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

Chibisov S. V. Preparation of the Law Reform on Military Service in the 17 th Century	126
---	-----

Уважаемые читатели!

С гордостью представляю Вам первый номер научно-практического и информационного журнала «Право: история и современность».

Выход первого номера журнала – знаменательное событие для всех, кто профессионально занимается исследованием проблем в области теории и истории права. Издание, которое вы держите в руках, направлено на исследование актуальных проблем и перспектив развития права; общих закономерностей возникновения, развития и функционирования государственно-правовых институтов и явлений, исторических аспектов и современных тенденций материального и процессуального права в России и за рубежом.

Миссия журнала заключается в освещении результатов передовых научных исследований в области права и представление их широкому кругу читателей.

Главная цель журнала – поиск взвешенных решений в области правоприменительной практики, научных исследований, правотворчества, правового регулирования, а также обеспечения преемственности фундаментальной научной мысли и практики реализации права, направленной на выработку единых подходов к решению проблем развития права в условиях глобализации, приведение российского законодательства в соответствие с мировыми стандартами в сфере защиты прав и интересов всех субъектов правоотношений, содействие развитию современной юридической науки и юридического образования в России.

Среди ключевых задач, которые ставит перед собой редакция журнала, считаю важным отметить стимулирование научных дискуссий, опубликование научно-исследовательских материалов по наиболее актуальным вопросам права, содействие реформе юридического образования, укрепление взаимодействия между научным сообществом, учебными заведениями и работодателями, участие в расширении направлений сотрудничества российских и зарубежных ученых-юристов и преподавателей, вовлечение молодых ученых в научную жизнь и профессиональное сообщество.

Дорогие авторы, пилотный номер журнала – результат нашего совместного труда, который способен стать постоянным каналом взаимодействия научного сообщества в области исследований государства и права, науки и практики, истории и современности, открывая все новые горизонты развития. В процессе формулирования требований к авторам, разработки редакционной политики и этического кодекса редакции мы старались соблюдать не только отечественные традиции, но и учитывать опыт ведущих зарубежных изданий.

Я благодарю членов редколлегии, редакционного совета за проделанную работу, а авторов – за интерес к изданию с первых дней его существования.

Приглашаю к сотрудничеству и совместной плодотворной работе!

Ректор ТГТУ,
доктор технических наук, профессор

М. Н. Краснянский

Исследуются возможности применения эффекта path dependence к России. На основе гипотез ученых определяются условия развития российской идентичности, связанные с неприятием основных ценностей права и идей конституционализма. Проявление эффекта path dependence раскрывается в том числе на примере событий 1991–1993 гг. и последующем влиянии на институциональный дизайн Конституции РФ, что привело к торможению модернизации государства и общества. Теория path dependence раскрывается в рамках изучения аналогии событий в новой и новейшей истории России. Делается вывод о неудачной попытке для России, как и сто с лишним лет назад, выйти из колеи догоняющего развития.

Ключевые слова: потестарный тип государства; концепция path dependence; антимодернизационная колея; бифуркация; принцип «бабочка Брэдли»; культурный слой; модернизация.

Михаил Александрович Краснов, д-р юрид. наук, ординарный профессор, зав. кафедрой «Конституционное и административное право», НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва; mkrasnov@hse.ru

НЕКОТОРЫЕ ГИПОТЕЗЫ О ПРИЧИНАХ ВОЗВРАЩЕНИЯ РОССИИ К ПОТЕСТАРНОМУ ТИПУ ГОСУДАРСТВА

Люди давно думают над тем, чем и в какой степени детерминировано настоящее. Частный случай такой предполагаемой детерминации – события прошлого. В XX веке в институциональной экономике появилась концепция (теория) *path dependence*, для разработки которой дала толчок статья П. Дэвида, посвященная совершенно частному вопросу – «формированию стандарта клавиатур печатающих устройств (QWERTY-клавиатура)» [10]. На русский язык эта концепция переводится как «зависимость от предшествующей траектории».

В чем же смысл этой концепции, если и без того мыслители давно понимали, что «кроме настоящего как в жизни отдельного лица, так и в жизни народа огромное влияние имеет их прошлое» [4, с. 73]. Смысл, по мнению П. Дэвида, в том, что «зависимость от предшествующего развития – это такая *последовательность* экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат *могут оказать отдаленные события прошлого*, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности». Р. М. Нуреев, разъясняя это определение, утверждает, что, по теории path dependence, «*возможности развития жестко детерминированы выбором, сделанным значительно раньше*», в том числе «неэффективным выбором». При бифуркации, – пишет он, – «судь-

боносными могут оказаться даже совсем *мелкие субъективные обстоятельства* – по принципу “бабочки Брэдли” [10]. Проще говоря, когда для данного общества (или даже человечества) открывается «окно возможностей», совершенно неизвестно, *какое «мелкое обстоятельство»* повлияет на выбор.

Что касается технических (технологических) явлений, наверное, жесткая обусловленность предшествующим выбором существует – в том смысле, что даже если выясняется первоначальная ошибочность выбора, он, как правило, сохраняется *из-за слишком большого масштаба связанных с этим издержек*. Но вправе ли мы переносить такой эффект на социальную жизнь?

А. А. Аузан именует данную концепцию «колея» [1, с. 54], имея в виду, что стране приходится выпрыгнуть из нее, а это требуется некий набор довольно радикальных средств. И, на мой взгляд, он очень точно высказал общую причину, почему изменение формальных институтов не приводит к модернизации. «Формальные правила, – пишет он, – меняются всегда дискретно, а неформальные – всегда инкрементно, всегда «плывут». При резком изменении формальных правил конституционного уровня (как стыдливо называют революцию) происходит значительный *разрыв формальных и неформальных правил*, образуются определенные зоны напряжения, связанные не только с возможностью создания новых форм, но и с необустроенностью, криминальностью и т.д. В результате накапливается *потенциал для движения в обратном направлении*, то есть реструктуризации правил в обратном отношении. После завершения революции закономерно наступает реакция» [1, с. 58].

Это весьма напоминает идею Ф. Лассалья о том, что «юридическая» конституция попросту рухнет или станет мнимой, если не будет соответствовать «фактической (действительной)» [9, с. 54]. В принципиальном плане, надо сказать, эта идея верная. Но ведь и вечный двигатель теоретически возможен. Только при *conditio sine qua non* – отсутствию силы трения. Так что в абстракции можно, конечно, допустить, что ментальная инерция плюс охранившаяся социальная структура сломит новые институты... Если не учитывать, что институт институту – рознь (а именно это почти не учитывается в институционально-экономической, социологической, политологической литературе).

Даже не используя теорию *path dependence*, многие отечественные исследователи фактически исходят из нее, считая, что, например, ценности права отторгаются Россией в силу их неорганичности для нее. Такая позиция естественна для тех, кто исповедует этатистское мировоззрение, кому чужды ценности конституционализма (например, неоевразийцы) [6]. Но ведь и в либеральном лагере нередко можно встретить мнение, что России органически чужды ценности свободы, права, личной автономии. Так, В. А. Четвернин утверждает, что «в посттоталитарной России, несмотря на известный прогресс свободы, конституционные правовые институты никак не приживаются, так как они *противоречат российской традиции*» [14, с. 58]. К ним примыкают и ученые, с умеренным оптимизмом смотрящие на судьбу России. Например, Ю. С. Пивоваров пишет, что «всем известные периоды и *тенденции либерально-эмансипационного ха-*

рактера не являются девиантностью, а, напротив, имеют глубокие основания и весьма успешно проявлялись в нашем прошлом» [11, с. 89]. Но тогда почему Россия (в лице ведущего слоя – в терминологии И. А. Ильина) время от времени пытается *выпрыгнуть* из антимодернизационной «колеи», но ей удается только *подпрыгнуть*», т.е. изменить действительность, но *не до такой степени*, чтобы кардинально поменять траекторию развития? Значит, что-то удерживает страну?

Эффект path dependence, безусловно, оказывает свое влияние (например, закрепленный в Конституции РФ институциональный дизайн обязан, в общем-то, *случайному* развитию событий в 1991 – 1993 гг. [8]. Мы вполне могли бы иметь гораздо более сбалансированную систему власти, обеспечивающую реальную политическую конкуренцию). Но только этим эффектом невозможно объяснить срывы модернизации, хотя правильнее говорить не о срывах, а о торможениях. На мой взгляд, есть два объяснения таких торможений, отставаний.

Первое – из области *мистического*. В работах по альтернативной истории можно увидеть, что на всем протяжении русской истории происходят случайности, которые резко меняют наметившееся модернизационное направление. И эти случайности «почему-то» всегда действуют в пользу антимодернизации. Может быть, действительно, *Господь не желает модернизированной России, от чего-то уберегая ее?* А, может, просто *наказывая?* Рассуждать в этой плоскости бессмысленно, ибо нам не ведома Божья воля, мы не знаем Божьего промысла. И ни одну из этих точек зрения невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Второе объяснение – *рациональное*. С этой позиции причина, на мой взгляд, кроется в *качестве политической и интеллектуальной элит и отсутствии коммуникации между ними и обществом* (впрочем, второе является следствием первого). Это не означает, что не играют роль иные факторы. Например: длительная (до Петра I) закрытость от Европы, а, значит, отделенность от циркулировавших в европейском дискурсе гуманитарных идей; позднее создание университетов; преобладание крестьянского населения и сельского дворянства в социальной структуре страны. Вполне вероятно, эти факторы повлияли и на само качество элит. Как бы то ни было, одно из главных их свойств – пренебрежительное отношение к «черни», к тем, кто стоит ниже на социальной лестнице и чья роль сводится лишь к благодарности за «благодаяния». А люди всегда чувствуют такое к себе отношение, с каким бы пафосом ни заявлялось о «любви к народу», «народном благе», «народе-богоносце» и проч.

Говоря о русской интеллигенции, возникшей в результате Великих реформ XIX в., замечательный русский философ В. С. Соловьев писал, что, происходя, в основном, из разорившегося дворянства, *«в своем отчуждении от народа она никак не может служить посредствующим звеном между царем и землею»* [12, с. 186]. Об отрыве «культурного слоя» от «народа» писал и Н. И. Бердяев [2, с. 35–36]. Б. А. Кистяковский же с горечью писал: «Если иметь в виду это *всестороннее дисциплинирующее значение права* и отдать себе отчет в том, какую роль оно сыграло в духовном развитии русской интеллигенции, то получатся результаты крайне неутешительные. Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни

индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что *русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности*; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития» [7, с. 578].

Тем не менее, время от времени в России начинались модернизации. И тогда что-то начинало меняться и в общественном сознании. Здесь уместно вновь обратиться к В. С. Соловьеву. В его «Оправдании добра», среди прочего, есть попытка понять, как новые нравственные стандарты проникают в общественный организм. Некоторые, говорил он, считают, что общество нравственно улучшается вследствие «личных нравственных успехов: каков человек, таково и общество, стоит только каждому понять и раскрыть свою истинную сущность, возбудить в душе своей добрые чувства – и на земле водворится рай». Однако думать так, значит «переходить в ту область, где младенцы рождаются из розовых кустов». Конечно, важны нравственные усилия отдельного лица, но «возможно ли одними этими единичными усилиями достигнуть того, чтобы *другие* (здесь в цитатах курсив В. С. Соловьева. – М. К.) люди, никаких нравственных усилий не делающие, *начали их делать?*» [13, с. 249–250]. Приводя сцены жестокостей из гомеровской «Одиссеи», он спрашивает, «почему добродетельные, мудрые и *чувствительные* люди гомерической эпохи считали позволительным и похвальным вешать легкомысленных служанок, как дроздов, и крошить недостойных слуг на корм собакам, тогда как ныне такие проступки могут совершаться только маниаками или прирожденными преступниками?» [13, с. 255–256].

Но главное, почему *и с приходом христианства*, когда изменился нравственный идеал, жестокость не уменьшилась? «Нужно ли снова вспоминать представителей средневекового христианства, которые со спокойной совестью и даже сознанием своей нравственной обязанности и заслуги относились к предполагаемым врагам своей церкви с еще большей жестокостью, чем Одиссей к врагам своей семьи, а в более просвещенное время разве американские плантаторы, принадлежа к христианскому вероисповеданию, тем самым не стояли под знаменем безусловно высокого нравственного идеала? И однако они не только на деле относились к своим черным невольникам вообще не лучше, чем язычник Одиссей к своим неверным слугам, но и считали себя в этом (подобно ему же) *правыми*; следовательно, не только их дела, но и их жизненное сознание оставалось не затронутым той высшею правдою, которую они отвлеченно-теоретически признавали» [13, с. 255–256]. Или вот, Россия. Соловьев приводит пример из очерков истории Тамбовского края И. И. Дубасова, где рассказывается о следствии по делу помещика (1840-е гг.), в имении которого «не было ни одного не избитого крестьянина и ни одной крепостной девушки непоруганной». Но при этом, подчеркивает В. С. Соловьев, большинство соседей-дворян отзывались об этом помещике как об «истинном христианине». Да и следствие было прекращено [13, с. 256]. Тогда что произошло, спрашивает автор, коль скоро всего «*в три последние десятилетия*» изменилось отношение общества к жестокостям и к самому рабству? И Соловьев

высказывает следующую мысль: «При весьма различных исторических условиях и в Америке, и в России организованное общественное целое, обладающее властью, решило положить конец *слишком грубому нарушению христианской – Божьей и человеческой – правды в общественном строе*. В Америке это было достигнуто ценою крови, страшною междоусобною войною, у нас – властным правительственным действием» [13, с. 257].

Не думаю, что А. Линкольн и Александр II (Освободитель) руководствовались только моральными мотивами. В противном случае пришлось бы признать, что византийские императоры, начиная с Константина Великого были лишены чувства христианской нравственности. Просто к середине XIX века в евроатлантической цивилизации идея человеческого достоинства, коренящаяся в христианском мировоззрении, успела глубоко проникнуть в общественное сознание образованного класса. Неслучайно, В. С. Соловьев говорит не только о Божьей, но и о «человеческой правде в общественном строе». В дальнейшем он подтверждает мысль о зависимости восприятия определенных идей только на соответствующем витке общественного развития: «Внутренний переворот, происшедший в человечестве из взаимодействия палестинских событий с греко-римскими теориями, должен был, казалось, положить начало совершенно новому порядку вещей. *Ожидалось даже полное обновление физического мира – вместо того и социально-нравственный мир язычества остается доселе без коренных и окончательных изменений*. Мы не будем по этому поводу удивляться и сетовать, если представим себе задачу нравственного перерождения человечества во всем ее объеме. Что разрешение этой задачи прежде окончательной катастрофы должно подготавливаться постепенным процессом – это ясно, по существу дела, и предуказано в самом Евангелии. Процесс такого подготавливания не совершился, но совершается, и *несомненно, что с XV и особенно с конца XVIII века ход истории представляет заметное прогрессивное ускорение*» [13, с. 272–273].

Другое дело, что будь на месте американского президента и российского императора другие люди, они, «ради стабильности», могли бы и не решиться на принятие радикальных решений. Это – к вопросу о том, почему и как «открываются окна возможностей». Разумеется, объективные процессы (хотя и их логика, как правило, зависит от определенных идей) подготавливают условия для точек бифуркации (или даже полифуркации). Но «открывают окна» люди: либо стоящие во главе государства, либо те, кто отстраняет их от власти насильственным путем. В этой связи приведу слова известного историка права Гарольда Бермана: «*Если бы царское правительство (в России – М. К.) ввело эффективную конституционную монархию и перераспределило землю; если бы Бурбоны отделили церковь от государства, отменили пережитки феодализма и разрешили создание демократических институтов; если бы король Георг III даровал американским колонистам все права своих английских подданных и в дополнение разрешил им ввести демократические учреждения; если бы первые Стюарты приняли верховенство парламента; если бы каноническое право в XV в. поддалось примирительству и другим обстоятельствам, толкавшим его к реформе; если бы императоры и короли в XI в. вовремя отказались от своего главенства над церковью, – словом, если бы все они могли предви-*

деть неизбежное и произвести необходимые фундаментальные изменения в рамках существующего правового порядка, тогда, наверно, революций можно было бы избежать» [3, с. 37].

Да, трагедии насильственных революций случаются там и тогда, где и когда власть боится начинать реформы, поскольку это не сулит продолжения комфортного правления. Так что личности, руководившие США и Россией в 1860-х гг., по праву вошли в историю как великие национальные лидеры, не только понимавшие неэффективность института рабства для развития страны, его несовместимость с понятием «современное государство», но и решившиеся ликвидировать этот институт, сознавая, что столкнутся с непониманием и сопротивлением. Историки, правда, отмечают, что Александр II «стал реформатором не в силу своих воззрений, а как военный человек, осознавший уроки жестокого поражения, и как самодержец, превыше всего ставивший престиж и величие возглавляемой им империи. Определенную роль сыграли и свойства его характера – доброта, сердечность, восприимчивость к “гуманным идеям” – привитые ему всей системой воспитания В. А. Жуковского (приглашенного Николаем в наставники к цесаревичу). По словам Л. Г. Захаровой, тонкого знатока эпохи Великих реформ, – “не будучи реформатором по призванию, по темпераменту, Александр стал им в ответ на потребности времени как человек трезвого ума и доброй воли”» [5, с. 325].

Из всего сказанного можно сделать следующие *выводы*. *Во-первых*, новые идеи, которые способны изменить характер публичной жизни, проникают не во все страны. И еще меньше мест, где они воспринимаются образованным классом. Для этого, видимо, в обществе должно доминировать уже определенное миропонимание. *Во-вторых*, там, где новые идеи приживаются, «материальной силой» они становятся (институализируются) нескоро. Для этого нужно, чтобы социальные стереотипы предшествующей эпохи начали считаться предрассудками, а их носители постепенно воспринимались бы как реликты, с которыми стыдно иметь дело. Другой вариант: если страна имеет не модернизированные институты, но принадлежит в целом к той же культуре, что и страны, пережившие модернизацию, новые идеи гораздо быстрее могут стать основой для модернизации. *В-третьих*, институализация новых идей (точнее, их проявлений) происходит путем реформ, начинаемых властью, или революций, которые, впрочем, можно назвать тоже реформами, но которым предшествует нелегальное (с точки зрения старых правил) завоевание власти. Реформы есть изменение формальных правил. *В-четвертых*, если реформы (неважно, начатые правящим классом или «революционерами») затрагивают самые основания укоренившегося общественного строя, то успех таких реформ зависит: а) от решимости и последовательности их инициаторов (кураторов, активных участников); б) моральных ограничений, налагаемых на себя инициаторами (кураторами, активными участниками); в) понимания обществом жизненной необходимости, смысла, целей и индикаторов реформ и отсюда – готовности временно пожертвовать комфортом, дореформенным уровнем материального благополучия и т.п. *В-пятых*, изменение формальных правил способно довольно быстро изменить взгляды, доминирующие в обществе, однако, не настолько, чтобы «за три десятиле-

тия» коренным образом поменять общественное сознание. В конце концов, мы знаем, что в некоторых штатах США даже официальная дискриминация чернокожих сохранялась до середины 1960-х гг., а в России до сих пор еще не прижилась ценность свободной личности.

Как видим, здесь эффект path dependence в его обычном понимании не проявляется. Да, «окно возможностей» открывается, но и без знания о существовании такого эффекта любой разумный человек понимает, что возможности выбора не могут не иметь границ – экономических, социальных, ментальных. Однако, если мы воспримем этот эффект в постановке А. А. Аузана, его смысл становится понятен. И тогда мы вправе задать вопрос: не этот ли эффект оказался причиной того, что в России, например, через двадцать лет после Великих реформ (1861 – 1881 гг.) и после восьми лет ельцинских реформ (1992 – 2000 гг.) воцарялся противоположный по духу режим («реакция»), в целом поддержанный большинством населения, т.е. Россия возвращалась на прежнюю траекторию?

На мой взгляд, ответ должен быть утвердительным. Но с некоторыми оговорками.

Во-первых, хотя стране не удавалось закрепить новую парадигму развития, пореформенная *Россия все же уже не была похожа на дореформенную*. Новые правители, конечно, «подмораживали» ее, но не разворачивали вспять. Единственный случай полной смены парадигмы – это *большевистская революция* (желая противопоставить советскому пафосу свое отрицательное отношение к ней, многие говорят: «октябрьский переворот»). Но хотя началось все с переворота, дальше осуществлялась именно революция). Однако большевикам даже с помощью тотальных репрессий не удалось реализовать свой замысел – фундаментальной переделки человеческого сознания. Оттого не смогла воплотиться в жизнь и затем рухнула концепция «полугосударства», т.е. общества, постепенно избавляющегося от регулирования и идущего к саморегулированию – «общественному коммунистическому самоуправлению». Тем не менее, многолетний период большевистского правления создал свою «колею», из которой попыталась выпрыгнуть уже постсоветская Россия.

Во-вторых, как уже говорилось, институт институту – рознь. Разные институты (разные сферы) по-разному изменяют общественные отношения и, главное, по-разному воспринимаются общественным сознанием. Конечно же, чрезвычайно важны были судебная, военная, земская, городская, полицейская, финансовая реформы Александра II, реформы народного просвещения и цензуры, хотя и их степень радикальности, объем, временной эффект были весьма разными. Но все-таки центральной реформой была именно крестьянская. Казалось бы, «технически» это была самая легкая реформа, поскольку нужно было только ликвидировать институт крепостной зависимости. На самом деле она включала в себя два «экзистенциальных» вопроса – о воле и земле. И вот второй как раз был решен не в пользу крестьян в крестьянской, по существу, стране.

Path dependence проявился здесь, прежде всего, в том, что «выйдя из-под власти помещика, крестьянин оказывался в зависимости от “мира”, т.е. общины, которая оставалась собственником надельных земель. Крестьяне не могли отказаться от надела. Для каждой губернии были уста-

новлены его высшая и низшая нормы. После грубой корректировки предложений Редакционных комиссий в Главном комитете они были понижены, и в целом по России крестьянство потеряло около 20 % той земли, которой пользовалось до реформы. Общине все равно приходилось арендовать землю у помещика, расплачиваясь обработкой уже его земель. Эта так называемая «отработочная» система ставила освобожденных крестьян в жесткую экономическую зависимость от своих вчерашних хозяев» [5, с. 335]. Поэтому «объявленная воля была встречена большинством крестьян с недоумением. Документы полны свидетельств о том, что мужики говорили “да какая же это воля?”, “так еще через два года!”, “да господато в два-то года-то все животы наши вымотают”» [5, с. 337].

Эффект *path dependence* может сказываться и в решениях, действиях *тех, кто начинает и проводит модернизацию*. Другими словами, здесь как раз и всплывает *недостаточное качество элит*, в том числе и личности, олицетворяющей реформы. Русское образованное общество в 1860 – 1970-х гг. было уже готово к началам парламентаризма и постепенному переходу к ограниченной монархии. Однако Великие реформы не успели затронуть основы политической системы. И это в большой степени породило «социалистический» (народовольческий и др.) экстремизм и терроризм, который, в свою очередь, оказывал влияние на власть, подталкивая ее (и в конце концов подтолкнул-таки) к «подмораживанию».

Известно, что записка (доклад) М. Т. Лорис-Меликова, которого иногда считают «диктатором при монархе», предусматривала нечто, наподобие парламента, с чем Император согласился, и на 4 марта 1881 г. было назначено заседание Совета министров, на котором предполагалось утвердить идею о допуске выборных в Государственный совет. Однако 1 марта Александр II был убит террористом. И это («случайное событие» как элемент *path dependence*) определило дальнейшее развитие событий (хотя были и другие случайности: в частности, чей-то разговор в апреле 1881 г. с Александром III, после которого новый Император резко сменил поначалу свою лояльную позицию относительно народного представительства).

Похожий эффект *path dependence* мы видим и в новейшей истории России. Правда, на месте царя-освободителя тут уже были (последовательно) два лица: М. С. Горбачев, открывший «окно возможностей», и Б. Н. Ельцин, определивший выбор пути. Как и сто с лишним лет назад, у России появился шанс «выпрыгнуть из колеи» догоняющего развития. Как и тогда, эта попытка не удалась. Но общая тенденция свидетельствует в пользу того, что новая попытка неизбежно будет предпринята.

Список литературы

1. Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 54 – 60.
2. Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М.: ИМА Пресс, 1990. 288 с.
3. Берман Г. Дж. *Западная традиция права: эпоха формирования*: пер. с англ. 2-е изд. М.: ИНФРА-М НОРМА, 1998. 624 с.
4. Булгаков С. Н. *Избранное* / Сост., автор вступ. ст. О.К. Иванцова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 384 с.

5. **Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П.** Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.
6. **Карпец В. И.** Реформы и право в России: история и современность // Реформы и право / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. С. 58 – 76.
7. **Кистяковский Б. А.** Избранное: в 2-х ч. / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Ч. 1. 665 с.
8. **Краснов М. А.** Рождение российской Конституции: по сценарию Лассаля? // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 33 – 45.
9. **Лассаль Ф.** О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании, в 1862 г.) // Сочинения Фердинанда Лассаля. СПб: Издание Н. Глаголева. Т. 2. 1905.
10. **Нуреев Р. М.** Институциональная среда российского бизнеса – эффект колеи [Электронный ресурс]. URL:<http://rustem-nureev.ru/> (дата обращения: 30.03.2017).
11. **Пивоваров Ю. С.** «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе»? // Труды по россиеведению: сб. науч. тр. / под ред. И. И. Глебова. М.: РАН. ИНИОН. Центр россиеведения. 2014. № 5. С. 47 – 101.
12. **Соловьев В. С.** Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В. С. Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С. Б. Роцинский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 185 – 190.
13. **Соловьев В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Избранное. 313 с.
14. **Четвернин В. А.** Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2009. № 2. С. 57 – 72.

References

1. **Auzan A.A.** [«Track» of the Russian modernization], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2007, no. 6, pp. 54-60. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Berdyaev N.A.** *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality], Moscow: IMA Press, 1990, 288 p. (In Russ.)
3. **Berman G.Dzh.** *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Western tradition of law: the era of formation], Moscow: INFRA-M NORMA, 1998, 624 p. (In Russ.)
4. **Bulgakov S.N.** *Izbrannoe* [My Favorites], Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, 384 p. (In Russ.)
5. **Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P.** *Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot ryurikovichei do oligarkhov* [Choosing your story. "Razvilki" on the way of Russia: from rurikovich to oligarchs], Moscow: KoLibri, 2005, 638 p. (In Russ.)
6. **Karpets V.I.** [Reforms and Law in Russia: History and Modernity], *Reformy i pravo* [Reforms and law], M.: Izd. dom GU-VShE, 2006, pp. 58-76. (In Russ.)
7. **Kistyakovskii B.A.** *Izbrannoe* [My Favorites], Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), part 1 of 2, 2010, 665 p. (In Russ.)
8. **Krasnov M.A.** [The birth of the Russian Constitution: according to Lassalle's script?], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2014, no. 4, pp. 33-45. (In Russ.)

9. **Lassal' F.** On the essence of the constitution (Speech uttered in one Berlin district assembly, in 1862), *Sochineniya Ferdinanda Lassalya* [Works by Ferdinand Lassalle], Saint Petersburg: Izdanie N. Glagoleva, vol 2, 1905. (In Russ.)

10. <http://rustem-nureev.ru/>

11. **Pivovarov Yu.S., Glebova I.I.** [Ed.] [«What, dear, do we have a millennium in the yard?»], *Trudy po rossievedeniyu: sbornik nauchnykh trudov* [Proceedings of Russian Studies: a Collection of Scientific Papers], Moscow: RAN. INION. Tsentr rossievedeniya, 2014, no. 5, pp.47-101. (In Russ.)

12. **Solov'ev V.S.** [Jewry and the Christian Question], *Izbrannoe* [Favorites] Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, pp. 185-190. (In Russ.)

13. **Solov'ev V. S.** [Justification of the good. Moral Philosophy], *Izbrannoe* [Favorites], 313 p. (In Russ.)

14. **Chetvernin V.A.** [Historical progress of law and types of civilizations], *Ezhegodnik libertarno-yuridicheskoi teorii* [Yearbook of Libertarian-Legal Theory], no. 2, 2009, pp. 57-72. (In Russ., abstract in Eng.)

SOME HYPOTHESES ABOUT THE REASONS FOR RUSSIA'S RETURN TO POTESTARIAN TYPE OF STATE

M. A. Krasnov, *Doctor of Law, Full Professor, Head of Department of Constitutional and Administrative Law, National Research University "Higher school of Economics", Moscow; mkrasnov@hse.ru*

The possibilities of applying the "path dependence" concept to Russia are explored. Based on the scientists' hypotheses, conditions for the development of Russian identity related to the rejection of the basic values of law and the ideas of constitutionalism are determined. The manifestation of the effect of path dependence is disclosed, among other things, using the example of the events of 1991-1993, and their subsequent influence on the institutional design of the RF Constitution, which led to the inhibition of modernization of the state and society. The theory of path dependence is disclosed through the study of the analogy of events in the new and modern history of Russia. It is concluded that Russia has made an unsuccessful attempt to leave the track of catching-up development, as it did a hundred years ago.

Keywords: potestarian type of state; concept of path dependence; anti-modernization track, bifurcation, principle of Bradbury's butterfly; cultural layer; modernization.

© М. А. Краснов, 2017

Статья поступила в редакцию 08.10.2017

В настоящей статье анализируются различия западно-либерального и христианского подходов к проблеме прав человека. Отмечаются новые тенденции в развитии взглядов на феномен прав человека в российской политико-правовой и философской теории. Вскрывается роль образа человека, на основе которого зиждется теория прав человека и подчеркивается принципиальная разница православно-христианского и либерального атеистического подходов к феномену человека и его прав.

Ключевые слова: права человека; религия; антропология; философия права; либеральный дискурс.

Борис Александрович Куркин, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра «Международное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
kurkin.boris2012@yandex.ru

Ирина Сергеевна Искевич, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Международное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
irina_77707@list.ru

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ДВА ВЗГЛЯДА НА ФЕНОМЕН

Еще в 1973 г. Международный институт по правам человека составил доклад «Изучение прав человека в университетах», где указывалось, что эта наука не ограничена рамками национального или мирового правопорядка и не является юридической наукой. В 1982 году эту позицию обосновал французский ученый К. Вазак, эти идеи обрели своих сторонников в России, призывавших создать всеобъемлющую теорию прав человека.

За признание науки о правах человека как учения об основных, наиболее общих закономерностях возникновения и развития истории, теории и практики этих прав, решительно выступил в 1995 г. Б. Л. Назаров, обосновывавший свою позицию тем, что данная синтезирующая научная и учебная дисциплина должна стать методологической основой развития проблем прав человека во всех юридических науках [8].

Сходную позицию заняла и Е. А. Лукашева, заявив о самостоятельности научной и учебной дисциплины прав человека в системе общественных наук, назвав эту отрасль знания «теорией прав человека» [6].

Однако все попытки создать таковую потерпели неудачу, и интерес к этой проблематике в настоящее время значительно ослаб. Камнем преткновения для теоретиков стала проблема онтологического обоснования теории прав человека, ибо обосновывать можно лишь то, что бытийно, а не создано изменчивым человеческим желанием и волей. Все это может быть прекрасной иллюстрацией к верности мысли А. Шопенгауэра о том, что проповедовать мораль легко, а обосновывать ее трудно.

В истории политико-правовой мысли Запада права человека традиционно толкуются в качестве проявления его естественных и неотъемлемых, приобретаемых в силу факта рождения прав, базой которых является теория естественного права. Однако следует отметить, что в истории политической мысли было немало различных по смыслу, значению и содержанию вариантов теории естественного права. Тем не менее в работах, посвященных теории прав человека, естественно-правовой подход к их обоснованию связывается почти исключительно с именами Гоббса, Локка, Руссо, Монтескье.

Категория естественных прав в настоящее время сохранилась в основном на уровне доктринальных разработок, а в практике конституционных судов уступила место позитивистской трактовке прав и свобод. В соответствии с теорией юридического позитивизма они действуют только в той мере и в таком объеме, в каком гарантируются конституцией и законами. Такая позиция однозначно характерна для Австрии и преобладает в Германии, Италии, Испании.

Иными словами, в настоящее время западная правовая доктрина делает акцент уже не на естественном и «надпозитивном» характере прав, а на их конституционной гарантированности и юридической защищенности, в сущности, всячески обходя вопрос об «онтологии прав человека».

На практике, однако, современный западный конституционализм давно уже отошел от естественно-правового понимания и обоснования прав человека.

Идея прав человека в их доминирующей ныне интерпретации – порождение западного общества эпохи Нового времени, именуемой с недавних пор эпохой Модерна. И с течением времени религиозное содержание естественных прав подверглось обмирщению в европейской политико-правовой доктрине, получив законченную безрелигиозную, атеистическую окраску в эпоху Просвещения. Неизбежным следствием этого стала возможность неограниченно произвольной интерпретации сущности и содержания естественных прав.

Право в его либеральной версии ограничивается исключительно регулированием внешнего поведения. Доступ к внутреннему миру человека для него закрыт, и потому «основным вопросом» западного либерального государства и права становится легальность, а не моральность. Внеморальность политики, замена всеобщей этики контролем принятых в парламенте законов превратилось в кредо государственности и демократии западного типа, устраняющих из политики понятие греха, (а по сути, и совести – провозглашение «свободы совести») и заменяющих его исключительно понятием права: «Разрешено все, что не запрещено законом».

Показательна в этой связи история послевоенного конституционализма в ФРГ. Его адепты отрицают и позитивистский подход к идее основных прав, и в то же время избегают апелляций к «естественному праву» и уж тем более христианскому вероучению при обосновании идеи неотъемлемых основных прав личности, независимых от воли государства.

Памятуя о Нюрнбергских законах теоретикам естественного права приходилось чураться в силу политической необходимости (дабы не вы-

зывать нечистых духов минувшего). Но и от позитивистского обоснования прав человека – «основных прав» – тоже приходилось открещиваться: те же Нюрнбергские (равно как и прочие законы) были легальны и, с точки зрения юридического позитивизма, безупречны.

«Основные права, – отмечает известный конституционалист и в прошлом председатель Конституционного суда ФРГ К. Хессе, – не «заданы природой», т.е. не имеют догосударственного и доправового характера, поскольку обеспечиваются только при позитивном государственном правопорядке. Без правового обеспечения, оформления и ограничения государством, без правовой защиты основные права не смогли бы предоставить индивидууму конкретный реальный статус свободы и равенства и выполнить свои функции в жизни общества». Без взаимосвязи с другими факторами конституционного строя развивает свои тезисы К. Хессе, «они смогли бы осуществляться не как «естественный» статус, а только как важная составная часть демократического государственно-правового строя в целом» [9].

По всему выходило, что и «естественное право», и юридический позитивизм для обоснования идеи прав человека явно не годились – дабы не вызывать опасных аллюзий.

Выход из возникающей коллизии теории конституционализма ФРГ узрели в придании основным правам статуса «философско-правовой ценности» наивысшего порядка. Однако в таком случае конституционалисты оказались вынужденными разъяснять, почему основные права вопреки историческим и объективным фактам образуют такую систему, а также то, как соотносится эта система с «общей системой ценностей конституции»: будут ли эти системы идентичными, а если нет, то какие еще «системы ценностей» помимо основных прав содержит в себе общая система ценностей конституции.

Однако попытка онтологизировать права человека в качестве ценности (высшей ценности) тоже таит в себе «семя тли». Еще Ницше показал всю проблематичность философии ценностей, которые, как известно, имеют свою судьбу. На всю проблематичность интерпретация прав человека в качестве непреходящих ценностей обращал внимание К. Шмитт.

«Если рассматривать основные права как ценности, – писал К. Шмитт, – то сразу же возникает вопрос о том, почему эти ценности (равенство, свобода мнений и т.д.) должны рассматриваться в качестве таковых лишь по отношению к государству? Логично было бы распространить такое отношение к ним и на правоотношения, возникающие между гражданами. У ценности своя логика» [11].

Как подчеркивал Шмитт в своей работе под многозначительным названием «Тирания ценностей», «облеченная в субъективность свобода подменяется объективностью ценностей, являющуюся объективностью лишь по видимости. Ибо тот, кто ссылается на ценности, не может ничего противопоставить стремлению к переоценке, дискредитации или сомнению в той или иной ценности» [11].

Действительно, что мешает суверену пересмотреть статус этих норм-ценностей, и существуют ли для этого непроходимые преграды? Это-то

обоснование принципов-ценностей и становится, по Шмитту, слабейшим звеном данной версии прав человека, и здесь слабо помогает даже придание этим правовым ценностям статуса «трансцендентальных».

Конечно, продолжал Шмитт, можно было бы рассматривать конституционные нормы в качестве выражения «системы ценностей» или «естественно-правовой системы» (поскольку речь идет об основных правах). Однако неизбежным следствием этого и расплатой за это будет обесценивание самого текста конституции и ее понятийной структуры. Обретаем же мы в итоге ценности «позитивного» и «над-позитивного» свойства, для сомнения в стабилизирующей роли которых опыт последних десятилетий (причем, не только Германии) дает немало поводов» [11]. Весьма схожа с германской в этой части и конституционно-правовая доктрина Испании.

В качестве некой «метапозитивной» ценности (хотя и с весьма существенными оговорками) интерпретируются основные права в итальянском конституционализме.

Итак: либо основные права ценности и подлежат одинаковой правовой защите как в отношениях между гражданами и государством, так и между самим гражданами, либо в одном случае основные права – это непреходящие вечные ценности, в другом – субъективные преходящие права. Такова, по Шмитту, нелегкая ситуация, в которую попадают интерпретаторы конституции в качестве системы ценностей. Одним словом, никакой «онтологии прав человека» создать так и не удалось.

Для того чтобы выявить «онтологию» прав человека придется начать издалека и обратиться к Новому времени.

Идея прав человека – детище либерализма – целиком и полностью, кровь от крови, плоть от плоти продукт западной культуры эпохи Нового времени, или Модерна, т.е. конца XVI – начала XVII веков, тянущегося вплоть до конца XX века, когда началась уже совершенно новая эпоха – эпоха Постмодерна.

Отечественный историк права и философ В. И. Карпец выделяет, в частности следующие черты политического Модерна.

1. Представление о самодостаточности человеческой индивидуальности и ее оторванность от окружающего мира и бытия в целом.

2. Ограниченность политико-правовой парадигмы модерна географическими пределами Европы и части Северной Америки. Остальная территория Земли в целом в большей или меньшей степени наследует парадигму традиции.

3. Идея о самостоятельном значении права и его автономии от государства. Причем вопрос о происхождении права как такового либо не ставится вообще, либо если даже и ставится, то адекватного ответа не получает.

4. Идея о человеческом, а не сверхчеловеческом происхождении государства, преимущественно договорном.

5. Отказ от представлений о монадичности власти и, по крайней мере, на мыслительном, интеллектуальном уровне дробление самой идеи власти (теория разделения властей).

6. Идея обособленного существования государства и общества, в конечном итоге ведущая к формированию концепции гражданского общества.

7. Обособление государства и права от морали, религии и т.д.
8. Открытое подчинение политического экономическому.
9. Доктрина прав человека.

10. Неразрывная связь доктрины прав человека с ее расширительным пониманием как доктрины прав человека и гражданина. Причем гражданин понимается в буквальном смысле этого слова – буржуа.

11. Представление о единственности и единственной возможности существования самой по себе этой парадигмы и отрицание за всеми остальными парадигмами самого права на существование [5].

Действительно, доктрина прав человека становится несущим элементом политического либерализма, его краеугольным или, по крайней мере, одним из таких краеугольных камней.

У Модерна свои метафизические и мировоззренческие основания, уходящие корнями в понимание смысла и сущности жизни, своя антропология, свое видение феномена человеческой жизни. Но если жизнь человека не является вечной и заканчивается с его биологическим существованием (либерализм в основе своей принципиально атеистичен), то главной целью существования становится чисто физическое благополучие. «Отсюда, – как справедливо отмечает В. И. Карпец, – проистекает: а) первичность экономики по отношению к политике и б) само понятие прав человека» (что совершенно логично), ибо для того чтобы обеспечить свое физическое существование, человек должен, прежде всего, его гарантировать. «Отсюда проистекает и соответствующая идея о том, что человеческая свобода ограничена свободой другого человека. В этом собственно и состоит принцип либерализма» [5].

Больше того, само понятие «ценностей» появляется по мере перехода от традиционного общества к «обществу модерна». Традиционный мир этого понятия не знает и знать не может. В нем все, собственно, одновременно (точнее – одноименно, ибо и линейно-дискретного времени оно не знает), бесценно, т.е. не имеет цены в принципе. И прежде всего это касается самой человеческой жизни. «Традиционный человек знает, что она не начинается с физического рождения и, быть может, даже зачатия (по крайней мере, в замысле Божиим) и не заканчивается физической смертью, каковая не является для человека фатальностью и абсолютным злом. Жизнь безконечна и абсолютна». Поэтому никакого вопроса о «праве на жизнь» – фундаменте всех остальных либеральных свобод – не возникает, а соответственно, не возникает вопроса ни о каких иных. «Либеральные ценности» возникают по мере умаления веры в Бога-Жизнодавца» [5].

«Право на жизнь» от *зачатия* до смерти у католиков, затем – от *рождения* до смерти – возникает уже в секуляризованном после французской и американской революций обществе. «Неотъемлемые права человека», получают на Западе дополнительное обоснование в «христианском персонализме», связанном с пониманием человека как образа и подобия Божьего, но невозможном по определению: «персона» по-гречески есть маска актера (лицедея) и потому заведомо не имеет никакого отношения к образу и подобию. Все же остальные так называемые «неотъемлемые права человека и гражданина» вытекают из принципа конечности человеческой жизни.

Не будет большим преувеличением сказать, что классический образ западного человека, легший в основу современной либеральной политико-правовой теории, был дан Т. Гоббсом, у которого оправдание государства осуществляется исходя из *conditio humana*, но образ его природы радикально меняется по сравнению с предшествующими теориями. Человек, по Гоббсу, – это обособленный индивид в первоначальной дикости своих потребностей, естественный дикарь: корыстный и умный, агрессивный и ленивый, недоверчивый и злобный. Волк. Но волк, умеющий просчитывать преимущества и недостатки небезопасной свободы в естественном состоянии и несвободной безопасности в государстве. Одним словом, волк, обязующийся выполнять в своих взаимоотношениях с другими подобными ему волками принцип: *pacta sunt servanda*.

Разумеется, позднее этот волк приобрел некие черты респектабельности (например, у Д. Локка) и даже сентиментализма (как в политико-правовой теории Ж.-Ж. Руссо), но суть его от этого вовсе не изменилась. Для либеральной политической теории – от Гоббса и Локка до Пoppersа включительно – человек являет собой некий свободный атом, обладающий неотчуждаемыми правами, и входящий с другими людьми в отношения эквивалентного обмена, а гражданское общество, о чем писал Д. Локк, находится в состоянии перманентной гражданской войны.

Принципиально иной по смыслу, содержанию и значению естественно-правовой подход к анализу феномена права был осуществлен, как подчеркивают В. А. и В. В. Роговы, в трудах Отцов Церкви.

Так, «уже Св. Ириной значительно раньше классической римской юриспруденции ввел в христианскую теорию понятие «естественного права» именно как систему «должного» для человека, как выходящую за юридические рамки концепцию всеобъемлющей ответственности перед Богом» [7].

Естественный закон в его православной интерпретации, – «это тождественный и единосущный закону Божьему, данному в первоначальных заповедях. И речь в них идет об обязанностях человека перед Богом, а не о домысленных протестантами правах человека и не о теории прав человека под пером европейских «просветителей».

На это же обстоятельство, хотя и в несколько ином ракурсе, обращал внимание и выдающийся немецкий философ Р. Гвардини [1].

Отношение к «правам человека» не может не быть связано с самими общими представлениями об уделе человеческом. Если жизнь (в самом широком смысле) не ограничена условиями физического существования во времени, то сами эти условия не имеют принципиального значения. Более того, если рассматривать посмертное существование как вечное, то все здешнее либо не имеет значения вообще, либо имеет его лишь как подготовка к вечности или некое искупление (исправление). Таким образом, сами по себе «права человека» вообще лишаются всякого смысла. Более того, их «утеснение» в своем роде искупительно. Это на самом деле содержится в любой традиции, но в православно-христианской, основанной на аскезе и борьбе с грехом – в наибольшей степени.

«Человек» и тем более его права, как справедливо отмечает В. И. Карпец, не могут быть «высшими ценностями» просто потому, что таковыми не являются. Высшие ценности всегда трансцендентны, «иноприродны» и «нездешни». Даже советские идеология и право провозглашали трансцендентные ориентиры, что и позволяло им поддерживать свое существование, «питаясь извне» [4].

Одним словом, объявляя человека высшей ценностью, мы неизбежно должны определить некую абсолютную ценность и ее человеческие параметры. И провозглашая человека «высшей ценностью» становится невозможно уже уйти от вопроса о качестве этого человека. Падший человек – тоже человек. Он будет «высшей ценностью»? Модусы человечности вообще беспредельны.

Налицо чисто идеологический лозунг, не имеющий к реально жизни никакого отношения. Как справедливо отмечает в этой связи О. И. Генисаретский, «идеи всемирного гражданского общества, прав и свобод человека, – это утопия, пафос которой – в агрессивном отрицании всего самобытного (в особенности – разных «образов человечности»)). В концепции прав человека прямо отражены только те человеческие качества, которые характеризуют человека как автономного, свободного и правоспособного индивида, как частное лицо, представляющее только самого себя, поскольку ему изначально присущи его человеческая природа и выводимые из нее неотчуждаемые права. За этносами, культурами и религиями не признается собственной природы, отличной от индивидуально-человеческой, а следовательно, не признается ни их автономии, ни свободы, ни прав» [2].

Следует отметить в этой связи, что за редчайшим исключением подавляющее большинство российских авторов, пишущих о политическом либерализме, оставляют в стороне этот философско-антропологический аспект либеральной правовой идеологии.

Выдающийся французский философ Ален де Бенуа в своей работе, опубликованной еще в 1988 году, в сборнике с очень характерным названием «Мужество ради идентичности» и озаглавленной «Религия прав человека» написал: «На вопрос, как получилось так, что столь многие представители сравнительно различных идеологий смогли сойтись на понятии “прав человека”, один из членов той комиссии, которая была уполномочена разработать Всеобщую декларацию прав человека, решение о принятии которой было принято ООН в 1948 году, ответил так, что действительно согласие вокруг этого понятия существует, при условии, однако, что никто не задает вопрос «почему» [5].

И продолжает: «Человек, которого охраняет идеология прав человека, – не опирается на почву. У него нет наследия и принадлежности – или он хочет разрушить и то, и другое. Этому человеку очень хочется, чтобы и другие тоже стали бы ни с чем не связанными. Он охотно видел бы, как они отказываются от собственного наследия и становятся лунатиками». Но этот «отказ от собственного наследия» есть отказ и от наследия в вечности.

Торжество же либерально-гуманитарных ценностей привело к тому, что стал признаваться за норму самый страшный вид убийства. Убивать журналистов нельзя, а младенцев во чреве можно – таков один из императивов «открытого общества», тогда как в средние века Церковь легче прощала разбойников и кровавых правителей, чем матерей-детоубийц.

Все это приобретает огромное политическое значение при рассмотрении вопроса о правах человека в современной международной, в том числе и международно-правовой жизни.

Провозглашая, с одной стороны, примат прав человека, а с другой – принцип невмешательства во внутренние дела государств, оно тем самым фактически дезавуирует последний, делает его недействительным. Если права человека первичны, то *всякое* вмешательство во внутренние дела государств заведомо является оправданным, и все дело только в том, *кто* провозгласит себя борцом с мировым злом и кого объявят злом.

Список литературы

1. **Гвардини Р.** Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 152 – 159.
2. **Генисаретский О.** Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.: Путь, 2002. 528 с.
3. **Карпец В.И.** Онтология разрушения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravaya.ru/govern/392/9862> (дата обращения: 20.10.2017).
4. **Карпец В. И.** Русь Меровингов и корень Рюрика. М.: ЭКСМО, 2006. 512 с.
5. **Карпец В. И.** Антропологический расизм либеральных ценностей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravaya.ru/look/15876> (дата обращения: 20.10.2017).
6. **Права человека:** учеб. для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. 573 с.
7. **Рогов В. А., Рогов В. В.** Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.). М.: МГИУ, 2006. 269 с.
8. **Савин М. С.** Права человека. История теории и практика: учеб. пособие / отв. ред. Б. Л. Назаров. М.: Наука, 1996. 303 с.
9. **Хессе К.** Основы конституционного права ФРГ: пер. с нем. / Под ред. Сидоров Н.А. (Вступ. ст.). М.: Юрид. лит., 1981. 368 с.
10. **Human Rights Studies in Universities**, 1973. 77 p.
11. **Schmitt C.** Die Tyrannei der Werte. Hamburg: Lutherisches Verlagshaus, 1979. 35 p.

References

1. **Gvardini R.** [The end of modern times], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 4, 1990, pp. 152-159. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Genisaretskii O.** Navigator: metodologicheskie rasshireniya i prodolzheniya [Navigator: methodological extensions and continuations], Moscow: Put', 2002, 528 p. (In Russ.)
3. <http://www.pravaya.ru/govern/392/9862>
4. **Karpets V.I.** *Rus' Merovingov i koren' Ryurika* [The Merovingian Rus and the Rurik Root], Moscow: EKSMO, 2006. 512 p. (In Russ.)
5. <http://www.pravaya.ru/look/15876>

6. **Lukasheva E.A.** [Ed.] *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow: NORMA-INFRA M, 1999. 573 p. (In Russ.)
7. **Rogov V.A., Rogov V.V.** *Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava* [Old Russian legal terminology in relation to the theory of law], Moscow: MGIU, 2006, 269 p. (In Russ.)
8. **Savin M.S., Nazarov B.L.** *Prava cheloveka. Istoriya teorii i praktika* [Human rights. History of theory and practice], 1996. 303 p. (In Russ.)
9. **Khesse K., Sidorov N.A.** [Ed.] *Osnovy konstitutsionnogo prava FRG* [The fundamentals of the constitutional law of Germany], Moscow: Yurid. lit., 1981, 368 p. (In Russ.)
10. **Human Rights Studies in Universities**, 1973, 77 p.
11. **Schmitt C.** *Die Tyrannei der Werte*, Hamburg: Lutherisches Verlagshaus, 1979, 35 p.

HUMAN RIGHTS: TWO APPROACHES TO A SINGLE PROBLEM

B. A. Kurkin, *Doctor of Law, Professor,
Associate Professor of Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University;
kurkin.boris2012@yandex.ru*

I. S. Iskevich, *Candidate of Science (Law), Associate Professor,
Associate Professor of Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University;
irina_77707@list.ru*

The article focuses on the differences between Western-Liberal and Christian approaches to the problem of human rights. New trends in the development of views on the phenomenon of human rights in the Russian political, legal and philosophical theory are discussed. The role of an individual in the theory of human rights is disclosed; the fundamental differences between the Orthodox Christian and liberal atheistic approaches to the phenomenon of man and his rights are described.

Keywords: human rights; religion; anthropology; philosophy of law; liberal discourse.

© Б. А. Куркин, 2017

© И. С. Искевич, 2017

Статья поступила в редакцию 08.10.2017

Статья посвящена исследованию конституционно-правовых основ экономической политики Германии и США в 1933 – 1939 гг. Установлено, что в обоих государствах – и в тоталитарной Германии, и в демократических США – проводилось жесткое регулирование финансово-промышленной сферы путем внедрения картельных соглашений. В работе предпринята попытка раскрыть особенности, позволяющие разграничить адекватные меры государственного регулирования в эпоху экономического кризиса от таких антикризисных мер, которые подавляют общепризнанные права и свободы, отрицают конституционные ценности.

Ключевые слова: плановая экономика; рыночная экономика; экономическая конституция; хозяйственное объединение; картель; государственное регулирование.

Алексей Николаевич Марченко, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
alexey_ctk@mail.ru

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
ХОЗЯЙСТВА В ЭПОХУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
(на примере Германии и США в период
мирового экономического кризиса 1929 – 1939 годов)**

В настоящее время все большее внимание привлекают вопросы, связанные с конституционно-правовым регулированием экономики. Так, на Западе уже давно зародилась и развивается новая область научного знания – конституционная экономика (Constitutional Economics, термин предложен Р. Маккензи в 1982 году). Между тем, в нашей стране Г. А. Андреевой и ее учениками разрабатывается концепция «экономической конституции» [2]. Известно, что во время экономических кризисов, зачастую носящих глобальный характер, возрастает роль государственной политики в сфере национального хозяйства. Следовательно, необходимо изучить и раскрыть особенности конституционно-правового регулирования в эпохи экономических кризисов, провести аналитическое исследование указанной проблемы на реальных исторических и современных примерах. Именно этим вопросам посвящена статья И. А. Алебастровой «Возрастание роли конституционно-правового регулирования в эпохи экономических кризисов: закономерность или парадокс?» [1]. В статье анализируются причины и проявления активизации роли конституционно-правовых механизмов управления обществом во время экономического кризиса. По мнению исследователя, данная тенденция затрагивает, прежде всего, демократические государства.

И. А. Алебастрова исследует не только современные, но и исторические аспекты данной тенденции. Ученый приходит к выводу о том, что

«возрастание роли конституционно-правового регулирования в кризисные периоды имеет комплексный характер: задействованным оказывается множество конституционно-правовых институтов» [1]. Особое значение в период кризиса имеет правильное соотношение государственного регулирования и свободного рыночного регулирования. И. А. Алебастрова приходит к выводу, что в экономической теории и практике по вопросу о таком соотношении отсутствует единство. Между крайними точками зрения: о минимальном вмешательстве государства в экономику (неолиберализм австрийской экономической школы, основанный на принципе «Laissez faire et laissez passe»), с одной стороны, и о необходимости активизации регулирующего воздействия государства в такие периоды (например, кейнсианство), с другой стороны, – существует масса промежуточных позиций. Однако остается неоспоримым следующее: в кризисных обстоятельствах имеется потребность задействовать все факторы, работающие на смягчение его проявлений и его преодоление, актуализируется задача обеспечения экономической безопасности, поэтому конституционное регулирование как мощный правовой механизм воздействия на экономику оказывается незаменимым.

Исходя из вышеизложенного, представляется актуальным сравнительно-правовое исследование конституционно-правового регулирования экономики в эпоху Великой депрессии – мирового экономического кризиса, начавшегося в 1929 году и продолжавшегося до 1939 года. Мы намерены рассмотреть с применением сравнительно-правового метода конституционное регулирование национального хозяйства, направленное на преодоление экономического кризиса, на примере двух крупных государств – нацистской Германии и Соединенных Штатов Америки.

Мы считаем очевидным тот факт, что государственное регулирование промышленно-финансовой сферы, которое проводилось в Германии гитлеровским правительством, привело (наряду с другими причинами) к формированию тоталитарной диктатуры, ослаблению (в некоторых отраслях промышленности – упразднению) конкуренции, сужению сферы предпринимательской свободы. Такие успехи Германии в период 1933 – 1939 годов, как экономический рост и практически полная занятость населения были достигнуты ценой установления тоталитаризма, отрицания прав человека, перерождения экономики на военные нужды и, в итоге, ценой участия Германии в погубившей ее войне. Не вызывает сомнений, что в нацистской Германии вмешательство государства проводилось в форме принудительного картелирования, что дало правительству **неограниченную власть в хозяйственной сфере**, что было использовано для упрочнения позиций режима и подготовки страны к войне.

Напротив, усиление правительственного вмешательства в экономику и политика ограничений Нового курса Ф. Рузвельта существенно не отразились на состоянии демократии и конституционного строя. Поэтому главной задачей нашего исследования является раскрытие факторов, особенностей, аспектов, которые позволяют **разграничить** адекватные меры государственного регулирования в эпоху экономического кризиса от таких антикризисных мер, которые подавляют общепризнанные права и свободы, отрицают конституционные ценности.

Советский исследователь Ф. Манфрид [5] в качестве основных нормативно правовых актов, регулирующих экономическую жизнь германского государства при нацистском правительстве, называет «Закон о подготовке органического преобразования германского хозяйства» (Gesetz zur Vorbereitung des organischen Aufbaus der deutschen Wirtschaft) от 27 февраля 1934 года и «Закон об учреждении принудительных картелей» (Gesetz über die Einrichtung von Zwangskartellen) от 15 июля 1934 года.

Одним из ключевых понятий данного закона является понятие *Wirtschaftsverbände* – хозяйственного (экономического, промышленного) объединения. Под хозяйственным объединением (союзом) «Закон о подготовке органического преобразования германского хозяйства», несомненно, понимает общественную организацию, представляющую интересы деловых кругов.

В демократическом обществе членство физического (например, индивидуального предпринимателя) либо юридического лица (фирмы) в промышленном объединении является сугубо добровольным, так как в соответствии с принципами свободного предпринимательства и личных прав никто не может быть принужден к членству в какой-либо организации. Так, до принятия комментируемого «Закона о подготовке органического преобразования...» «все хозяйственные объединения Веймарской республики являлись объединениями частноправового порядка, создавались на основе свободного членства, «правомочия экономических объединений согласно их юридической природе имели ограниченный радиус действия и покоились на формально свободных частных соглашениях» [5] – «отдельный предприниматель мог отказаться от вступления в хозяйственный союз, мог выйти из него; в одной и той же отрасли хозяйства могли существовать различные объединения, преследующие одни и те же цели; в их деятельности мог проявиться «параллелизм», или наоборот, эти организации могли скрещиваться друг с другом» [5].

Однако, вследствие принятия «Закона о подготовке органического преобразования германского хозяйства» рейхсминистр экономики получил возможность в административном порядке распускать, создавать и объединять промышленные ассоциации, признавая избранные из них «единственными представителями данной отрасли хозяйства», то есть единственными бизнес-ассоциациями, которые защищают права хозяйствующих субъектов в конкретной промышленной отрасли. Прежде независимые экономические ассоциации теперь подчинены рейхсминистру экономики, который может по своему усмотрению изменять и дополнять важнейшие учредительные документы экономических союзов – уставы и учредительные договоры, тем самым определяя организационную структуру и порядок функционирования данной промышленной ассоциации. Рейхсминистр экономики по согласованию с министром внутренних дел согласно параграфу 2 «Закона о подготовке...» наделялся правом издавать нормативные акты, восполняющие (нем. *Vorschriften ergänzenden Inhalts* – инструкции дополнительного содержания) вышеуказанный закон, что явилось фундаментом для ведомственного нормотворчества.

В свою очередь, «Закон об учреждении принудительных картелей» от 15 июля 1934 года предусматривал возможность более жесткого контроля

за деятельностью субъектов хозяйствования со стороны гитлеровского правительства. Данная норма закрепляла полномочия имперского министра экономики, позволяющие ему объединять предприятия не только в промышленные союзы, но и в монополистические объединения в форме картелей, синдикатов и иных монополистических соглашений. Известно, что любой вид монополистического объединения или соглашения делает невозможным или же крайне затруднительным функционирование рыночных механизмов и ограничивает собственника средств производства в праве самостоятельно распоряжаться собственной продукцией. Согласно «Закону о картелях», рейхсминистр хозяйства вправе создавать такие объединения путем соединения предприятий, ранее не состоявших в монополистическом объединении, а также присоединять такие предприятия к уже существующим монополистическим объединениям.

Параграф 2 «Закона о картелях» наделяет министра хозяйства правом издания нормативных актов, необходимых для практического претворения в жизнь вышеуказанных норм о принудительном создании картелей. Министр экономики, следовательно, вправе при создании монополистического объединения установить права и обязанности членов объединения, **предмет** монополистического соглашения и другие правоотношения относительно объединения, а в случае присоединения предприятия к уже существующему объединению допустить отступление от обязательств по монополистическому соглашению.

Итак, «Закон о картелях» наделял имперского министра хозяйства следующими правами: создавать монополистические объединения (картели, синдикаты и так далее) путем объединения предприятий, и присоединять предприятия к уже существующим монополистическим объединениям (параграф 1); устанавливать предмет и условия монополистического соглашения, права и обязанности членов монополистического объединения, запрещать изменения уставов предприятий и монополистических объединений (параграф 2); министр наделен надзорными и распорядительными функциями в отношении монополистических объединений, причем данные права он может передать своим доверенным лицам (параграф 3); министр вправе воспрещать в пределах какой-либо отрасли открытие новых предприятий, расширение деятельности, увеличение мощности существующих предприятий; министр либо его уполномоченные вправе ограничивать объем использования существующих предприятий (параграф 5); министр экономики вправе издавать дополнительные постановления и инструкции, регулирующие отношения, закрепленные «Законом о картелях».

С момента принятия имперским правительством изучаемых «Законов...» открываются широкие возможности для государственного вмешательства в хозяйственную деятельность экономических субъектов в двойной форме: во-первых, в форме принудительного объединения предприятий и предпринимателей в промышленные ассоциации и картели и, во-вторых, в форме непосредственного регулирования организации и деятельности как промышленных объединений, так и принудительных картелей: установления правил, уставов и условий деятельности всех принуди-

тельных объединений; административного вмешательства в данную деятельность, регулирования условий картельных соглашений, на которых основаны указанные монополистические объединения; ограничения производства или запрета на расширение производства.

Однако форсированная подготовка страны к войне потребовала большей централизации управления национальной экономикой. Поэтому 18 октября 1936 года Адольфом Гитлером был утвержден «Четырехлетний план» (*нем.* Vierjahresplan), который имел две связанные между собой цели: 1) через четыре года иметь боеспособную армию и 2) за тот же срок подготовить экономику Германии к войне. Для осуществления данной программы нацисты создали «Генеральный совет по Четырехлетнему плану» (*нем.* Generalrat der Vierjahresplan) во главе с Уполномоченным по Четырехлетнему плану (*нем.* Bevollmächtigter für den Vierjahresplan) – Германом Герингом, который настаивал на том, что государство должно взять на себя функции частного предпринимательства [4]. Вступление в силу «Четырехлетнего плана» означало высокую концентрацию капиталов и резкое усиление государственного контроля в сфере экономики.

Соответственно трем вышеуказанным этапам правового оформления нацистской «экономической конституции», возможно **условное** выделение двух периодов в экономико-правовой истории Третьего рейха. Первый период озаглавлен принятием «Законов...» и созданием системы экономических союзов согласно «Закону о построении». В означенный период создавалась структура для будущего централизованного бюрократического управления всем национальным хозяйством и подготовки страны к войне: проводилась «унификация», создавались органы и системы централизованного контроля над всеми предприятиями национального хозяйства. Тем не менее в экономике находилось место определенной частной инициативе и ограниченным экономическим свободам. Второй период «экономической истории» нацизма – хозяйственная «диктатура» Германа Геринга. Здесь были задействованы как организационные механизмы, созданные в предыдущий период, так и правовые механизмы, в частности, «Закон о картелях», что позволило руководить всей экономической жизнью немецкой нации из единого центра.

Выделенный нами «первый период» (1933 – 1936) становления хозяйственной формации гитлеровской Германии можно сравнить (с известными оговорками) с такими экономико-правовыми явлениями, как Новая экономическая политика в Советской России и «Новый курс» Франклина Рузвельта в США. Примечательно, что как нэп, так и нацистская экономическая конституция 1933 – 1936 годов сменились всеобъемлющим государственным вмешательством, сопровождаемым общим ужесточением террористической диктатуры. Это объясняется отсутствием необходимой «властной», «силовой» опоры рыночной экономической политики в СССР и фашистской Германии. Несмотря на то что экономический курс на построение хозяйственной формации с рыночными элементами и широким простором для частной инициативы имел сравнительно широкую социальную базу и в Советской России, и в гитлеровской Германии, сторонники рыночной экономики не имели никакой возможности отстаивать собственные интересы и институт свободного предпринимательства – соотно-

шение сил между заинтересованными в экономических свободах классами (на стороне которых находилось большинство предпринимателей, в том числе и те капиталисты, которые интегрировались в государственно-партийную систему тоталитаризма) и большинством нацистских лидеров не позволяло им идти против воли партии.

Иная ситуация сложилась в США во время «Нового курса» президента Рузвельта. Как известно, экономическая политика «Нового курса» проводилась, начиная с 1933 года, в целях выхода из масштабного экономического кризиса – «Великой депрессии», – охватившего США и другие страны в 30-е годы XX века, и включала в себя комплекс мер по государственному регулированию и оздоровлению экономики. Одним из важнейших направлений политики «Нового курса» стало восстановление промышленного потенциала страны. С этой целью правительством Ф. Рузвельта была создана Администрация восстановления промышленности, или Национальная администрация восстановления (*англ.* National Recovery Administration (NRA), символ «Синий орел» (NRA Blue Eagle)). Национальная администрация восстановления являлась одним из важнейших учреждений, созданных Рузвельтом в 1933 году. Задачи данной организации состояли в том, чтобы устранить последствия неограниченной конкуренции и перепроизводства путем широкого государственного вмешательства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

Правовой основой деятельности Администрации восстановления промышленности стал «Закон о восстановлении национальной промышленности» (*англ.* The National Industrial Recovery Act) от 16 июня 1933 года. Так, Закон о восстановлении позволял предпринимателям или их объединениям устанавливать на добровольной основе «кодексы добросовестной конкуренции» (*англ.* codes of fair competition), утверждаемые Президентом. Указанные «кодексы конкуренции» были, по существу, ни чем иным, как картельными соглашениями. На основании «Закона о восстановлении» посредством «кодексов» предприниматели договаривались между собой об основах предпринимательской деятельности (о единых ценах, фиксированном объеме производства, заработной плате, рынках сбыта и так далее); так как правительство и Национальная администрация восстановления успешно сотрудничали с организованными в промышленные ассоциации представителями частного бизнеса, то подобная система картелей охватывала до 90 % предприятий в промышленности, было принято около 500 «кодексов честной конкуренции».

После утверждения президентом нормы, содержащиеся в «кодексах», становились обязательными для вступивших в данное картельное соглашение предприятий и бизнес-ассоциаций, а исполнение «кодексов» обеспечивалось силами государственного принуждения и соответствующими административными санкциями. В соответствии с «Законом о восстановлении» президент мог потребовать, чтобы бизнес-ассоциации включили определенные нормы в монополистическое соглашение в качестве условия для утверждения данного «кодекса». Кроме того, глава государства имел право провести слушания с участием представителей бизнеса и промышленных ассоциаций с целью разработки приемлемых с точки зрения правительства «кодексов конкуренции» и предложить собственный проект

монополистического соглашения. Действие положений антимонопольных законов США, противоречащих комментируемому нормативному акту, приостанавливалось. Кроме того, Законом предусматривалась возможность регулирования цен на транспортировку нефти по трубопроводу и разрешалось вмешательство государства в деятельность хозяйствующих субъектов, если те будут изобличены в нарушении Закона о восстановлении промышленности¹.

Мы видим, что подписанный Рузвельтом «Закон о восстановлении промышленности» имеет много общего с «Законом о принудительном картелировании», принятым в нацистской Германии. *Во-первых*, оба правовых акта стали юридическим фундаментом для создания монополистических объединений, охватывающих подавляющую долю национальной промышленности. *Во-вторых*, заключаемые на основании рассматриваемых законов монополистические соглашения, в отличие от обычных картельных договоренностей, нарушение которых порождает лишь гражданские споры между частными лицами, напрямую охраняются государством путем административного правоприменения и являются нормами публичного права, иными словами, **обретают силу закона**. *В-третьих*, благодаря принятию изучаемых законов становится возможным централизованное планирование и управление национальным промышленным хозяйством. *В-четвертых*, сами хозяйствующие субъекты, организованные на основе анализируемых нормативных актов, могут рассматриваться как составная часть утвердившегося (Третий рейх) или зарождающегося (США в эпоху Нового курса) «корпоративного государства». Становится очевидным, что в 1933 году и правительство Гитлера, и администрация Рузвельта избрали путь **государственного регулирования** экономической жизни и создания системы **«корпоративного государства» и монополистической экономики**.

Между тем, рассмотренные выше правовые документы отражают различия в степени и характере насильственного вмешательства соответствующих государств в деятельность частного бизнеса. В то время как национал-социалистическое правительство «подключило» промышленность к административной системе государства, ввело строгую централизацию

¹ Английский текст пункта «а» части третьей раздела 1 «Закона о восстановлении национальной промышленности»: «SEC.3. (a) Upon the application to the President by one or more trade or industrial associations or groups the President may approve a code or codes of fair competition for the trade or industry or sub-division thereof, represented by the applicant or applicants, if the President finds (1) that such associations or groups impose no inequitable restrictions on admission to membership therein and are truly representative of such trades or industries or subdivisions thereof, and (2) that such code or codes are not designed to promote monopolies or to eliminate or oppress small enterprises and will not operate to discriminate against them, and will tend to effectuate the policy of this title: Provided, That such code or codes shall not permit monopolies or monopolistic practices: Provided further, That where such code or codes affect the services and welfare of persons engaged in other steps of the economic process, nothing in this section shall deprive such persons of the right to be heard prior to approval by the President of such code or codes. The President may, as a condition of his approval of any such code, impose such conditions (including requirements for the making of reports and the keeping of accounts) for the protection of consumers competitors, employees, and others, and in furtherance of the public interest, and may provide such exceptions to and exemptions from the provisions of such code, as the President in his discretion deems necessary to effectuate the policy herein declared».

(«принцип фюрера») и подчинение, в Соединенных Штатах бизнес-ассоциации и отдельные промышленные корпорации остались относительно самостоятельными частнопровыми субъектами. Кроме того, принятие «кодексов честной конкуренции», равно как и членство в промышленных либо торговых ассоциациях, требовало самостоятельного волеизъявления предпринимателей: правительственные организации США не обладали достаточными властными полномочиями, чтобы принудить капиталистов участвовать в монополистическом соглашении или «экономическом союзе»². Таким образом, правительство Рузвельта, в отличие от нацистской администрации, не имело возможности создать монополистические объединения и определить условия соответствующих картельных соглашений в одностороннем административном порядке. В США не могло быть и речи о запрете открытия новых производств и ограничении объема использования существующих предприятий, тогда как фашистский «Закон о картелировании» прямо предусматривал возможность подобных распоряжений.

Очевидно, что важнейшее различие между «экономическими конституциями», сложившимися в Соединенных Штатах и Германии в рассматриваемый период, объясняется тем, что хозяйственное законодательство указанных государств, несмотря на указанные выше схожие принципы, имеет совершенно различную **конституционно-правовую основу**. В то время как нацистское государство упразднило веймарский конституционализм, разделение властей и свободы личности, система «сдержек и противовесов», созданная в демократических Соединенных Штатах, продолжала эффективно функционировать.

Например, ряд решений Верховного суда США объявил многие нормативные акты, принятые в рамках проводимой правительством политики «Нового курса», не соответствующими американской конституции. Таковы, например, решения Верховного суда Соединенных Штатов по следующим делам: «Нефтеперерабатывающая Компания Панамы против Райана» (*Panama Refining Co. v. Ryan*, 293 US 388 (1935)), «Акционерный Земельный Банк Луисвилля против Рэдфорда» (*Louisville Joint Stock Land Bank v. Radford*, 295 US 555 (1935)), «США против Батлера» (*United States v. Butler*, 297 US 1 (1936)), «Картер против Угольной Компании Картера» (*Carter v. Carter Coal Co.*, 298 US 238 (1936)) и т.д. Во всех перечисленных судебных решениях Верховный суд отстаивал права предпринимателей на свободное и не регулируемое со стороны государства осуществление сво-

² Американские историки утверждают, что глава Национальной администрации восстановления генерал Хью С. Джонсон решил отказаться от планов по принуждению предпринимателей к заключению картельных соглашений в принудительном порядке, в том числе путем всеобщего лицензирования всех промышленных предприятий (в случае отказа от вступления в монополистическое соглашения предполагалось не выдавать лицензию), так как справедливо опасался признания неконституционными соответствующих законодательных актов Верховным судом США. Вместо этого Джонсон решил воспользоваться мерами «общественного воздействия» на предпринимателей (бойкот товаров потребителями, рекламные компании, давление со стороны профсоюзов). При этом значительное число предпринимателей не захотели участвовать в монополистических соглашениях, не подписали их и жестко критиковали практику «кодексов честной конкуренции». Одним из таких капиталистов был Генри Форд.

ей коммерческой деятельности в области промышленности, финансов, сельском хозяйстве, торговле и транспорте, указывая на закрепленные в американской конституции пределы полномочий Президента и Конгресса.

Однако главным правовым актом Верховного суда США, направленным против осуществляемого Рузвельтом государственного вмешательства в экономику, стало решение по делу «Птицеводческая корпорация Шехтера против Соединенных Штатов» от 27 мая 1935 года (*Schechter Poultry Corp. v. United States*, 295 US 495 (1935)), которым суд признал противоречащим конституции Раздел 1 «Закона о восстановлении национальной промышленности», и, соответственно, недопустимой практику утверждения президентом «кодексов честной конкуренции» и их особую охрану со стороны государства; тем самым Верховный суд устранил правовую основу как деятельности Национальной администрации восстановления, подлежащей упразднению, так и «кодексов честной конкуренции», которые теряли свою силу³.

Исходя из вышеизложенного, мы еще раз убеждаемся в том, что частная собственность, свободное предпринимательство и независимость личности во многом зависят от наличия в стране развитой системы конституционализма. Рассматривая экономико-правовую реальность нацистского государства, мы увидели, как политическая власть распространяется на экономическую сферу, следствием чего явилась необходимость интеграции финансово-промышленных лидеров в нацистскую партийно-государственную систему. Мы также определили, что рассматриваемое явление не случайно: Третий рейх являлся государством, основанном на терроре, насилии, внеэкономическом принуждении – иными словами, на

³ Вынося решение по делу «Птицеводческая корпорация Шехтера против Соединенных Штатов», Верховный суд США аргументировал свою позицию следующим образом. Во-первых, рассматриваемые нормы (Раздел 1 «Закона о восстановлении») по мнению суда являются недействительными вследствие их неопределенности (или «пустыми на неопределенность», *англ. Void for vagueness*), так как понятие «добросовестной конкуренции» (*англ. fair competition*) не имеет легального определения. Доктрина *Void for vagueness*, принятая в американском конституционном праве, утверждает, что закон является недействительным и не имеющим законной силы, если он является слишком расплывчатым для среднего гражданина, чтобы понять. Во-вторых, Верховный суд обнаружил, что указанные нормы наделяют органы исполнительной власти неконституционными чрезмерными полномочиями и противоречат принятой в США доктрине разделения властей (запрет делегирования полномочий от одной ветви власти к другой ветви власти (*англ. Nondelegation doctrine*), например, делегирования законодательной власти Конгресса Президенту Соединенных Штатов). Так, практика утверждения Президентом «кодексов», нормы которых после этого обретали силу закона, согласно комментируемому судебному решению являются неконституционным делегированием законодательной власти Президенту. В-третьих, суд указал на превышение законодательными органами США своих полномочий, так как в соответствии с «пунктом о регулировании торговли» Конституции США (статья 1 раздел 8 пункт 3) права Конгресса по законодательному регламентированию торговли ограничены. Позволив наделять картельные соглашения (в том числе и те соглашения, которые в значительной степени ограничивают торговые операции) силой закона, Конгресс вышел за пределы своих конституционных полномочий. Кроме того, по мнению Верховного суда США, в соответствии с «Законом о восстановлении» возможности Национальной администрации восстановления по регулированию торговли были выше, чем конституционные полномочия Конгресса, что недопустимо.

«телесной», личной зависимости населения (в том числе предпринимателей) от партийно-государственных структур, пользовавшихся абсолютной властью. Это определяло и особенности социальной структуры: в тоталитарном обществе партийно-государственная система действительно является «стержнем всей социальной, в том числе и экономической организации».

На примере США эпохи Нового курса мы получили возможность рассмотреть и сравнить «экономическую конституцию» и влияние на нее «основной» конституции, закрепляющей политическую составляющую общественной жизни, соотношение социальных сил, их компромисс, пределы полномочий властей либо отсутствие таковых пределов. Несомненно, что именно эффективная организация американского конституционализма, важнейшей частью которой является независимая судебная система, не допустила кажущуюся неизбежной концентрацию власти в руках национального лидера. Как известно, конституционно-парламентский строй имеет ряд существенных недостатков, одним из которых является отсутствие «консенсуса» между ветвями власти. Между тем, в России определенная часть общества скептически относится к идее разделения властей: «Делить власть государства – значит, разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга» (Т. Гоббс). Но гораздо большей угрозой представляется концентрация всех властных полномочий и возможностей в руках одного человека, хотя бы неординарного политика и национального лидера.

В связи с опасностью подобного положения Бенджамин Констан предупреждает об эгоистичной и противоречивой сущности человеческой природы, всегда стремящейся к богатству, успеху, власти и неограниченному могуществу: «Это не рука является несправедливой, а орудие слишком тяжело – некоторые ноши слишком тяжелы для человеческой руки» [3]. Это заставляет нас, без сомнения, еще раз задуматься о нецелесообразности единоличного правления и всеилия исполнительной власти. Необходимы действенные конституционные методы контроля и, главное, эффективного ограничения властных возможностей правительств и глав государств, важнейшим из которых является конституционное правосудие.

Список литературы

1. **Алебастрова И. А.** Возрастание роли конституционно-правового регулирования в эпохи экономических кризисов: закономерность или парадокс? // *Lex Russica*. 2013. № 1. С. 34 – 46
2. **Андреева Г. А.** Размышления об особенностях российской теории конституционного регулирования экономических отношений // *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 9. С. 3 – 11.
3. **Берлин И.** Две концепции свободы // *Современный либерализм*. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 19 – 43.
4. **Гаранин Л. Н.** Второй человек в рейхе // *Вопросы истории*. 1992. № 2. С. 60 – 68.
5. **Манфريد Ф.** Фашизм и германское гражданское право // Под ред. Л. Г. Фалевич. М.: Советское законодательство, 1935. 80 с.

References

1. **Alebastrova I.A.** *Vozrastanie Roli Konstitutsionno-Pravovogo Regulirovaniya V Epokhi Ekonomicheskikh Krizisov: Zakonomernost' Ili Paradoks?* [Increasing role of constitutional legal regulation in times of economic crises: regularity or paradox?], *Lex Russica*, 2013, no. 1., pp. 34-46.
2. **Andreeva G.A.** [Reflections on the peculiarities of the Russian theory of constitutional regulation of economic relations], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2015, no. 9, pp. 3-11.
3. **Berlin I.** [Two Concepts of Freedom], *Sovremennyi liberalizm* [Modern Liberalism], Moscow: Dom intellektual'noi knigi, Progress-Traditsiya, 1998, pp. 19-43.
4. **Garanin L.N.** [The second person in the Reich], *Voprosy istorii* [Questions of History], 1992, no. 2, pp. 60-68.
5. **Manfrid F., Falevich L.G.** [Ed.] *Fashizm i germanskoe grazhdanskoe pravo.* [Fascism and German Civil Law], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Sovetskoe zakonodatel'stvo», 1935, 80 p.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL LIMITS OF STATE REGULATION OF THE NATIONAL ECONOMY IN THE ECONOMIC CRISIS (Case Study of Germany and the United States in the World Economic Crisis of 1929 – 1939)

A. N. Marchenko, *Candidate of Science (Law)*,
Associate Professor of Department of Civil Law and Process,
Tambov State Technical University;
alexey_ctk@mail.ru

The article explores constitutional and legal foundations of the economic policy of Germany and the United States in 1933-1939. It was established that in both states - in totalitarian Germany and in the democratic US – there was strict regulation of the financial and industrial sphere through the introduction of cartel agreements. In the paper, an attempt is made to distinguish adequate measures of state regulation during the economic crisis from such anti-crisis measures that suppress universally recognized rights and freedoms, deny constitutional values.

Keywords: planned economy; market economy; economic constitution; economic association; cartel; state regulation.

© A. H. Марченко, 2017

Статья поступила в редакцию 21.10.2017

Проанализированы основные положения советской концепции правосудия и практики ее реализации в период 1918 – 1920-гг. Рассмотрены практические аспекты реализации концепции в трех основных сферах: судостроительство, уголовное и гражданское судопроизводство. Сделан вывод о том, что после революции в России произошла трансформация институциональных форм взаимодействия политической власти и судов. Принцип независимости судей потерял практическое значение, сложилась политизированная правоприменительная практика в форме абсолютного следования политической доктрине и закулисный характер отправления правосудия. Советская модель правосудия соответствовала модели советского государства и определяющей ее функцией в этой модели была функция достижения политических целей государства правовыми средствами.

Ключевые слова: революция; теория права; политическая доктрина; судебная система; правоприменительная практика; судопроизводство; система наказания.

Виктор Васильевич Никулин, д-р ист. наук, профессор,
кафедра «Конституционное и административное право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
viktor.nikulin@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ПРАВОСУДИЯ И ПРАКТИКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Любая революция означает качественное изменение всего общественного устройства, насильственную ломку старого во всех его проявлениях. «Революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Революция знаменует собой деформацию всей социальной структуры общества. Революция приносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах» [22, с. 269–270]. Революционные изменения носят системный характер и включают в себя два обязательных элемента: создание новой системы публичного управления и создание новой системы правовых отношений и институтов. Результатом становится коренное изменение институционального поля публичного управления и права страны, возникновение новой системы государственного управления и права, в том числе и новой судебной системы, построенной на принципиально новых концептуальных основах, отвечающих целям и идеалам революции.

Для того чтобы понять теоретический замысел, ставший основой создания советской судебной системы, необходимо обратиться к марксистской концепции права, исходным тезисом которой является признание классовой природы права. «...Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [13, с. 443]. Ленин, следуя классо-

вой логике, рассматривал право и его основное конкретное выражение – закон как неотъемлемое орудие классовой политики и его функцию, следовательно, диктатура пролетариата как определенная система власти, не может быть ограничена формальным законом [8, с. 383]. Таким образом, политика и право в трактовке Ленина, представляли собой единое и нераздельное целое. В этом суждении нет ничего, что выходило бы за рамки существовавших и ныне существующих теорий. Однако в ленинской связке «политика – право» роль права ограничивалась функцией облуживания политики, право в рамках публичной власти не обладало даже относительной внутренней автономией. Это был жестко утилитарно-политический подход к праву, который порождал специфическую систему правовых представлений и, как следствие, специфические правовые институты, коренным образом отличавшиеся от классических формально-юридических представлений об их сущности.

Концептуальные представления о роли и значении судов в новой системе правовых отношений исходили из общей концепции права. Принципиальное положение заключалось в отрицании принципа независимости суда и судей. Исходя из этого базового суждения, суды, по мнению В. И. Ленина, представляют собой органическую часть советской политической системы, призванные «бороться против эксплуататоров и обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся» [10, с. 197]. Жесткая увязка права, политики и государственной власти являлось важнейшим обстоятельством, самым непосредственным образом определявшим содержание концепции правосудия. В жесткой политико-государственной структуре место и роль суда права неизбежно становились политически прикладными.

Идея политически ангажированных судов последовательно развивалась советскими правоведами в послереволюционный период. Основная их задача состояла в переводе теоретических выкладок в реальный юридический механизм. В основе рассуждений о роли судов лежала идея о том, что право – лишь средство достижения конкретных целей революции, то есть объективное содержание права совпадало с революционной целесообразностью. Исходя из тождественности содержания права и революционной целесообразности, правосудие трактовалось как форма реализации революционной целесообразности. Логическим в этой концепции звучал вывод о том, что революционная целесообразность есть принцип и источник непосредственного правотворчества суда. Следовательно, суды, опираясь на социалистическое правосознание, должны при отправлении правосудия действовать, исходя из интересов пролетарской диктатуры и классовой борьбы. Например, А. В. Луначарский утверждал, что «революционный класс приносит с собой новое правосознание, предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в соответствии с новыми условиями жизни, несет новую судейскую совесть, новые представления о добре и зле» [12, с. 12]. Основное предназначение судов заключалось в том, чтобы быть «реальным оружием в руках государственной власти, исполнительным органом диктатуры пролетариата» [6, с. 150–151].

Со временем подход к трактовке права начинает меняться в сторону большей реалистичности и прагматичности в части нормативного обеспечения правосудия, хотя базовые представления не менялись. В частности, неизменным оставалось отрицание принципа несменяемости и независимости судей от государственных органов. «Наш закон отвергает принцип несменяемости и независимости судей от Советского государства. Зависимость суда от государства – это зависимость от общих целей и задач Советского государства, а не от чиновников местной власти» [7, с. 9].

В целом советская концепция правосудия строилась на едином теоретическом построении: насильственное переустройство мира, отрицание объективной природы и смысла права, правосудие как форма закрепления нового состояния власти. Можно констатировать, что догматически замкнутая политическая доктрина и концепция права породили организационные и правоприменительные основы советской судебной системы. Реализация этой концепции привела к долговременным негативным последствиям по двум основным направлениям: организационно судебная система, ставшая органической частью государственно-политической структуры, и жесткая политизация правосудия.

Организационные контуры новой судебной системы обозначились тремя декретами о суде. Каждый из этих законодательных актов имел свою специфику и направление. Нормативное содержание первого декрета было минимальным. Его главная задача, по выражению П. И. Стучки, заключалась в двух положениях: «разогнать старый суд и отменить все старые законы. И только» [23, с. 155]. Декреты о суде № 2 и № 3 были попыткой ликвидировать наиболее болезненные явления правосудия и создать работоспособную судебную систему, ввиду фактического отсутствия таковой. Декреты в полной мере выполнили лишь задачу разрушения прежней организационной структуры. Упразднялись должности административных судей и окружные суды, прокурорский надзор, институт судебных следователей, мировых судей, присяжной и частной адвокатуры. Институциональные поле и параметры судебной системы радикальным образом изменились. Законодательно закреплялось создание местных судов (общегражданских) и революционных трибуналов для рассмотрения уголовных дел о контрреволюционных посягательствах. Местные суды городов и районов становились основным звеном советской судебной системы, в компетенцию которых входило рассмотрение абсолютного большинства гражданских и уголовных дел (суды общей юрисдикции). Местные суды должны были избираться на основе прямых демократических выборов населением, а до их назначения – местными советами. Избираемость судей советами была не просто одной из множества послереволюционных новаций, а формой отказа от принципа несменяемости и независимости судей. Кассационными инстанциями для местных судов являлись уездные и столичные съезды местных судей.

К началу 1918 года процесс слома старой судебной системы был завершен. Однако созданная на волне революционного энтузиазма новая организационная структура была мало приспособлена к решению практических задач правосудия. Весной 1918 года Ленин констатировал неудачу

в реформировании судебной системы. «Наши революционные и народные суды невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как нечто казенно-чуждое» [10, с. 197]. Последовали новые организационные изменения. Декрет «О суде» № 2 восстанавливал окружные суды, правовой статус которых определялся как судебная инстанция для рассмотрения дел, превышающих подсудность местных народных судов. Для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов создавался областной суд, избираемый постоянными членами окружных судов. В целях достижения единообразия кассационной практики в Петрограде учреждался Верховный судебный контроль [18, ст. 420].

Однако нововведения в условиях гражданской войны так и не были реализованы. Окружные суды, в конечном итоге были упразднены из-за сложности и громоздкости судебной процедуры и нехватки кадров. Не были созданы и областные народные суды, и Верховный судебный контроль. Судебная система советской России к 1921 году представляла собой децентрализованную систему, которая была разрозненной сетью судов различных уровней с нечетко разграниченной компетенцией и включала в себя народные суды городов и районов, а также три системы революционных трибуналов: общие, военные и железнодорожные. Причем, все они представляли, по сути, самостоятельные системы, не зависящие друг от друга, что порождало неразбериху в подсудности того или иного дела и соответственно противоречия между различными судами. К тому же правом внесудебного решения дел была наделена ВЧК, которая проводила следствие и выносили постановления (приговор), заменяя, таким образом, следственные и судебные органы. Фактически в стране функционировали три системы судов: система общих судов, система революционных трибуналов и ВЧК, наделенная судебными функциями, не будучи, по сути, судами. Децентрализованная юстиция, созданная в революционную эпоху, в новых обстоятельствах не годилась, так как «из рук государственной власти выпал руль по управлению судебной политикой» [6, с. 204]. Необходима была принципиально иная конструкция судебной системы, основу которой составили бы единые, устойчивые суды с четко определенной компетенцией. Первоначальные проекты судебной реформы, предложенные наркоматом юстиции (НКЮ) сводились к постепенной ликвидации системы трибуналов и сохранению народного суда в качестве единственного судебного органа. Однако такой суд не отвечал интересам жестко централизованной власти и проект судебной реформы НКЮ, был отвергнут. Была реализована концепция судебной реформы, предложенная Н. В. Крыленко, который рассмотрел предельно простую, но жестко централизованную судебную систему, не признававшую «несменяемости судей, независимости судей и надклассового содержания их решений» [5, с. 4]. Теоретическую основу реформы составила концепция революционной законности, которая должна была обеспечить переход от революционного правосознания к нормативно-правовой системе с юридическими гарантиями и точным материальным и процессуальным правом, призванная решить стратегическую задачу – перейти от состояния хаоса в общественной жизни к ее регламентации на основе права.

Первыми мероприятиями стали объединение всех трибуналов в один – Верховный Трибунал при ВЦИК, ликвидация в феврале 1922 года ВЧК (вместо ее образовано ГПУ) и передача судам для судебного разбирательства и вынесения соответствующих решений всех дел, находившихся в стадии предварительного следствия, а также дел уже решенных, находившихся в производстве ВЧК и Революционных трибуналов. Однако реорганизация не избавила советскую судебную систему от главного ее порока – раздвоенности (трибуналы – народные суды). Единственным связующим звеном между ними оставались губернские отделы юстиции, на которые возлагалась обязанность обжалования оправдательных и неправосудных приговоров как народных судов, так и трибуналов. Необходима была принципиально иная конструкция судебной системы, которая реализовывалась бы в ходе судебной реформы 1922 года. Реформа проходила в условиях установившегося доминирования партийно-государственных начал: жесткой регламентации и контроля со стороны исполнительной власти и партийного аппарата. В таких условиях задача изменения форм судоустройства с позиции эффективного осуществления правосудия увязывалась с политической доктриной. Положение о судоустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 года устанавливало трехзвенную систему: народные суды; губернские и Верховный суд РСФСР. Основным звеном судебной системы являлся районный народный суд. Областной (губернский) суд стал первой инстанцией по наиболее важным уголовным и гражданским делам и второй (кассационной) инстанцией – для народных судов. Верховный суд РСФСР стал первой инстанцией для дел особой государственной важности, кассационной инстанцией – для областных (губернских) судов. Это была внешняя сторона реформы, определяемая институциональной моделью судебных учреждений. Главное, на что необходимо обратить внимание, это внутреннее содержание реформы, определявшее роль и место суда в государственной системе. Идеология реформы строилась на четком проведении классового принципа, определявшего главную задачу судов как «осуществление воли пролетариата, применяя его декреты» [19, ст. 902]. В организационном смысле, безусловно, достигалась цель централизации системы судов и усиление партийно-государственного контроля над ними.

К 1924 году основные мероприятия реформы были завершены. В новой судебной модели губернский суд стал основным рычагом, при помощи которого центральные органы в области судебной власти – НКЮ и Верховный суд – наиболее легко и полно могли проводить и осуществлять необходимые директивы и руководство в сфере судебной политики. С этой целью была пересмотрена структура и функции губернского суда. В нем был выделен Пленум как основной руководящий орган с возложением на него ответственности за «надлежащее проведение и осуществление судебной политики» [16, с. 17]. В окончательном виде трехуровневая система получила оформление в 1928 году после завершения административного деления (область (край), округ, район).

Специфическая концептуальная основа породила и специфическое правосудие, опиравшееся также на специфический институт наказания.

В его основе лежал социологический подход к праву, когда «свои» социальные группы отделены от «чужих», враждебных, что вело к правовому неравенству, в частности, влияло на степень наказания обвиняемого. Именно такой подход был заложен в принятых в 1922–1923 гг. кодексах: уголовном; гражданском; уголовно-процессуальном; гражданско-процессуальном. Ярким проявлением социологического подхода являлся тезис о постоянной изменчивости пролетарского права, вытекающего из взаимоотношений между классовыми группами, что отличало его от буржуазного права. «В противоположность понятию буржуазного права, которое считает право постоянной мерой справедливости, право с точки зрения марксизма не является таковым, а есть классовая норма, которая вводится в действие классом, находящимся у власти» [3, д. 9, л. 76]. Неизбежным при таком жестко политически мотивированном подходе стало игнорирование принципа равноценности наказания, что в судебной практике выразилось в замене при определении меры наказания меры поступка классовой принадлежностью, причем второй фактор зачастую становился куда весомее, чем мера поступка. Это очевидно подчеркнуто в Уголовном кодексе 1922 года, который предписывает, что должен учесть суд, определяя наказание. Главный критерий – классовая принадлежность и мотивы преступления. Прослеживается очевидное стремление снизить меру наказания «своим классам». Суды, ориентировались на то, что прежние наказания будут применяться только к врагам советской власти, а к «своим» – штрафы, налоговые повинности и т.п. [24, ст. 24, 25].

Практика показала концептуальную и практическую несостоятельность классовой системы наказания. Основная масса преступлений совершалась «своими» – рабочими и крестьянами, основной контингент заключенных составляли опять же рабочие и крестьяне, что в принципе отрицало теорию определения правонарушения как «несвойственного» данной социальной группе. Тем не менее значительное количество преступников из «своих» классов руководством рассматривалось как прямое нарушение судами классового принципа. Многочисленные указания и инструкции требовали от судов неуклонного соблюдения классового принципа в «карательной политике». В циркуляре Верховного суда РСФСР от 22 декабря 1924 года разъяснялось, что «при рассмотрении уголовных дел, находящихся в производстве, необходимо учитывать следующие данные: социальное положение обвиняемого в момент преступления; социальное положение обвиняемого до революции». Приоритетным считалось социальное положение в момент совершения преступления, а затем уже социальное происхождение. Предлагалось широко применять ст. 28 УК (условное осуждение) к рабочим и трудовым крестьянам, совершившим преступление впервые [3, д.181, л. 25–26; д.376, л. 4].

В целом создавалась нормативная система увода от наказания определенных социальных групп. Суть ее заключалась в том, что при определенных критериях преступления не влекли за собой наказание или оно существенно снижалось. Основным правилом для судов стало непреложное требование: «Учитывать, кого он имеет перед собой, и назначать меру социальной защиты, исходя из признаков социальной принадлежности» [3, д. 376, л. 67].

При таком политическом понимании и идеологически мотивированном практическом подходе снижалось влияние фактора неизбежности наказания, что, в свою очередь, влияло на повышение преступности среди «своих классов», в рамках которых формировались устойчивые шаблоны негативного правового поведения и отношения к законности. В обществе налицо был конфликт социального поведения и классовой принадлежности.

Политическая ангажированность системы наказания проявлялась и в наличии в Уголовном кодексе норм, направленных на подавление инакомыслия, что свидетельствовало о стремлении власти закрепить монополию легальности жестким подавлением конкурирующих идеологий и политических платформ. Уголовный кодекс 1922 г. квалифицировал инакомыслие как «контрреволюционное преступление» и содержал 16 статей контрреволюционного состава преступления. Это был обширный спектр контрреволюционных деяний: от организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний до распространения ложных слухов или непроверенных сведений в контрреволюционных целях [24, ст. 58 – 73].

Уголовное законодательство 1920-х годов содержало серьезную правовую основу для вынесения судами жестких приговоров. Достаточно сказать, что и УК 1922 и 1926 гг. предусматривали применение высшей меры наказания – расстрела по большинству составов контрреволюционного преступления; УК 1922 года – по 11 статьям, УК 1926 г. – 10 статьям.

О существенном влиянии политических элементов на осуществление правосудия, свидетельствовала и сложившаяся практика директивного определения линии поведения судов, прокуратуры в отношении членов партии, совершивших преступление. Официальные базовые принципы были озвучены еще в 1920 году в инструктивном письме ЦК РКП(б) – «О двойной ответственности коммунистов за проступки», которое предусматривало двойную ответственность коммунистов: суду общегражданскому и суду партийному [14, с.9].

Однако впоследствии формальная жесткость документов в правовом отношении девальвируется. Постепенно выстраивается линия поведения судов и прокуратуры, заключающаяся в том, что возбуждение судебного преследования «ответственных работников» допустимо лишь в случаях крайней необходимости, после согласования вопроса с парторганами. В мае 1921 года принимается Циркуляр ЦК РКП(б) «О взаимоотношениях парткомов с судебными и следственными органами РСФСР, в случае возбуждения следствия или суда на члена партии». Самое примечательное в этом документе – это обязанность судебно-следственных органов учитывать мнение партийного комитета «о направлении на судебное рассмотрение и судебном решении по делу» работников-коммунистов [2, д. 320, л. 32]. Подобная обязанность значительно снижала возможности преследования коммунистов в судебном порядке. Последующие документы лишь в незначительных деталях меняли порядок привлечения коммунистов к ответственности, не меняя его главной сути – члены компартии в первую очередь ответственные работники, по сути, наделялись особым правовым статусом, и их привлечение к ответственности требовало особой процессуальной формы. Таким образом, сложилась система партийно-государст-

венного влияния на принятие судебных решений, при сохранении лишь формальной стороны независимости принятия судом решений.

Практическая подоплека «увода» партийцев от ответственности была утилитарна. С началом нэпа резко увеличилось число должностных преступлений со стороны членов партии – руководителей предприятий. Должностные преступления занимали почти 90 % всех уголовных дел, заведенных на ответственных работников. Большинство должностных преступлений носили злостный характер и шли по линии умышленного расхищения государственной и общественной собственности [2, д. 160, л. 1–2]. В условиях тяжелейшего положения с кадрами, руководство пыталось свести до минимума возможность привлечения руководителей к суду. Основной аргумент – преступления есть не результат злого умысла, а результат объективных причин (отсутствие опыта, влияние буржуазии и т. п.). Отсюда и большие убытки и даже разрушение хозяйства предприятия.

Политически мотивированные правовые стандарты, основанные на неофициальном праве, подрывали основы государства, порождали неверие в силу закона, вели к формированию массового и корпоративного негативного правосознания. У номенклатуры сложились свои правила поведения, существенным образом отличавшиеся от норм поведения рядовых граждан. В свою очередь, среди большинства населения рождалось неверие в справедливость и честность правосудия.

Очевидно, проявлялось влияние политической доктрины на судебную практику в сфере гражданского судопроизводства. Этот вопрос нами рассматривается во взаимосвязи с общей проблемой разработки целостной концепции правовой политики в условиях нэпа, связанной с определением основных задач юстиции в новых экономических условиях, что принципиально важно, поскольку позволяет выявить объективные факторы, определявшие судебную практику периода нэпа. Очевидно, что нэп противоречил целевым, базовым программным установкам большевиков. В этих условиях проблема для власти содержала конкретное политическое содержание и цель – найти оптимальное соотношение между экономической свободой и политической доктриной. Оптимальность виделась в модели государственного капитализма. Однако модель государственного капитализма оказалась трудно реализуемой. Государственный капитализм стремительно перерастал в частнособственнический. На XI Всероссийской партконференции эта тенденция была названа тревожной. «Какой уж там государственный капитализм?! Нарождается предпринимательский капитализм» [15, с. 114]. К 1924 году частный капитал держал под своим контролем уже две трети оптово-розничного товарооборота страны. Безо всякого преувеличения можно было говорить о рождении элементов паразитического, спекулятивно-бюрократического капитализма, не имевших ничего общего с теми образцами государственного капитализма, которые существовали в развитых капиталистических странах Европы. В этой ситуации только четкое политически выверенное правовое регулирование экономической жизни могло остановить нежелательные негативные процессы, которые могли привести к смене модели общественного устройства. Средство было найдено в мощной политической надстройке в сочета-

нии с правовой, которая бы позволяла юридически формально сдерживать частнокапиталистические устремления и обеспечивать «рост социализма».

Ленин определил политическую задачу юстиции в сфере экономики предельно точно: «...Обуздать, ограничить, контролировать, ловить на месте преступников, карать внушительно всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма» [9, с. 397]. Это был курс на ограничение свободы предпринимательской деятельности и гарантий частной собственности. В стратегическом плане это был вопрос соотношения политики, права и экономики, существенным образом влиявший на степень экономической свободы в рамках нэпа.

Таким образом, принципиальные основы понимания роли права, закона, правотворчества в обществе не менялись, смещались лишь акценты в понимании терминов. Законы и судебная практика по-прежнему ориентировались на выявление наиболее эффективного способа в конкретных условиях достижения экономических (стабилизация экономики) и политических целей (сохранение социалистической модели общественного устройства), причем вторая цель в большинстве случаев превалировала.

Концептуальные положения были закреплены в Гражданском кодексе (ГК) 1922 года. Стратегическая задача состояла в «полном обеспечении интересов пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать все без изъятия частные предприятия и отменять все договора и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящихся рабочей и крестьянской массы» [11, с. 401]. Политико-юридический смысл заключался в том, что все нормы гражданского законодательства должны быть соотнесены с политической доктриной и допустимы до тех пор, пока не противоречат партийным ценностям. Если они вступают в противоречие с этими нормами и ценностями, то они либо отрицаются, либо запрещаются и становятся наказуемыми вне зависимости от их полезности для общества.

В целом Гражданский кодекс исходил из наличия многоукладной экономики, товарно-денежных отношений. Но его политическая составляющая существенным образом ограничивала возможности частного предпринимательства путем активного вмешательства государства в имущественные отношения. Уже в первой статье ГК закреплялось одно из важнейших положений о том, что гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением [19, ст. 1]. Полный же смысл конкретизировался в статье 30 ГК, согласно которой сделка признавалась недействительной, если она совершена с целью противной закону, а равно ведущей к явному ущербу для государства [19, ст. 30]. Таким образом, закон не гарантировал предпринимателям стабильность гражданско-правовых отношений и возможность реально защитить свои имущественные права в суде, что самым непосредственным образом снижало активность физических лиц в гражданском обороте. Усугублялось положение судебной практикой, когда даже в основанных на законе и договоре имущественных интересах частных лиц суд всегда мог усмотреть проти-

воречие их социально-хозяйственному назначению и решить иск в пользу виновной государственной организации, предприятия.

По новому в кодексе трактовалось право собственности. Аксиома традиционного права – собственность неприкосновенна – отрицалась. В разъяснениях судам НКЮ проблема гарантии собственности представлялась следующим образом: «Мы не понимаем право собственности так, как мыслит буржуазия. Мы говорим, что мы сделали уступку, передали вещь во временное владение, но собственность в том смысле, как ее понимает буржуазное государство, мы не признаем. Эти уступки будут сняты, когда мы сможем оградиться от империалистического окружения» [1, д. 26, л. 81].

Исходя из концептуально политической предопределенности гражданского законодательства, суды не рассматривали право на собственность как безусловную. Оговорка, что принцип расширенного толкования права собственности допускался судами только в отдельном случае, на практике превратилась в его массовое и повсеместное применение. Широкое применение судами норм ГК началось только с 1923 года. Наибольшее количество рассматриваемых дел касалось договоров, что объяснимо, учитывая увеличение элементов свободных экономических отношений. Что же касается эффективности работы судов по гражданским делам, то она не превышала в целом 50 %. Отмена решений народных судов губернскими и областными судами составила 38,6 %. Причины – разрешение дел не на основании законов (уяснение не всех обстоятельств дела, недостаток доказательств) [17, с.55].

Подобное положение было следствием не только законодательных ограничений предпринимательской деятельности, но и следствием произвольно-политического толкования норм гражданского права судами, в основе которых лежала ориентация судов на классовый подход при разрешении гражданских дел, что означало приоритетное обеспечение «надежной защиты» имущественных интересов, во-первых, трудящихся и бедняков, во-вторых, государственных учреждений и хозяйственных коллективов (кооперативов).

Практическая сторона проблемы заключалась в том, что именно госучреждения и кооперативы получали преимущественную юридическую защиту. Так, иски кооперативов удовлетворялись в 83,4 % случаях, госучреждений в 77,2 %, частных в 56,4 %. Наименьший отказ в исках приходился опять же на госучреждения (13,6 %) и кооперативы (5,1 %) [3, д. 3469, л. 84]. Это подтверждает и статистика дел, где истцом с одной стороны являлись физические лица, а с другой госучреждения, кооперативы и частные предприятия. Иски физических лиц были удовлетворены на 46,1 %, отказы в исках составили 20 %. Иски же госучреждений и кооперативов были удовлетворены на 78,7 % [3, д. 3469, л. 84]. Можно с уверенностью утверждать, что частные предприниматели вели свои гражданские дела с меньшим успехом, чем госучреждения и кооперативы, чему, безусловно, способствовала политически ориентированное законодательство и судопроизводство.

В целом, очевидно, что суды при рассмотрении гражданских дел стремились действовать в соответствии с политическими установками, чему способствовала политически ангажированное гражданское законодательство, предоставлявшее судьям право широкого толкование гражданского кодекса, что неизбежно вело к тенденциозности судебных решений. Суды игнорировали принцип равноценности наказания, когда решения принимались в пользу рабочих и бедняков, несмотря на фактическое содержание дел. Частных предпринимателей судили по многочисленным поводам, приговоры в отношении них отличались жесткостью и необоснованностью, а в отношении рабочих и бедняков – мягкостью и снисходительностью. Суды действовали по простому принципу: «Если рабочий, то принимать во внимание. Крестьянин тоже. Нэпман чуть чихнет, его в суд» [4, д. 22, л. 73].

Судьи в такой системе прямо или опосредствованно всегда выступали как члены партии, связанные партийной дисциплиной. Поэтому судья не руководствовался в принятии решения сохранением пользы, выгоды, целесообразности даже в таких утилитарных делах, как производство, обмен, торговля, прибыль и прирост, собственность, отношения собственности.

Ограничение гарантий частной собственности на средства производства, многочисленные ограничения и классовое содержание судебной практики по гражданским делам ограничивало частнопредпринимательскую деятельность и в пространстве и во времени, делало ее ненадежной, временной. Отсутствие же долгосрочной перспективы вело к боязни каких-либо экономических инициатив, незаинтересованности в расширении производства, хищениях, главной мотивацией которых было стремление успеть сорвать «куш, а там трава не расти».

Все-таки до 1927 г. можно проследить определенную последовательность в налаживании деятельности судов. Принимались необходимые регулирующие меры по их деятельности. В 1926 г. принимается «Положение о судоустройстве», в формальной части укрепившее независимость судов по осуществлению правосудия, ограничив вмешательство административных и иных органов в их деятельность. Оно еще раз подтвердило особый порядок досрочного отзыва судей на основании совместного решения НКЮ и соответствующего губернского, областного или краевого исполкомов. Положение наделило пленумы губернских, краевых, областных, окружных судов и Верховного суда РСФСР правом отстранять от должности судей, в отношении которых возбуждено дисциплинарное производство [21, ст. 624]. Однако формальные попытки усилить независимость судей в политически жестко мотивированной судебной системе оказались нежизнеспособными. Решительное наступление на капиталистические элементы, начавшееся в 1927 году, разрушили едва наметившуюся стабильность в деятельности судов. Политико-экономические кампании конца 1920-х годов вновь породили юридический абсурд. Одна кампания следовала за другой, в которые самым активным образом были вовлечены суды. В таких условиях невозможно было совместить принципы законности с принципами политической целесообразности. Широко распространяется представление о возможности, и даже необходимости

отступления от указаний закона при вынесении решений. На местах получили четко ориентированную политическую установку: «Мы действуем исходя не из закона, а исходя из политической или экономической целесообразности. Поэтому в случаях, когда суды не выполняли получаемые предписания, губисполкомы должны досрочно отзывать судей и накладывать партийные взыскания» [3, д. 1342, л.15]. В инструктивном письме № 1 Верховного суда РСФСР за 1927 год прямо указывалось, что «суд откровенно может пойти дальше, чем гласит буква закона, если это во имя интересов трудящихся и государства» [3, д. 13, л. 11].

Основным лозунгом работы судов становится установка: «минимум формы, максимум классового существа». В целях «повышения эффективности борьбы с капиталистическими элементами» некоторые категории гражданских дел из ведения судебных органов были изъяты, что фактически означало возвращение к «трибунальной» форме осуществления правосудия. Судам и прокуратуре предоставлялись неограниченные возможности вынесения решений, что создавало условия для принятия неправовых судебных решений, лежавших вне права. Форма правосудия свелась к «классовому судебному упрощенчеству», суть которого состояла в замене права политическими установками, при этом конкретное юридическое содержание рассматриваемого дела фактически отсутствовало, поскольку фактические обстоятельства дела судами не рассматривались, а принималось решение, основанное исключительно на политических установках. Судьи в таких условиях выступали безгласными статистами, а суды теряли статус особых государственных органов по осуществлению правосудия.

Анализ теоретических представлений и выстроенной на их основе практики отправления правосудия позволяет прийти к нескольким принципиальным выводам. *Во-первых*, в период от начала российской революции и до конца 1920-х гг. произошла трансформация институциональных форм взаимодействия политической власти и судов. Суды были организационно включены в однопартийную политическую систему, что привело к подчинению судей административно-партийному аппарату и деформации судопроизводства в сфере уголовного и гражданского судопроизводства. Трансформация закончилась в конце 1920-х годов, когда судопроизводство приобрело откровенно политический характер, а право на судебную защиту стало привилегией государства, а не гражданина.

Во-вторых, принцип независимости судей потерял практическое значение. Судьи в сложившемся политико-правовом симбиозе были сведены до положения партийных функционеров, прямо или опосредствованно выступали как члены партии, связанные партийной дисциплиной. Партийный статус не позволял судье руководствоваться при принятии решения категориями справедливости, следования закону и т.д. Судьи руководствовались четкими установками – все правовые категории подчинены партийным нормам и допустимы до тех пор, пока не противоречат партийным ценностям. Если они вступают в противоречие с этими нормами и ценностями, то они, либо отрицаются, либо запрещаются.

В-третьих, существенным элементом системы наказания стал юридический софизм, когда на основе теоретико-политических уловок опре-

деленные социальные группы получали юридические привилегии и льготы, что вело к искажению принципа равноценности наказания.

В-четвертых, принципиальные основы осуществления правосудия в 1920-е годы формировались под воздействием двух основных доктрин. С одной стороны, доктрины, выраженной в программе построения пролетарского государства. Ограниченный рамками доктрины, суд был институтом однопартийной системы и решал задачу правового давления на «классово-чуждые элементы». С другой, – суд, безусловно, оказывался под воздействием доктрины, сформулированной идеологией нэпа, и был вынужден принимать решения в рамках этой идеологии. В результате в 1920-е годы возник определенный диссонанс между политической догмой и необходимостью юридически обеспечить соблюдение экономических параметров нэпа. Поэтому суды находились в двойственном положении, стремясь одновременно обеспечить реализацию двух взаимоисключающих начал: экономической целесообразности и политической необходимости. В конечном итоге конфликт между экономико-юридическим содержанием нэпа и политической доктриной в 1920-е годы так и не был разрешен, что привело к ликвидации нэпа.

В-пятых, сложилась политизированная правоприменительная практика в форме абсолютного следования политической доктрине и закулисный характер отправления «правосудия», посредством секретных инструкций, директив, циркуляров и т.п., хотя формально закон уравнивал всех в правах. Государство не выполняло своей прямой обязанности «доставить правосудие населению» [25, с.145], следовательно, суды не могли быть основным способом защиты прав и законных интересов граждан.

В-шестых, советская модель правосудия в определении ее задач, принципов судоустройства и функционирования, осуществления карательной политики соответствовала модели советского государства. Определяющей ее функцией в этой модели была функция реализации политической доктрины юридическими средствами и охранительная функция системы.

В целом можно утверждать, что вплоть до конца 1920-х годов так и не удалось создать достаточно эффективную модель правосудия, которая бы адекватно отвечала экономическим и общественным потребностям страны. Более того, заложенные в этот период принципы и формы функционирования правосудия имели долговременный характер и в своих базовых положениях, несмотря на известные впоследствии модификации, оставались неизменными. Система была эффективной как политическая юстиция, но не как гражданская. Причиной тому был узкодогматический теоретический базис, порождавший и юридический догматизм. Прямое социальное следствие – дистанционное отношение между властью, правом и законом и основной частью населения. Право, закон народом олицетворяются исключительно с властью, они не видели в них способ защиты своих интересов и прав. Отсюда формирование негативного отношения к праву и закону, в основе которого утрата морального престижа правовых норм, которые в условиях диктата политики деградировали и свелись к статусу средства, формально-юридического оформления социального порядка.

Радикальные послеоктябрьские организационные и законодательные преобразования представляли собой классический пример действительно революционных преобразований всей системы правосудия. Произошла трансформация институциональных форм взаимодействия политической власти и судов. Организационно суды стали неотъемлемой частью государственно-политического механизма, представляя собой систему судов, контролируемых из одного центра и решавших задачу реализации политической целесообразности как категории правосудия.

Список литературы

1. **Государственный** архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1.
2. **Государственный** архив общественно-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
3. **Государственный** архив Тамбовской области (ГАТО). Оп. 1. Д. 524.
4. **ГАТО**. Оп. 1. Д. 655.
5. **Крыленко Н. В.** Реформа судоустройства // Ежегодник советской юстиции (ЕСЮ). 1922. № 27–28.
6. **Крыленко Н. В.** Судоустройство РСФСР (лекции по теории и истории судоустройства). М.: Юридическое изд-во НКЮ, 1924. 410 с.
7. **Лаговнер Н.** Народный суд. Лекции заочных курсов советского строительства. М., 1930. 37с.
8. **Ленин В. И.** К истории вопроса о диктатуре // Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1981. Т. 41. 696 с.
9. **Ленин В. И.** О задачах Наркомюста в условиях нэпа // Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1970. Т. 44. 725 с.
10. **Ленин В. И.** Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1969. Т. 36. 741 с.
11. **Ленин В. И.** Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о Гражданском кодексе РСФСР // Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1970. Т. 44. 725 с.
12. **Луначарский А. В.** Революция и суд // Материалы НКЮ. М., 1918. № 2. 519 с.
13. **Маркс К., Энгельс Ф.** Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. Т. 4. 615 с.
14. **О двойной** ответственности коммунистов за проступки // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1.
15. **Одиннадцатая** конференция РКП(б): стенографический отчет. М.: Госиздат, 1922. 210 с.
16. **Основные** итоги работы губернских (областных) судов и Народных судов РСФСР в 1924 г. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1925. 222 с.
17. **Сводный** отчет о деятельности губернских, областных и краевых судов и подведомственных им судебнно-следственных учреждений за 1924 г. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1925. 125 с.
18. **Собрание** узаконений РСФСР. 1918. № 26.
19. **Собрание** узаконений РСФСР. 1922. № 71.
20. **Собрание** узаконений РСФСР. 1922. № 69.
21. **Собрание** узаконений РСФСР. 1926. № 85.
22. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

23. **Стучка П. И.** 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст. (1917 – 1930). М.: Госюриздат, 1931. 336 с.
24. **Уголовный** кодекс РСФСР 1922 года. М.: Изд. коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1923. 121 с.
25. **Фойницкий И. Я.** Курс уголовного судопроизводства. СПб.: АЛЬФА, 1996. Т. 1. 552 с.

References

1. **Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti (GAOPIVO)** [The State Archives of the Social and Political History of the Voronezh Region (GAOPIVO)], fund 1, inventory 1. (In Russ.)
2. **Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Tambovskoi oblasti (GASPITO)** [State Archive of Social and Political History of Tambov Region (GASPITO)], fund 840, inventory 1. (In Russ.)
3. **Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti (GATO)** [The State Archives of the Tambov Region (GATO)], 524. (In Russ.)
4. **GATO**. inventory 1, case 655. (In Russ.)
5. **Krylenko N.V.** [Reform of the judiciary], *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii (ESYu)* [The Weekly of Soviet Justice (EUU)], 1922, no. 27-28. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Krylenko N.V.** *Sudoustroistvo RSFSR (leksii po teorii i istorii sudoustroistva)*. [Shipbuilding of the RSFSR (lectures on the theory and history of the judiciary)], Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu, 1924, 410 p. (In Russ.)
7. **Lagovner N.** *Narodnyi sud. Lektsii zaочnykh kursov sovetskogo stroitel'stva* [The People's Court. Lectures of correspondence courses of Soviet construction], Moscow, 1930, 37 p. (In Russ.)
8. **Lenin V.I.** [To the history of the question of the dictatorship] *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1981, vol. 41, 696 p. (In Russ.)
9. **Lenin V.I.** [On the tasks of the People's Commissariat for NAPA], *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], Moscow: Gosudarstvennoe politicheskoi literatury, 1970, vol. 44, 725 p. (In Russ.)
10. **Lenin V.I.** [The next tasks of the Soviet government], *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], Moscow: Gosudarstvennoe politicheskoi literatury, 1969, vol. 36, 741 p. (In Russ.)
11. **Lenin V.I.** [Letter to the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) on the Civil Code of the RSFSR], *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], Moscow: Gosudarstvennoe politicheskoi literatury, 1970, vol. 44, 725 p. (In Russ.)
12. **Lunacharskii A.V.** [Revolution and the court], *Materialy NKYu* [Materials of the NKYu], Moscow, 1918, no. 2, 519 p. (In Russ., abstract in Eng.)
13. **Marks K., Engel's F.** *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, vol. 4, 615 p. (In Russ.)
14. **O dvoimoi otvetstvennosti kommunistov za prostupki** [On the Dual Responsibility of Communists for Misdeeds], *Izvestiya TsK KPSS*, 1991, no.1. (In Russ., abstract in Eng.)
15. **Odinnadtsataya konferentsiya RKP (b): Stenograficheskii otchet** [Eleventh Conference of the RCP (b): Verbatim report], Moscow: Gosizdat, 1922, 210 p. (In Russ.)
16. **Osnovnye itogi raboty gubernskikh (oblastnykh) sudov i Narodnykh sudov RSFSR v 1924 g** [The main results of the provincial (regional) courts and the People's

Courts of the RSFSR in 1924], Moscow: Izdatel'stvo NKYu RSFSR, 1925, 222 p. (In Russ.)

17. **Svodnyi otchet o deyatelnosti gubernskikh, oblastnykh i kraevykh sudov i podvedomstvennykh im sudebno – sledstvennykh uchrezhdenii za 1924 g** [Summary report on the activities of the provincial, regional and regional courts and the judicial and investigative institutions subordinate to them for the year 1924]. Moscow: Izdatel'stvo NKYu RSFSR, 1925, 125 p. (In Russ.)

18. **Sobranie zakonov RSFSR** [Collection of legal documents of the RSFSR], 1918, no. 26. (In Russ.)

19. **Sobranie zakonov RSFSR** [Collection of legal documents of the RSFSR], 1922, no. 71. (In Russ.)

20. **Sobranie zakonov RSFSR** [Collection of legal documents of the RSFSR], 1922, no. 69. (In Russ.)

21. **Sobranie zakonov RSFSR** [Collection of legal documents of the RSFSR], 1926, no. 85. (In Russ.)

22. **Sorokin P.A.** *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society], Moscow: Politizdat, 1992, 543 p. (In Russ.)

23. **Stuchka P.I.** *13 let bor'by za revolyutsionno-marksistskuyu teoriyu prava* [13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law], Moscow: Gosyurizdat, 1931, 336 p. (In Russ.)

24. **Ugolovnyi kodeks RSFSR 1922 goda** [The Criminal Code of the RSFSR of 1922], Moscow: Izdanie kollegii Verkhovnogo tribunala VTsIK, 1923, 121 p. (In Russ.)

25. **Foinitskii I.Ya.** *Kurs ugolvnogo sudoproizvodstva* [Course of Criminal Justice], Saint Petersburg: AL'FA, 1996, vol. 1, 552 p. (In Russ.)

CONCEPTUAL PRINCIPLES OF THE SOVIET JUSTICE MODEL AND ITS PRACTICAL IMPLEMENTATION

V. V. Nikulin, *Doctor of History, Professor
of Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University;
victor.nikulin@mail.ru*

The main provisions of the Soviet concept of justice and the practice of its implementation in 1918 – 1920 are analyzed. The author examines practical aspects of the concept implementation in three main areas: judicial organization, criminal and civil legal proceedings. It is concluded that after the revolution in Russia, there was a transformation of the institutional forms of interaction between political power and the courts. The principle of judicial independence lost its practical significance; there was a politicized law enforcement practice in the form of absolute repetition of the political doctrine and underhand nature of justice. The Soviet model of justice corresponded to the model of the Soviet state and its defining function was the function of achieving the political goals of the state by legal means.

Keywords: revolution; theory of law; political doctrine; judicial system; law enforcement practice; legal proceedings; system of punishment.

© В. В. Никулин, 2017

Статья поступила в редакцию 01.11.2017

В статье исследуются основы залога земли сельскохозяйственного назначения в России. С этой целью изучается исторический опыт залога земли в Крестьянском поземельном банке в конце XIX – начале XX века. В современных условиях земельно-ипотечное кредитование возможно лишь при условии активного участия государства. Определяется, что существующие экономические и правовые препятствия на практике исключают сегодня возможность ипотечного кредитования сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Ключевые слова: залог земли; законодательство России; исторический опыт; Крестьянский банк; сельское хозяйство; субъекты кредитных правоотношений.

Сергей Анатольевич Фролов, канд. ист. наук, доцент,
кафедра «Трудовое и предпринимательское право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
seif.saf@rambler.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАЛОГА ЗЕМЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИИ (на примере Крестьянского банка в конце XIX – начале XX века)*

Сельскохозяйственное производство занимает важное место в экономике любой страны и Россия не является исключением. Сегодня существующие экономические санкции со стороны стран Западной Европы и Северной Америки привели к снижению темпов роста национальной экономики России. Сельское хозяйство нуждается в дополнительных материальных ресурсах, одним из которых является долгосрочный банковский кредит.

Важность задач модернизации, стоящих в настоящее время перед страной, и необходимость концептуального осмысления проблем, с которыми сталкивается общество в период преобразований, делает актуальным изучение опыта реформ и анализ особенностей переходных эпох в истории России. Интерес в этом отношении представляет вторая половина XIX – начало XX вв. – период активных социально-экономических преобразований, в том числе в сельском хозяйстве. Изучение исторического опыта развития залоговых операций Тамбовского отделения Крестьянского банка является актуальным для изучения ипотечного кредитования земли сельскохозяйственного назначения и сегодня.

Организационно-правовым документом в деле предоставления ипотечного земельного кредита в имперской России было «Положение о Крестьянском поземельном банке». Официальное мнение большинства Государственного совета о создании государственного кредитного учреждения было поддержано Александром III 18 мая 1882 года вместе с утверждением «Положения о Крестьянском поземельном банке» [2, с. 22–23].

Земельный банк был образован с определенной целью – «оказывать крестьянам содействие в приобретении предложенных для продажи зе-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тамбовской области в рамках научного проекта № 17-11-68004.

мель». Он подчинялся непосредственно министру финансов. Общее управление осуществлялось советом банка, управляющим и его товарищем. Заведование делами Крестьянского поземельного банка на местах возлагалось на отделения банка, учрежденные совместно с отделениями Дворянского земельного банка, и на губернских или уездных непрременных членов отделений [6, с. 1922].

Наибольший размер ссуды не должен был ни в одной местности превышать: 125 рублей на каждую наличную в сельском обществе или товариществе крестьян душу мужского пола при общинном пользовании, либо 500 рублей на каждого отдельного домохозяина при подворном владении. В каждой местности размер ссуд под земельные участки, покупаемые при содействии банка, определялся на основании расписания нормальных десятичных цен [3, с. 1–2]. То есть цена земель определялась по нормальной оценке, а в исключительных случаях и по специальной оценке, когда не было сомнения в том, что ценность покупаемого участка не ниже нормальной оценки.

В оценку входили удобные земли: пашни, луга, сенокосы, выгоны и леса, а также при специальной оценке – пристани, базарные места, каменоломни и тому подобное. Ссуды рассчитывались по количеству удобных земель, но обеспечением их служили и остальные неудобные земли участка, хотя и не вошедшие в оценку, а также все, признаваемое принадлежностью недвижимого имущества. Для выдачи ссуд по специальной оценке принималось во внимание действительная, вполне обеспеченная доходность покупаемой земли. Специальная оценка производилась на основании осмотра земли в удобное для того время года [5, с. 9 – 11].

Ссуды выдавались в размере не больше 60 % нормальной и 90 % специальной оценок. Размер ссуды не должен был превышать продажной цены, условленной между покупателем и продавцом. При выдаче ссуды банк отбирал у заемщика залоговую подписку, в которой были указаны условия передачи имения в залог и обязательства по уплате долга. Без разрешения банка заемщик не имел права заключать арендные договоры, брать плату за аренду более чем на год вперед, продавать на сруб лес, произрастающий в имении, продавать или сносить какие-либо строения [7, с. 24–25].

Ссуды из Крестьянского банка выдавались, по желанию заемщиков, на 24 года 6 месяцев и 34 года 6 месяцев. Субъектами кредитных правоотношений являлись: сельские общества, товарищества из крестьян и отдельные крестьяне. Получившие из банка ссуду крестьяне обязаны были вносить ежегодно по 8,5 %, если ссуда была взята на 24,5 года, по 7,5 %, если ссуда была взята на 34,5 года. Уплата процентов должна производиться за каждое истекшее полугодие в сроки, установленные министром финансов. Отсрочка долга без увеличения его суммы, а также перезалог участка с выдачей дополнительной суммы допускались не ранее пяти лет со времени заключения займа. Крестьяне, желавшие воспользоваться ссудой Крестьянского банка для покупки земли, обращались в отделение банка с заявлением, в котором указывался размер и срок погашения требуемой ссуды. При необходимости указывалась фамилия нотариуса, оформлявшего «купчую крепость», а также местонахождение его конторы, к заявлению должны были быть приложены, независимо от документов, деньги на указанные законом публикации. Если предварительное условие о продаже земли обеспечивалось задатком, то покупателю необходимо

было внести этот задаток в местное отделение банка, которое выдавало его продавцу при окончательном расчете [3, с. 3 – 5].

Таким образом, была создана четкая структура, определены организационно-правовые аспекты ипотечного кредитования земли специализированным учреждением – Крестьянским поземельным банком, реализовавшим политику правительства в области землеустройства, землепользования и землевладения. Его образование было неразрывно связано с итогами реформы 1861 года, отменившей крепостное право.

В современных условиях функционирования рыночной экономики земельно-ипотечное кредитование тоже возможно лишь при условии активного участия государства. В данном направлении уже проведена определенная работа: принят и реализуется национальный проект «Развитие АПК» и его подпроект «Формирование системы земельно-ипотечного кредитования». Следующий этап предусматривает реализацию государственных программ развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 – 2020 годы. Основными участниками системы кредитования сельского хозяйства определены ПАО «Россельхозбанк», ПАО «Сбербанк России», ПАО «Росагролизинг». В решении этой основополагающей задачи важнейшая роль должна принадлежать Россельхозбанку. Одна из инвестиционных схем финансирования сельского хозяйства уже существовала в рамках Постановления Правительства РФ от 11 октября 2014 г. № 1044 об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории России, на основе проектного финансирования.

Предполагалось развитие малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе, меры которого включали в себя и систему земельно-ипотечного кредитования. В то же время наибольшую эффективность, с точки зрения развития сельскохозяйственного производства, могла бы показать ипотека земель коллективных сельскохозяйственных организаций. Учитывая финансовые трудности большей части этих предприятий и острую их нужду в инвестициях, возможность привлекать долгосрочные кредиты под ипотеку земли была бы реальным направлением восстановления материально-технической базы, плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения, восстановления и расширения мелиорированных земель [1, с. 86–87].

Кроме экономических трудностей реализации устойчивого развития долгосрочного ипотечного кредитования существуют препятствия и правового характера. Так, в соответствии с п. 2 ст. 63 Закона № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Закон № 102-ФЗ) не допускается ипотека части земельного участка, площадь которой меньше минимального размера, установленного нормативными актами субъектов Российской Федерации и нормативными актами органов местного самоуправления для земель различного целевого назначения и разрешенного использования [4].

Расширительное толкование рассматриваемой нормы указывает на недопустимость ипотеки, прежде всего земельного участка, не соответствующего определенным размерам. Если следовать данной трактовке п. 2 ст. 63 Закона № 102-ФЗ, то можно прийти к выводу о коллизии рассматриваемой нормы с некоторыми положениями гражданского законодательства о земельных участках. Так, в соответствии с п. 7 ст. 12 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяй-

стве» (далее – Закон № 74-ФЗ) минимальные размеры земельных участков не устанавливаются для фермерских хозяйств, основной деятельностью которых является садоводство, овощеводство защищенного грунта, цветоводство, виноградарство, семеноводство, птицеводство, пчеловодство, рыбоводство или другая деятельность в целях производства сельскохозяйственной продукции по технологии, допускающей использование земельных участков, размеры которых менее минимальных размеров земельных участков, установленных законами субъектов Российской Федерации.

Тем самым, вновь образованные земельные участки фермерских хозяйств, основной деятельностью которых является, к примеру, виноградарство, и которые меньше минимального размера, установленного нормативными актами субъектов Российской Федерации и нормативными актами органов местного самоуправления, в соответствии с п. 2 ст. 63 Закона об ипотеке не могут быть предметом ипотеки. Тем самым мы сталкиваемся с противоречием в законодательстве, поскольку крестьянское (фермерское) хозяйство, осуществляя предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (п. 3 ст. 1 Закона № 74-ФЗ), вправе в лице своего главы совершать различные сделки, в том числе заключать договор об ипотеке земельного участка.

Продолжая изучать возможность залога части земельного участка, площадь которой соответствует минимальному размеру, установленному соответствующими нормативными актами, мы сталкиваемся со следующими особенностями. Текст рассматриваемой нормы Закона № 102-ФЗ говорит о возможности залога. Но прежде чем заложить земельный участок, его необходимо индивидуализировать. Процесс индивидуализации включает в себя межевание, постановку на кадастровый учет и регистрацию в органах государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Завершающий этап – выдача свидетельства о государственной регистрации права собственности. Указанные условия обязательны в соответствии с п. 1 ст. 5 Закона № 102-ФЗ. Таким образом, осуществив процедуру индивидуализации, часть земельного участка становится самостоятельным земельным участком, объектом гражданского оборота. Между тем, ст. 130 ГК РФ, раскрывающая понятие недвижимых вещей, не выделяет в качестве объекта недвижимости часть земельного участка. По такому же пути идет и судебная практика. Это означает, что буквальное толкование п. 2 ст. 63 Закона № 102-ФЗ приводит к выводу о возможности залога части земельного участка, что противоречит положениям ГК РФ о недвижимости и судебной практике. Расширительное же толкование приводит к коллизии между положениями Закона № 102-ФЗ и Закона № 74-ФЗ [8, с. 16–17].

Отметим, что земельно-ипотечное кредитование сегодня является проектным направлением формирования долгосрочного кредитования сельского хозяйства. Однако без государственной поддержки кредитных организаций, таких как Россельхозбанк, невозможно реализовать на практике залог земель сельскохозяйственного назначения.

Список литературы

1. **Баев В. Г., Фролов С.А.** Организационно-правовые аспекты совершенствования ипотечного кредитования земель сельскохозяйственного назначения в России // Современное право. 2016. № 8. С. 86 – 91.

2. **Вдовин В. А.** Крестьянский поземельный банк (1883 – 1895 гг.). М., 1959. 107 с.
3. **Извлечение** из положения о Крестьянском поземельном банке. Тамбов, 1884. 17 с.
4. **Об ипотеке** (залоге недвижимости): федер. закон от 16.07. 1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 01.07.2017 г.) // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
5. **Правила** действий Крестьянского поземельного банка и его отделений. СПб., 1894. 13 с.
6. **Устав** Крестьянского поземельного банка // Свод законов. СПб., 1910. Т.11. С. 1922 – 1954.
7. **Устав** Крестьянского поземельного банка. М., 1897. 36 с.
8. **Фиошин А. В.** К вопросу о совершенствовании правового регулирования ипотеки земельных участков // Юрист. 2012. № 3. С. 14 – 17.

References

1. **Baev V.G. Frolov S.A.** [Dissertation topics: Organizational-legal aspects of perfection of hypothecary crediting of the earths of an agricultural purpose in Russia] *Sovremennoe pravo* [The modern law], 2016, no. 8, pp. 86-91. (In Russ.)
2. **Vdovin V.A.** *Krest'yanskii pozemel'nyi bank* [Peasant Land Bank], Moscow, 1959, 107 p. (In Russ.)
3. *Izvlechenie iz polozheniya o Krest'yanskom pozemel'nom banke* [Extract from the provisions of the Peasant Land Bank], Tambov, 1884, 17 p. (In Russ.)
4. [On the mortgage (real estate pledge)], *Federal'nyi zakon ot 16.07.1998 g. № 102-FZ* [Federal law of July 16, 1998 no. 102-FZ], 1998, no. 29, article 3400. (In Russ.)
5. *Pravila deistvii Krest'yanskogo pozemel'nogo banka i ego otdelenii* [Rules of action of the Peasants' Land Bank and its branches], Saint Petersburg, 1894, 13 p. (In Russ.)
6. [Charter of the Peasants' Land Bank], *Svod zakonov* [Code of laws], Saint Petersburg, 1910, vol.11, pp. 1922-1954. (In Russ.)
7. *Ustav Krest'yanskogo pozemel'nogo banka* [Charter of the Peasants' Land Bank], Moscow, 1897, 36 p. (In Russ.)
8. **Fioшин A.V.** К вопросу о совершенствовании правового регулирования ипотеки земельных участков [On the issue of improving the legal regulation of mortgages of land], *Yurist*, 2012, no. 3, pp. 14-17. (In Russ.)

HISTORICAL BACKGROUND OF THE AGRICULTURAL LAND MORTGAGE IN RUSSIA (Case Study of Peasant's Land Bank in Late XIX – early XX centuries)

*S. A. Frolov, Candidate of Science (History), Associate Professor,
Department of Labor and Business Law,
Tambov State Technical University;
seif.saf@rambler.ru*

This article examines the basics of agricultural land mortgage in Russia. The historical experience of the agricultural land mortgage in the Peasant's Land Bank in the late 19th – early 20th centuries is described. In present conditions, land and mortgage lending is possible only with the active participation of the state. It is determined that the current economic and legal obstacles in today's practice eliminate the possibility of mortgage lending to agricultural producers.

Keywords: security of land; Russian legislation; historical experience; Peasant's Land Bank; agriculture; subjects of credit relations.

© С. А. Фролов, 2017

Статья поступила в редакцию 25.10.2017

Необходимость исследования механизма вовлечения несовершеннолетних в преступления террористической направленности заключается в том, что процессы изменений в общественной жизни сопровождаются не только повышением уровня жизни, но и увеличением межнациональных, этнических и политических конфликтов. В статье, на основе актуальных примеров исследуются формы и методы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и предлагаются определенные рекомендации по профилактике и предупреждению подобной деятельности.

Ключевые слова: несовершеннолетний; вовлечение в совершение преступлений; террористическая деятельность; преступления террористической направленности; психологическое воздействие; террористические организации.

Михаил Александрович Желудков, д-р юрид. наук, доцент, кафедра «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»; kandydat1@yandex.ru

Сергей Борисович Краюхин, консультант отдела правовой информатизации, Управление Судебного департамента в Тамбовской области; serega.krayuhin@yandex.ru

Мария Алексеевна Ментюкова, канд. юрид. наук, кафедра «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»; mariya_men2003@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Предупреждение преступности в Российской Федерации основано на нормах Конституции РФ и законодательства, где отражение прав и свобод человека и гражданина перекликается с положениями обеспечения защиты личности, общества и государства от различных посягательств [7]. «С учетом настоящего посыла, предупреждение терроризма должно нести в себе не только воздействие на причины и условия конкретных преступлений, но и учитывать взаимосвязь различных видов и форм общественных отношений, где на первое место необходимо ставить не интересы государства и его правоохранительных структур, а идеологию защиты человека от различных форм негативного влияния» [6, с. 15].

В этом отношении обратим внимание на п. 43 Указа Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где явно указано, что «Основными угрозами государственной и общественной безопасности являются: деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, утрачение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [9].

Однако следует заметить, что «при общем снижении количества зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации, количество преступлений террористического характера возросло на 44,8 %, на 9,1 % – экстремистской направленности» [11].

Вдумайтесь в эти цифры, по ним можно судить о том, что процессы модернизации и реформирования общественной жизни сопровождаются не только повышением уровня жизнедеятельности, но и различными межнациональными, межэтническими конфликтами, которые, в свою очередь, являются питательной средой для вовлечения различных социальных категорий населения, в том числе несовершеннолетних, в преступления террористической направленности. Увеличение уровня подобных преступлений почти в 1,5 раза свидетельствует и о том, что профилактические меры, в том числе указанные в п. 21 «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) [8], не в полной мере обеспечивают безопасность государства, общества и личности. Нельзя обоснованно утверждать, что правоохранительные органы не занимаются повседневной работой по выявлению различных видов преступлений, применяя для этого различные формы специальной деятельности [3]. Однако анализ информации из открытых источников указывает на то, что в профилактической работе явно прослеживается тенденция по снижению уровня идеологического воздействия на факторы, способствующие радикализации именно несовершеннолетних.

В этой связи, для понимания процесса формирования преступного поведения несовершеннолетнего и особенностей механизма вовлечения его в террористическую деятельность, с пристальным вниманием следует обратиться к примерам стран, где эти проблемы приобрели высокий уровень государственного реагирования.

Например, «В получасовом интернет видео из города Ракки (Сирия) были показаны дети-джихадисты, которые охотятся на так называемых “отступников”, упражняясь в стрельбе на поражение. Мальчики от 9 до 12 лет, вооруженные винтовками, играют в бесчеловечный аналог “зарницы” среди строений и развалин, в которых заключены пленники. Это лишь часть их ежедневного “распорядка дня”: помимо этого, они изучают Коран, клянутся в верности “Исламскому государству” (ИГИЛ) [8,

с. 47 – 51], занимаются военными упражнениями, а также смотрят фильмы, пропагандирующие ИГИЛ» [12].

Показанный пример не единственный в своем роде. Практика вовлечения детей и подростков в террористические акты все активнее используется для достижения цели по дестабилизации политического и социально-экономического положения определенных стран.

Наиболее известные экстремистские и террористические организации, ведут активную и агрессивную пропаганду своих идей в сети Интернет более чем на 35 языках мира. Русский язык – на третьем месте по количеству материалов, видеороликов и ярких обращений [3].

По данным правоохранительных органов, в сети Интернет действует около 26 тысяч экстремистских интернет-ресурсов, из которых более семи тысяч вербовочные сайты. За 2016 год российскими правоохранителями была выявлена и пресечена деятельность 34 эмиссаров (вербовщиков) террористических организаций, подыскивающих кандидатов для участия в незаконных вооруженных формированиях за рубежом, а также для проведения вооруженных акций на территории России. Со слов допрошенных лиц, приоритетным направлением вербовщиков являлась информационно-пропагандистская работа и идеологическое воздействие на сознание молодежи.

По различным данным около двух тысяч наших сограждан воюют на стороне террористов ИГИЛ, среди них более 80 % завербованных – молодежь [10]. Проводимое исследование открытых данных в Интернете показывает, что средний возраст лиц, завербованных террористами, еще 2,5 – 3 года назад составлял от 17 до 35 лет, однако в настоящее время появляется тенденция к его резкому снижению. Активное вовлечение несовершеннолетних детей в террористическую и экстремистскую деятельность становится опасной тенденцией. Вовлечение детей можно в полной мере признать принуждением к терроризму. В столь юном возрасте радикальная деятельность, образ жизни, психологическое восприятие насилия, соприкосновение со смертью минимизируют шансы на дальнейшую реабилитацию.

Центр по борьбе с терроризмом при Военной академии США в Вест-Пойнте опубликовал доклад, согласно которому число детей и подростков, завербованных «Исламским государством», в 2016 году выросло вдвое по сравнению с 2015 годом [13].

«Согласно докладу ООН, одним из приоритетов террористической группы ИГИЛ является закрепление детей в качестве средства для обеспечения долгосрочной лояльности, приверженности их идеологии и подготовка их в качестве преданных бойцов, которые будут видеть насилие как способ ведения жизни» [5].

Выделение несовершеннолетних в особую группу риска объясняется и тем, что их сознание больше всего открыто к восприятию новых идей, они склонны к фантазиям и более внушаемы. Террористы используют подростков на самых разных ролевых функциях, например, в качестве смертников, посыльных, рабов, шпионов, охранников, для приготовления пищи, уборки, оказания медицинской помощи раненым.

Специалистами Центра по борьбе с терроризмом Военной академии США при анализе пропагандистских видео и фотоматериалов Исламского государства в период с 1 января 2015 года по 31 января 2016 года было

распознано 89 детей и подростков. Оценивая возраст несовершеннолетних, специалисты пришли к выводу, что шестеро из них дети в возрасте от 3 до 7 лет; 53 человека – подростки от 8 до 13 лет; оставшиеся 30 человек – подростки от 14 до 17 лет [13]. Из этих 89 подростков в живых уже не осталось никого: 34 человека были использованы как террористы-смертники; 29 человек были убиты в вооруженных столкновениях; 5 человек умерло, работая в качестве пропагандистов (агитаторов) внедренных в подразделения; 3 подростка покончили жизнь самоубийством; 18 несовершеннолетних убито в результате мародерских операций. На основе свидетельских показаний и анализа установлено, что приблизительно 46 человек из них умерли в Ираке, 33 человека – в Сирии. Остальные были убиты во время операций в Йемене, Ливии и Нигерии [13].

Представленные данные не отражают полноценную статистику детей и подростков, попавших под влияние террористов, на самом деле количество завербованных и вовлеченных несовершеннолетних в деятельность террористических организаций значительно больше. Организации наподобие ИГИЛ владеют самыми современными методами вербовки, активно используют новые информационные технологии. Как правило, вербовщиками сначала выясняется, что интересует конкретного человека, а затем на основе полученной информации индивидуально обрабатывается его психика.

Существует несколько способов вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность, условно их можно разделить на две группы: насильственное и добровольное приобщение к террористическим организациям [2, с. 161]. Насильственные способы имеют под собой формы психического или физического воздействия на самого несовершеннолетнего или на членов его семьи.

Добровольное увлечение несовершеннолетних террористической идеологией основано на способах воздействия на подсознание молодых людей с помощью привития определенных идей священной войны и иных ценностей братства террористов. Подобное понимание и переосмысление других идей достигается вербовщиками путем влияния на психику несовершеннолетних, как правило, в сети Интернет, через социальные сети, форумы, и рассчитаны на возрастную категорию от 13 до 17 лет.

Вербовочные структуры, состоящие из определенного рода ячеек, хорошо разветвлены и законспирированы. Сам процесс вовлечения подразделяется на несколько этапов, где каждому из представителей ячейки отведена своя роль. Агенты подразделяются на «наводчиков», «вербовщиков» и «кураторов». В обязанности «наводчика» входит сбор необходимой информации о кандидате в ряды террористов. Анализируется и обрабатывается вся доступная информация (фотографии, аудиозаписи, посты, статусы, комментарии), что позволяет понять, с помощью какого мотива можно оказать влияние на интересующее лицо [1].

Отметим, что в основную группу, на которую направлена деятельность агентов, входят несовершеннолетние, испытывающие трудности в решении личных и бытовых проблем, а также недовольные сложившейся политической и социально-экономической обстановкой в городе, регионе или стране. Чувство одиночества, отверженности со стороны близких и друзей, проблемы в отношениях с противоположным полом, чувство не-

справедливости и неравенства в стране, все это отличный фундамент для навязывания определенных ценностей террористического характера.

«На предварительном этапе из группы лиц (студенческой, спортивной команды, интернет-группы, посетителей мечети, курсов арабского языка и т.д.) подбирается кандидатура или кандидатуры, которые по тем или иным соображениям могут согласиться на “джихад” и переброску к сирийско-турецкой границе. Определившись с кандидатурой, вербовщик изучает все положительные и отрицательные стороны характера, профессиональную полезность персоны, разыскивает компрометирующие его материалы, выясняет все стороны личной жизни, политические и религиозные убеждения. Внимательно изучив всю информацию, создав психологический портрет будущего “воина джихада” или участницы “секс-джихада”, оценив его внутренний и внешний мир, вербовщик находит те стороны, с помощью которых можно привлечь юношу или девушку к сотрудничеству.

На следующем этапе начинается разработка кандидата в ряды ИГИЛ. Собранная о кандидате информация позволяет понять, с помощью какого мотива можно оказать влияние на интересующее лицо. Как правило, используются идейно-политические, компрометирующие, материально-бытовые или морально-психологические проблемы персоны» [4].

Тактика вовлечения также зависит от окружающей ситуации. Вступая в контакт с кандидатом, чаще всего через социальные сети, агент предлагает девушкам выйти замуж за красивого и богатого исламиста-радикала, где они будут жить в большом дворце. Парням предлагают воевать и зарабатывать много денег. Лиц, недовольных обстановкой в стране, убеждают, что в их новом государстве люди живут в мире, согласии и достатке. Наивные подростки охотно верят и следуют убеждениям вербовщика.

Дальше в дело вступает «куратор», который занимается непосредственно организацией выезда и доставки завербованного либо обеспечивает деятельность по подготовке и ведению пропаганды идей на территории страны [4]. Типичной ситуацией вербовки можно считать «пример Кирилла Б., ученика 11 класса одной из школ Москвы. Он пропал в апреле 2015 года. Затем было установлено, что он находится в военизированном лагере на Украине, проходит там идеологическую, диверсионную и снайперскую подготовку и привлекается к участию в боевых действиях. Спустя год, он добровольно вернулся на родину, где был признан виновным в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности, а также в участии в незаконном вооруженном формировании и приговорен к 6,5 годам лишения свободы в колонии общего режима» [1].

Другой формой внедрения и навязывания своих идеалов со стороны радикалов, схожей с вербовкой в социальных сетях, является активное участие в различных тематических интернет-форумах. Немало подростков предпочитают активно обсуждать новости в Интернете на различных форумах и в блогах. Представители террористических организаций тщательно отбирают наиболее активных участников со слабо выраженными идеалами и принципами, после чего начинают контактную работу по пропаганде радикальных идей, далее все идет по вышеописанному сценарию.

Говоря о насильственном приобщении несовершеннолетних к террористическим организациям, следует отметить, что они в большей степени

свойственны странам, находящимся в непосредственной близости с террористическими организациями, либо странам, на территории которых подобные организации расположены. В первую очередь это Сирия, Ирак, а с недавнего времени и Украина. Основным способом насильственного приобщения является принудительное распределение детей, родители которых погибли в результате вооруженных конфликтов, в военно-тренировочные лагеря подготовки террористов. Там они проходят специальную подготовку, обучаясь стрельбе, взрывному делу и навыкам диверсионной войны. На данный момент в тренировочных лагерях ИГИЛ находится около 700 подростков [4].

Другим распространенным способом является вовлечение несовершеннолетних со стороны родителей, которые находятся в рядах террористов и пропагандируют их идеи, ценности. Подобные случаи неоднократно происходили и в России. За 2016 год только в двух случаях удалось вернуть детей [1].

Таким образом, изучение механизма вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность в зарубежных странах позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра специфики работы в этом направлении со стороны школьных, студенческих коллективов, задействования формата семейных отношений. Крайне снисходительное отношение общества к процессу вербовки в ряды террористов влечет за собой увеличение влияния террористической идеологии, а также затрудняет и снижает качество работы правоохранительных органов в этой сфере. Необходимо постоянно совершенствовать уже существующие инструменты противодействия террористической пропаганде, а также проработать новые идейные и профилактические меры, направленные непосредственно на такую категорию населения как несовершеннолетние. В качестве основы можно выделить следующие мероприятия:

1) закрепить в обществе определенные нормы воспитания и пропаганды традиционных семейных ценностей у несовершеннолетних и молодежи на местном, региональном и федеральном уровнях;

2) методически и финансово обеспечить работу квалифицированных психологов на базе общеобразовательных учреждений и в студенческой среде по профилактике воздействия запрещенных радикальных организаций;

3) организовать в Национальном антитеррористическом комитете специальную структуру, отвечающую за координацию антитеррористической деятельности государственных, муниципальных и общественных организаций, занимающихся проблемами несовершеннолетних.

Список литературы

1. **Алиева С. Ю.** Уголовно-правовые аспекты противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 161–162.

2. **Астахов:** Завербованные ИГ россияне увозят своих детей на территорию боевиков [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/529351-astahov-zaverbovannye-ig-rossiyane-uvozyat-svoih-detei-na-territoriyu-boevikov> (дата обращения: 15.11.2017).

3. **Дворецкий М. Ю.** Проблемы эффективной реализации уголовной ответственности // Черные дыры в Российском законодательстве. 2016. № 6 (1). С. 59 – 61.
4. **Доклад** комиссии Алтайского края по противодействию экстремизму «Молодежь России против ИГИЛ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altstu.ru/structure/unit/oso/news/10151/> (дата обращения: 21.04.2017).
5. **Доклад** Сафарова С., заместителя директора Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, на региональной конференции «Религиозная радикализация в Центральной Азии: мифы и реальность» [Электронный ресурс]. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fcabar.asia%2Fru%2Fiwpr-central-asia-konferentsiya-religioznaya-radikalizatsiya-v-tsentralnoj-azii-mify-i-realnost> (дата обращения: 21.04.2017).
6. **Желудков М. А.** Соотношение принципов гуманизма и справедливости при реализации мер по предупреждению преступности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 15-20.
7. **Конституция** Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/14366:1> (дата обращения: 15.11.2017).
8. **Концепция** противодействия терроризму в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779 (дата обращения: 15.11.2017).
9. **О Стратегии** национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения: 21.04.2017).
10. **Педанов Е.** Молодежь составила 80 % от числа завербованных террористами россиян // Электронный журнал «Международная жизнь». 2017. № 2
11. **Состояние** преступности в России за январь-декабрь 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock> (дата обращения: 21.04.2017).
12. **Шакалы** войны: как ИГИЛ взращивает в своих лагерях поколение юных убийц [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/686217-shakaly-voiny-kak-igil-vzrashchivaet-v-svoih-lageryah-pokolenie-yunyh-ubiic> (дата обращения: 21.04.2017).
13. **Depictions** of children and youth in the Islamic state's martyrdom propaganda, 2015-2016. URL: <https://www.ctc.usma.edu/posts/depictions-of-children-and-youth-in-the-islamic-states-martyrdom-propaganda-2015-2016> (дата обращения: 21.04.2017).

References

1. **Alieva S.Yu.** [Criminally-legal aspects of counteraction to involving of minors in fulfillment of crimes of a terrorist orientation], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2014, no. 1, pp. 161-162. (In Russ., abstract in Eng.)
2. <https://riafan.ru/529351-astahov-zaverbovannye-ig-rossiyane-uvoyat-svoih-detei-na-territoriyu-boevikov> (accessed: 15 November 2017). (In Russ.)
3. **Dvoretiskii M.Yu.** [Problems of effective implementation of criminal liability], *Chernye dyry v Rossiiskom zakonodatel'stve* [Black Holes in Russian Legislation], 2016, no. 6 (1), pp. 59- 61. (In Russ., abstract in Eng.)
4. <http://www.altstu.ru/structure/unit/oso/news/10151/> (accessed: 21 April 2017). (In Russ.)
5. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&ur=http%3A%2F%2Fcabar.asia%2Fru%2Fiwpr-central-asia-konferentsiya-religioznaya-radikalizatsiya-v-tsentralnoj-azii-mify-i-realnost> (accessed: 21 April 2017). (In Russ.)

6. **Zheludkov M.A.** [The correlation of the principles of humanism and justice in the implementation of measures for the prevention of crime], *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti* [Problems of law enforcement activity], 2016, no. 4, pp. 15-20. (In Russ., abstract in Eng.)

7. <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/14366:1> (accessed: 15 November 2017). (In Russ.)

8. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779 (accessed: 15 November 2017). (In Russ.)

9. http://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (accessed: 21 April 2017). (In Russ.)

10. **Pedanov E.** [Young people accounted for 80% of the number of Russians recruited by terrorists], *Elektronnyi zhurnal «Mezhdunarodnaya zhizn'»* [Electronic Journal «International Life»], 2017, no. 2. (In Russ., abstract in Eng.)

11. <https://genproc.gov.ru/upload/iblock> (accessed: 21 April 2017). (In Russ.)

12. <https://riafan.ru/686217-shakaly-voiny-kak-igil-vzrashchivaet-v-svoih-lageryah-pokolenie-yunyh-ubiic> (accessed: 21 April 2017). (In Russ.)

13. <https://www.ctc.usma.edu/posts/depictions-of-children-and-youth-in-the-islamic-states-martyrdom-propaganda-2015-2016> (accessed: 21 April 2017). (In Russ.)

PECULIARITIES OF INVOLVING MINORS IN TERRORISM IN FOREIGN COUNTRIES

M. A. Zheludkov, *Doctor of Law, Professor,
Department of Criminal Law and Applied Computer Science In Law,
Tambov State Technical University;
kandydat1@yandex.ru*

S. B. Krayukhin, *Legal Informatization Consultant
Administration of Justice Department;
serega.krayuhin@yandex.ru*

M. A. Mentyukova, *Candidate of Science (Law), Associate Professor of
Department of Criminal Law and Applied Computer Science in Law,
Tambov State Technical University;
mariya_men2003@mail.ru*

The need to investigate the ways of involving minors in terrorism is necessitated by the fact that changes in public life are accompanied not only by an increase in the standard of living, but also by an increase in interethnic, ethnic and political conflicts. In this article, through the actual examples, forms and methods of involving minors in committing crimes of a terrorist nature are explored and certain recommendations are proposed for their prevention.

Keywords: minor; involvement in committing crimes; terrorist activities; terrorism; psychological influence; terrorist organizations.

© М. А. Желудков, 2017

© С. Б. Краюхин, 2017

© М. А. Ментюкова, 2017

Статья поступила в редакцию 15.10.2017

Целью представленной статьи является формулирование предложений по совершенствованию законодательства РФ для повышения эффективности охраны прав авторов в информационном пространстве Российской Федерации на основе сравнительно-правового исследования законодательства Соединенных Штатов Америки и Великобритании в рассматриваемой сфере. Приведен сравнительно-правовой анализ международного законодательства в сфере охраны авторских прав в сети Интернет. На основе проведенного исследования предложены изменения уголовного законодательства РФ.

Ключевые слова: авторские права; сравнительное правоведение; уголовное право; технические средства защиты авторских прав; Интернет.

Станислав Иванович Кириллов, *д-р юрид. наук, профессор, кафедра «Криминология», ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя»; stanislav.kirillov.1995@mail.ru*

Мария Николаевна Кочеткова, *ст. преподаватель, кафедра «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»; mariankochetkova@gmail.com*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В связи с интеграцией мировой экономики, проведению торговых операций онлайн и упрощению заключения международных торговых договоров, широкому распространению английского языка в качестве универсального языка международного общения, автор или правообладатель имеет возможность получить доменное имя в течение одних суток, в том числе и у иностранного регистратора доменных имен, оплатив его онлайн, заказать, оплатить и получить хостинг для сайта в третьей стране, связаться с веб-разработчиком в четвертой. С его помощью опубликовать на своем новом сайте свои произведения; затем оплатить рекламу в транснациональной компании, владеющей глобальной поисковой системой с тем, чтобы уже к концу дня зарегистрировать при помощи системы сбора статистики посещения на своем сайте посетителей со всего земного шара, в том числе и заключая с ними сделки в отношении коммерческого использования объектов его интеллектуальной собственности посредством программного комплекса продаж через сайт, разработанного интернациональным коллективом специалистов в формате аутсорсинга и распространяемого по одной из публичных интернет-лицензий. На этом примере мы

видим, насколько правоотношения в информационном пространстве имеют не просто трансграничный характер, но и универсальный, охватывающий весь мир.

В связи с этим на современном этапе для совершенствования защиты прав авторов в российском сегменте сети Интернет необходимо учитывать мировой опыт. Следовательно, целью написания представленной статьи является формулирование предложений по совершенствованию законодательства РФ для повышения эффективности защиты прав авторов в информационном пространстве Российской Федерации, на основе сравнительно-правового исследования законодательства Соединенных Штатов Америки и Великобритании, в рассматриваемой сфере.

Знание права зарубежных стран, его объективный анализ способствует расширению правотворческого кругозора, например, профессор Дж. Флетчер указывает на то, что между различными системами уголовного права очень много общего, причем это «...скрытое единство не лежит на поверхности, а находится под глубоким пластом законодательных положений и судебных решений» [15, с. 8]. Однако мы не можем говорить о каком-либо сближении по ряду позиций уголовного права, поскольку существуют более серьезные различия, например, в странах англо-саксонской системы права многие правовые вопросы регулируются прецедентным правом, а статутное право не претерпевает каких-либо существенных изменений на протяжении значительного промежутка времени.

В науке сравнительного правоведения обычно выделяют пять наиболее часто встречающихся ошибок в проведении сравнительно-правового анализа [10, с. 84].

1. Не всегда четко определяется объект правового анализа и установление критериев для их сравнения. Например, при подготовке в Российской Федерации законов о местном самоуправлении европейские консультанты не увидели специфики России. Следовательно, результатом стало многообразие моделей организации местного самоуправления в регионах России 1991 – 2003 гг. [8, с. 26].

2. При сравнительно-правовом анализе не учитываются объективные условия и факторы, которые порождают те или иные институты в зарубежном праве и праве РФ. Например, «...закон о товарных биржах был подготовлен и принят поспешно, хотя в нашей экономике отсутствовали те институты инфраструктуры, которые в зарубежной экономике обеспечивают их деятельность. В результате биржи у нас почти исчезли через три года» [12, с. 54].

3. В некоторых случаях происходит прямое заимствование научных правовых концепций, которые не всегда адекватно могут быть отражены в российском законодательстве. Это касается поспешного введения суда присяжных. Например, в качестве эксперимента указанный институт был введен в девяти регионах РФ [12, с. 54].

4. Простое копирование правовых норм и институтов без анализа их содержания с учетом социальных и культурных особенностей государства.

Мы будем проводить исследование на уровне правовых норм, используя приемы: микросравнения, который предполагает анализ того, как оп-

ределенная социальная проблема решена в конкретном национальном правовом порядке; последующего сопоставления полученных результатов; синхронного сравнения действующих правовых норм, а также внешнего сравнения норм права Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

В последние годы актуальность совершенствования законодательства об авторском праве для большинства развитых стран обусловлена созданием международной системы охраны интересов авторов и иных правообладателей.

Наиболее значимыми документами, объединяющими и унифицирующими представления различных государств об авторском праве, можно считать Бернскую конвенцию по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., а также Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по авторскому праву 1996 г. и Договор ВОИС по исполнению фонограммам, принятый Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 г. Договоры дополняют Конвенцию в части регулирования прав на распространение, прокат, сообщение для всеобщего сведения, а также обязательства в отношении технических мер и обязательства в отношении информации об управлении правами.

Значимость указанных нормативных актов в сфере охраны авторских прав в сети Интернет, состоит в следующем.

1. Бернская Конвенция регулирует возможности свободного воспроизведения и устанавливает правила передачи в эфир и другие способы беспроводных сообщений передачи, сообщение для всеобщего сведения переданного по проводам, на наш взгляд, сюда относится и сеть Интернет [2].

2. Договоры вводят обязательства в отношении технических мер защиты авторских прав.

3. Впервые договорами введено понятие «информация об управлении правами» – это информация, которая идентифицирует произведение, автора произведения, обладателя какого-либо права на произведение, или информацию об условиях использования произведения и любые цифры или коды, в которых представлена такая информация, когда любой из этих элементов информации приложен к экземпляру произведения или появляется в связи с сообщением произведения для всеобщего сведения.

4. Договоры впервые определяют некоторые термины. Термин «эфирное вещание» закрепляется за «передачей средствами беспроводной связи» (в том числе через спутник) и распространяется и на зашифрованные передачи. «Передача в эфир» предполагает вмешательство оператора, обеспечивающего трансляцию программ по волнам эфира. «Сообщение для всеобщего сведения» обозначает все способы передачи, за исключением эфирного вещания [4].

К существенным недостаткам рассматриваемых нормативных актов можно отнести: не предусматривается создание авторского произведения в электронно-цифровой форме, а также особенности приобретения и действия авторских прав в сети Интернет.

Мы считаем, что необходимо на уровне международного сообщества, а именно стран, заинтересованных в эффективной охране авторских прав

в сети Интернет, принять международный договор, обязывающий стран-участниц предусмотреть в национальных законодательствах меры правового воздействия за нарушение авторских прав в сети Интернет, а также урегулировать вопросы, связанные с созданием и использованием объектов авторских прав в сети Интернет. На наш взгляд, также целесообразно создать единый Международный Центр по охране авторских прав в сети Интернет, тем более, что подобные организации существуют на уровне отдельных государств, например, на территории Великобритании действует 13 патентных центров, которые разрешают споры в сфере интеллектуальной собственности, в том числе и в интернет-пространстве Великобритании. Создание именно международной структуры важно, поскольку Интернет-пространство не имеет границ, следовательно не находится под юрисдикцией какого-либо одного государства. В международном праве «территория, которая не имеет национального суверенитета и которую нельзя ограничить географическими границами, трактуется как *res communis* или общее достояние человечества. Общее достояние человечества – находящиеся за пределами государственной юрисдикции пространства и ресурсы, принадлежащие международному сообществу в целом, которое определяет их правовой режим, включая правила пользования» [1, с. 365].

В связи с этим, например, профессор Э. Ансельмо считает, что «правила использования киберпространства должны быть разработаны по аналогии с правилами использования *res communis*» [16, с. 24 – 31].

Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности в целом и авторских прав в частности насчитывает свою историю с середины XIX века. Согласно действующему законодательству, норма, предусматривающая ответственность за нарушение авторских прав расположена в гл. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Однако, в последние годы законодатель стремится обеспечить защиту прав авторов при помощи гражданско-правовых механизмов. При этом гражданское законодательство имеет более строгие имущественные санкции, чем уголовное. А именно, ст. 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает в качестве наказания за нарушение исключительного права на произведение штраф в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, так как ч. 1 ст. 146 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере до двухсот тысяч рублей; ч. 3, в размере до пятисот тысяч рублей, устанавливая ответственность за незаконное использование объектов авторского права в особо крупном размере, а именно, в размере, превышающем один миллион рублей. Очевидно, что ч. 3 ст. 146 устанавливает наказание, не соответствующее причиненному ущербу, следовательно, незначительная мера наказания, предусмотренная за данные преступления, высокая прибыль и минимальный риск задержания и судебного преследования приводят к тому, что количество указанных преступлений неуклонно растет, нанося обществу невосполнимый материальный и моральный вред.

Одной из проблем применения рассматриваемой нормы является необходимость исчисления крупного и особо крупного ущерба, причиненного преступным деянием, что является довольно сложным при нарушении авторских прав в сети Интернет.

Согласно обозначенным теоретическим и практическим проблемам применения ст. 146 УК РФ, предусматривающей ответственность за плагиат, мы считаем ее норму неэффективными и неприменимыми в отношении нарушения авторских прав в сети Интернет.

Рассмотрим уголовное законодательство зарубежных стран в области охраны авторских прав в сети Интернет. Поскольку право Великобритании – прецедентное право, то отметим, что в Великобритании действительно существует большое количество судебных прецедентов, действующих в сфере защиты авторских прав, в том числе и в сети Интернет. Среди них стоит отметить: дело Sabaf против MFI; Campbell против MGN Limited, Regina против Johnstone, Buchanan против Alba Diagnostics Limited; Designer Guild Limited против Russell Williams. Решения по обозначенным делам конкретизируют положения статутов, являются основными источниками толкования законодательных норм и актами, позволяющими применять положения статутов на практике. В то же время в научной литературе отмечается тенденция усиления роли закона в Великобритании, в частности, при регулировании вопросов интеллектуальной собственности. Данная тенденция в большинстве случаев объясняется влиянием международно-правовых актов на формирование британского права интеллектуальной собственности.

К основным законодательным актам в рассматриваемой области можно отнести следующие. Copyright and Related Rights Regulations 2003 г. – документ, приближающий авторское право Великобритании к общеевропейскому, тезисы которого изложены в Copyright directive. В соответствии с ч. 2 ст. 8 п. 28A Copyright and Related Rights Regulations 2003 «авторское право на тексты, кроме компьютерных программ, баз данных, или источники в оригинальном виде: художественной литературы, живописи; музыки или фильмов, не будет нарушено созданием временной копии, которая является переходной или непредвиденной, не являющейся основой, и единственная цель которой состоит в том, чтобы позволить: (а) передачу по сети между третьими лицами посредником; или (b) иное законное использование без коммерческой цели» [22].

В 2010 году в Великобритании был принят Digital Economy Act 2010, DEA (Закон «О цифровой экономике»). Рассматриваемый закон устанавливает ответственность за нарушение авторских прав пользователей в сети Интернет, закрепляя право владельцев авторских прав в некоторых случаях добиваться отключения пользователей от глобальной сети [17].

Пользователь признается совершившим существенные нарушения, если их количество достигло пороговой величины, установленной Кодексом провайдера, который рассматривает и одобряет Управление связи Великобритании (Office of Communications).

Несколько иной подход к регулированию объекта авторского права в Интернете применяется в США. Охрана авторского права в США разре-

шена пунктом об авторском праве в Конституции США. Ныне действующие законы об авторском праве кодифицированы в Разделе 17 Кодекса законов Соединенных Штатов.

Законодательство США по авторскому праву базируется на утилитарной концепции, согласно которой авторское право должно поощрять создание произведений, а не защищать личные права автора. Эта цель авторского права установлена в Конституции: «содействовать развитию науки и полезных ремесел». Таким образом, Соединенные Штаты признают только минимальные неимущественные права авторов в рамках законодательства об авторском праве. При этом, несмотря на отсутствие профильного нормативного правового акта, регулирующего защиту авторских прав в сети Интернет, существует Digital Millennium Copyright Act (Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху), принятый в 1998 г. в США. В настоящее время это наиболее прогрессивный документ, принятый с целью упорядочения правового регулирования использования сети Интернет.

В соответствии с Digital Millennium Copyright Act (sec 202) охране подлежат все объекты авторского права, которые находятся в сети Интернет. Однако любое лицо освобождается от ответственности за их нарушение в силу незнания о нарушении. Способом уведомления о нарушении может быть письмо, телеграмма или электронная почта. И, только если в разумный срок получатель предупреждения не удалит объект авторского права, к нему могут применяться нормы ответственности за нарушение, а для удаления его из сети привлекается провайдер. Что касается определения объекта авторского права, то под него подпадают лишь уникальные произведения, которые охраняются авторским правом [18]. В США существует понятие «transformativeness», применяемое в сети к нелицензионному использованию объектов, защищенных авторским правом. Охрана предоставляется лишь оригинальному произведению, тогда как картинка или содержание интернет-сайта являются, как правило, лишь копией или частью произведения, подобная формулировка в законодательстве РФ во многом поспособствовала бы разгрузке правоохранительных органов. В соответствии с прецедентом, созданным с решением суда *Feist Publications v. Rural Telephone Service* 499 U.S. 340 (1991), было признано, что в отношении компиляций или произведений, не соответствующих оригиналу, не может быть признано нарушение авторского права [19]. Это решение окончательно поставило в точку в определении объекта авторского права в США. Тем самым было признано, что охраняется авторским правом лишь оригинальное произведение, а не копии, находящиеся в сети. «Закон о защите авторского права в области частного воспроизведения предусматривает уголовное наказание за распространение пиратских копий фильмов, сделанных до официальной премьеры. А за распространение копий, защищенных авторским правом информации, предусматривается лишь взыскание недополученной выгоды. Право США предусматривает компромиссный вариант защиты авторских прав в сети Интернет, по которому защита производится без нарушения прав на копирование, передачу, обмен и получение информации. Закон же выступает в роли регулятора отношений, который стремится к урегулированию от-

ношений без создания спорных ситуаций. Если английское законодательство не считает нарушением передачу объектов, защищенных авторским правом, в Интернете, то американское, не отказываясь от защиты, пытается конкретизировать объект и в случае выявления факта распространения ликвидировать нарушение, содействуя человеку, который мог ему непреднамеренно способствовать» [3].

Следовательно, единого международного подхода к охране прав авторов в сети Интернет пока нет, но прослеживается тенденция к объединению уголовно-правовой нормы и технических средств защиты авторских прав. При этом либо наказание, либо предупредительные меры включают в себя и техническое воздействие. Таким образом, предлагается дополнить ст. 146 УК РФ частью 4 «...распространение произведения в сети Интернет до его обнародования, при нарушении целостности технических средств защиты авторских прав наказывается штрафом в размере от трех до пяти миллионов рублей либо лишением свободы на срок до трех лет».

Статью 7.12 Кодекса об административных правонарушениях дополнить в части 3 «...распространение произведения в сети Интернет до его обнародования наказывается штрафом в размере от пяти до пятнадцати тысяч рублей».

Такой подход разграничит административно-правовую и уголовно-правовую ответственности по нескольким признакам: умыслу – поскольку нарушение целостности технических средств защиты авторских прав не может быть совершено иначе как если лицо осознает общественную опасность деяния и желает наступления последствий, а именно возможности размещения произведения в сети Интернет, а также по отношению автора к своему произведению – применение технических средств защиты авторских прав подразумевает желание автора защитить свои права.

Список литературы

1. **Барихин А. Б.** Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2005. 720 с.

2. **Бернская конвенция** по охране литературных и художественных произведений (измененная 28 сентября 1979 г.) (официальный перевод) [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/text.jsp?file_id=283702 (дата обращения: 10.02.2016).

3. **Власенко А. В.** Охрана объектов авторского права в сети «Интернет» в зарубежных странах и в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://education.law-books.ru/shop/1-5-10/1-5-10-20.doc> (дата обращения: 20.11.2017).

4. **Договор ВОИС** по исполнениям и фонограммам, принятый Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=295581 (дата обращения: 20.11.2017).

5. **Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях** от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ) (в ред. от 5 мая 2015 г. №10-П) // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 1.

6. **Конституция Российской Федерации** (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Кон-

ституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

7. **Марченко М. Н.** Курс сравнительного правоведения. М.: Городец-издат, 2002. 1068 с.

8. **Местное** самоуправление в современной России. М.: ИСРМО «Малые горы», 2007. 440 с.

9. **Мишина Е. А.** Суд присяжных в России: возрождение и выживание. М.: Изд-во Института современной России, 2012. 254 с.

10. **Оксамытный В. В.** Общая теория государства и права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 346 с.

11. **Сравнительное** правоведение: национальные правовые системы. Правовые системы Западной Европы / под ред. В. И. Лафитского. М.: Изд-во Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. Т. 2. 546 с.

12. **Тихомиров Ю. А.** Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

13. **Уголовное** право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. И. Д. Козочкина. М.: Омега-Л, Изд-во Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003. 576 с.

14. **Уголовный** кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 25. Ст. 2954.

15. **Флетчер Дж., Наумов А. В.** Основные концепции современного уголовного права. М.: Юрист, 1998. 512 с.

16. **Эрин Л., Ансельмо Э.** Киберпространство в международном законодательстве: опровергает ли развитие Интернета принцип территориальности в международном праве? // Экономические стратегии. 2006. № 2. С. 24 – 31.

17. **Digital Economy Act 2010, DEA** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/24/contents> (дата обращения: 20.11.2017).

18. **Digital Millennium Copyright Act** [Электронный ресурс]. URL: http://library.clerk.house.gov/reference-files/PPL_105_304_DigitalMillenniumCopyright.pdf (дата обращения: 20.11.2017).

19. **Feist Publications v. Rural Telephone Service 499 U.S. 340** [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/499/340/case.html> (дата обращения: 20.11.2017).

20. **Mermin S.** Law and the Legal System // An introduction to Legal System. 2008. P. 64.

21. **The Copyright Act of 1976** [Электронный ресурс]. URL: <http://copyright.gov/title17/92appa.pdf> (дата обращения: 20.11.2017).

22. **The Copyright and Related Rights Regulations 2003** implement Directive 2001/29/EC [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2003/2498/made> (дата обращения: 20.11.2017).

References

1. **Barikhin A.B.** Bol'shoi yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar' [Large legal encyclopedic dictionary], Moscow: Knizhnyi mir, 2005, 720 p. (In Russ.)

2. http://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/text.jsp?file_id=283702 (accessed: 10 February 2016). (In Russ.)

3. **Vlasenko A.V.** *Okhrana ob"ektov avtorskogo prava v seti «Internet» v zaru-bezhnykh stranakh i v Rossiiskoi Federatsii* [Protection of copyright in the Internet

in foreign countries and in the Russian Federation], available at: <http://education.law-books.ru/shop/1-5-10/1-5-10-20.doc> (accessed: 20 November 2017). (In Russ.)

4. http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=295581, (accessed 20 November 2017). (In Russ.)

5. [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 no. 195-FZ (Administrative Code of the Russian Federation) (as amended on May 5, 2015 no. 10-P)], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation Russian Federation], 2002, no 1 (part I), article 1. (In Russ.)

6. [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the RF Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation no. 6-FKZ dated 30.12.2008, no. 7-FKZ dated 30.12.2008, no. 2-FKZ dated 05.02.2014, no. 11-FKZ dated 21.07.2014)] *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31, article 4398. (In Russ.)

7. **Marchenko M.N.** *Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya* [Comparative Law Course], Moscow: Gorodets-izdat, 2002, 1068 p. (In Russ.)

8. **Mestnoe samoupravlenie v sovremennoi Rossii** [Local government in modern Russia], Moscow: ISRMO «Malye gory», 2007, 440 p. (In Russ.)

9. **Mishina E.A.** *Sud prisyazhnykh v Rossii: vozrozhdenie i vyzhivanie* [The jury in Russia: revival and survival], Moscow: Izd-vo Institut sovremennoi Rossii, 2012, 254 p.

10. **Oksamytnyi V.V.** *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law], Moscow: YuNITI-DANA, 2012, 346 p. (In Russ.)

11. **Lafitskogo V. I.** [Ed.] *Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy. Pravovye sistemy Zapadnoi Evropy* [Comparative law: national legal systems. Legal systems of Western Europe], Moscow: «Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF», 2013, 546 p. (In Russ.)

12. **Tikhomirov Yu.A.** *Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya* [Comparative Law Course], Moscow: Izdatel'stvo NORMA, 1996, 432 p. (In Russ.)

13. **Kozochkina I.D.** [Ed.] *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaya chast'* [The criminal law of foreign states. General part], Moscow: Omega-L, Institut mezhdunarodnogo prava i eko-nomiki im. A. S. Griboedova, 2003, 576 p. (In Russ.)

14. [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 17, 2017)], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2017, no. 25, article 2954. (In Russ.)

15. **Fletcher Dzh., Naumov A. V.** *Osnovnye kontseptsii sovremennogo ugolovnogo prava* [Basic concepts of modern criminal law], Moscow: «Yurist», 1998, 512 p. (In Russ.)

16. **Erin L., Ansel'mo E.** [Cyberspace in international law: Does the development of the Internet disprove the principle of territoriality in international law?], *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 2006, no. 2, pp. 24-31. (In Russ.)

17. <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/24/contents> (accessed: 20 November 2017).

18. [http://library.clerk.house.gov/reference-files/PPL_105_304_Digital MillenniumCopyright.pdf](http://library.clerk.house.gov/reference-files/PPL_105_304_Digital_MillenniumCopyright.pdf) (accessed: 20 November 2017).

19. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/499/340/case.html> (accessed: 20 November 2017).

20. **Mermin S.** Law and the legal system, *An introduction to Legal System*, 2008, 64 p.

21. <http://copyright.gov/title17/92appa.pdf> (accessed: 20 November 2017).

22. <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2003/2498/made> (accessed: 20 November 2017).

**A COMPARATIVE ANALYSIS OF LAWS IN
THE RUSSIAN FEDERATION, GREAT BRITAIN
AND THE UNITED STATES OF AMERICA
ON COPYRIGHT PROTECTION ON THE INTERNET**

S. I. Kirillov, *Doctor of Law, Professor,
Department of Criminal Law,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
stanislav.kirillov.1995@mail.ru*

M. N. Kochetkova, *Senior Lecturer,
Department of Criminal Law and Applied Computer Sciences in Law,
Tambov State Technical University;
mariankochetkova@gmail.com*

The article aims to formulate suggestions for improvement of the Russian Federation legislation to raise the effectiveness of copyright protection in the information space of the Russian Federation, using a comparative analysis of the US and UK legislation in the field under study. Also, the article describes the results of the comparative and legal analysis of the international legislation in the field of copyright protection on the Internet. Using the findings of the conducted research, it is proposed to make changes to the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: copyright; comparative legal studies; criminal law; digital right management; Internet.

© С. И. Кириллов, 2017

© М. Н. Кочеткова, 2017

Статья поступила в редакцию 20.11.2017

В рамках настоящей статьи авторы сделали попытку на основе общих подходов, сформулированных в наркокриминологии, рассмотреть в рамках обсуждения актуальных вопросов противодействия наркотизму и наркопреступности (на примере Тамбовской области), основные элементы криминологической характеристики личности, вовлеченной в наркотизм и незаконный оборот наркотиков. Авторами изучаются, анализируются статистические данные в отношении лиц, осужденных в Тамбовской области за совершение рассматриваемых преступлений, и делаются предложения, направленные на предупреждение рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: личность преступника; наркозависимость; наркопреступность; незаконный оборот наркотиков.

Светлана Валентиновна Медведева, канд. юрид. наук,
кафедра «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
Sv-medvedeva@mail.ru

Олег Петрович Климов, майор полиции,
старший оперуполномоченный Управления по контролю за оборотом
наркотиков УМВД России по Тамбовской области;
elters@crimeinfo.jesby.tstu.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (на примере Тамбовской области)

В настоящее время практически нет такой страны, которую бы не затронули проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. В Российской Федерации так же нет ни одного субъекта, которого бы не волновала судьба молодежи, поскольку чаще всего, они подвергнуты в силу своего возраста негативному воздействию и вовлечению их в употребление наркотиков и их дальнейшее преступное распространение. Поэтому так важно осуществлять борьбу, прежде всего, с организованной преступной деятельностью, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, осуществлять профилактику наркомании, подрывать экономические основы наркобизнеса. Все вышеперечисленное является приоритетными направлениями государственной антинаркотической политики Российской Федерации.

Об актуальности исследования личности преступника, совершившего преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств в Российской Федерации, и в Тамбовской области, в частности, свидетельствует тот факт, что распространенность злоупотребления наркотиками в различных социальных группах и вероятность неблагоприятных «наркопоследствий» для конкретной личности зависят от целого ряда обстоятельств – индивидуальной биологической и психической предрасположенности, вида социальной деятельности, половой принадлежности, возраста, религиозности, культурно-этнических особенностей и целого

ряда других факторов. При этом процесс наркотизации населения на всех уровнях (в масштабах государства, на региональном уровне, в составе социальных групп) динамичен и подвержен постоянным изменениям.

Личность преступника является составным элементом предмета криминологии. Наиболее удачной и успешно апробированной представляется предложенная проф. В. В. Лунеевым (в 80-е годы прошлого века) структура личности преступника (правонарушителя), рассматриваемая в совокупности таких интегрированных характеристик, как социально-демографическая, социально-психологическая и психофизиологическая [2]. При этом, определяя содержательную и динамическую стороны личности преступника и его преступного поведения, каждая из названных характеристик является комплексным образованием, включающим ряд признаков, свойств и особенностей, имеющих различную криминологическую значимость в механизме преступного поведения.

В общественных науках (психологии, педагогике, девиантологии, криминологии), а также медицине (психиатрии, наркологии) и смежных отраслях знаний (криминальной патопсихологии) выдвинуты многочисленные гипотезы об особой роли биологических (генетических) свойств в механизме преступного поведения с участием потребителей психоактивных веществ (далее ПАВ) и прежде всего наркоманов [4, с. 401 – 403]. В криминологии нет единства мнений на тему соотношения биологического и социального в личности правонарушителя и причинном комплексе преступности [3].

С нашей точки зрения, криминологическая характеристика личности лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, определяется как совокупность элементов, описывающих показатели: а) социально-демографические (пол, возраст, образование, семейное положение, сведения о привлечении к ответственности за правонарушения и т.п.); б) социально-психологические (темперамент, потребности, интересы и т.п.); в) психофизиологические (особенности психических процессов, обусловленных употреблением ПАВ).

Личность преступника имеет значение не только для криминологии, но и для криминалистики, состоящее в том, что наркопреступления являются определенными поступками, поэтому конкретное лицо имеет свои особенности и характеристики, имеющие значение для расследования преступления или его предупреждения. То есть преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, и преступник, его совершивший, являются теми звеньями одной цепи, изучение и познание которых способны в дальнейшем послужить основой для последующей организации раскрытия, расследования и предотвращения рассматриваемых преступлений.

Применительно к преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, имеют значение следующие показатели личности преступника: пол, возраст, профессия, гражданство, физиологические особенности (например, совершение преступления под воздействием наркотических средств или психотропных веществ).

Указанные данные о личности подозреваемого необходимы для всесторонней оценки его поведения, правильной квалификации преступного деяния, принятия принудительных мер медицинского и иного характера,

выбора следователем тактических приемов, розыска виновного в случае, если субъект преступления скрылся от следствия и суда. Информация о личности преступника, так же как информация о преступлении в целом, может быть использована для повышения эффективности расследования лишь в том случае, когда она систематизирована.

Например, в Тамбовской области число осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств составило: 749 – 2016 г., 829 – 2015 г., 1159 – 2014 г., 1437 – 2013 г., 781 – 2012 г.; из них соответственно несовершеннолетние лица: 17 – 2016 г., 28 – 2015 г., 18 – 2014 г., 12 – 2013 г., 14 – 2012 г.; лица в возрасте 18 – 29 лет: 361 – 2016 г., 353 – 2015 г., 473 – 2014 г., 609 – 2013 г., 377 – 2012 г.; 30 – 34 года: 117 – 2016 г., 139 – 2015 г., 210 – 2014 г., 283 – 2013 г., 390 – 2012 г.; 35 – 39 лет: 96 – 2016 г., 126 – 2015 г., 231 – 2014 г., 364 – 2013 г.; от 40 и старше: 158 – 2016 г., 183 – 2015 г., 227 – 2014 г., 269 – 2013 г. [5].

Статистический анализ данных об осужденных, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств в Тамбовской области, говорит о том, что большинство из них совершают преступление в возрасте 18 – 29 лет [5]. Следовательно, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ распространен в молодежной среде, поэтому так важны профилактические мероприятия, направленные на предупреждение рассматриваемых нами преступлений в сфере образования и деятельности молодежи в свободное время.

Относительно пола лица, совершающего рассматриваемые нами преступления в Тамбовской области, – то большинство из них мужчины, женщины составляют незначительную часть, например, осужденных женщин: 78 – 2016 г., 72 – 2015 г., 84 – 2014 г., 132 – 2013 г., 69 – 2012 г. [5].

Важное значение имеет социальное положение преступника, совершающего наркопреступление. В Тамбовской области совершаются рассматриваемые преступления чаще всего гражданами РФ: 728 – 2016 г., 812 – 2015 г., 1118 – 2014 г., 1424 – 2013 г.; гражданами СНГ: 18 – 2016 г., 10 – 2015 г., 33 – 2014 г., 5 – 2013 г.; гражданами иных государств: 1 – 2016 г., 3 – 2015 г., 3 – 2014 г., 6 – 2013 г.; лицами без гражданства: 2 – 2016 г., 4 – 2015 г., 5 – 2014 г., 2 – 2013 г. [5].

В абсолютном большинстве случаев, а именно 95 %, незаконный оборот наркотических средств совершается группой лиц с четкой координацией действий по цепочке, начиная с организации и заканчивая потреблением: организатор – изготовитель (производитель) – сбытчик (оптовый сбытчик, перекупщик, розничный сбытчик) – потребитель-наркоман. При этом в этой цепочке, в зависимости от тех или иных особенностей организации данного преступного промысла, могут быть перевозчики, держатели наркопритонов и даже расхитители. Поэтому одной из характеристик личности преступника необходимо рассматривать его роль в совершении преступлений группой лиц, и соответственно это учитывается и в показателях судебной статистики Российской Федерации в целом, в Тамбовской области, в частности. Например, по данным Управления Судебного Департамента РФ в Тамбовской области, лица, осужденные за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ, составили: совершенные группой лиц по предварительному сговору:

32 – 2012 г., 105 – 2013 г., 112 – 2014 г., 88 – 2015 г., 93 – 2016 г.; совершенные организованной группой: 8 – 2012 г., 28 – 2013 г., 91 – 2014 г., 24 – 2015 г., 30 – 2016 г.; совершенные преступным сообществом: 0 – 2012 г., 0 – 2013 г., 26 – 2014 г., 11 – 2015 г., 3 – 2016 г. [5].

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что из всех групповых преступлений, совершаемых в рассматриваемой сфере, большинство совершаются группой лиц по предварительному сговору, затем организованной группой, на последнем месте – преступным сообществом, поскольку сложно выявить преступление, совершаемое им, так как уровень организации в настоящее время достаточно высок и зачастую цепочку раскрыть следователям не удастся в силу закрытости данной организации даже среди его участников.

Таким образом, изучение данных, характеризующих лиц, совершающих действия по незаконному обороту наркотических средств в Тамбовской области, позволяет составить портрет преступника. Мужчина, в возрасте 18 – 29 лет, гражданин РФ, который имеет средний уровень образования либо низкий; постоянно проживает в местности, где совершает преступление, имеющий положительную характеристику по месту жительства; чаще всего ранее судимый за наркопреступления либо за корыстные преступления, поскольку чаще всего он совершает преступления в состоянии наркотического опьянения или при наличии абстинентного синдрома (ломки).

Подводя итог, необходимо отметить, что изучение криминологической характеристики личности преступника, вовлеченного в наркотизм и незаконный оборот наркотических средств, безусловно, имеет важное значение в практической деятельности по предупреждению преступлений и правонарушений, реализации основными субъектами наркопрофилактики задач общей и специальной превенции.

Комплексный учет и изучение всех характеристик личности преступника, вовлеченного в незаконный оборот наркотических средств, продуктивен при анализе статистических показателей наркопреступности; при изучении причин и условий, способствовавших их совершению; при проведении профилактической работы среди молодежи; процессуальной деятельности судов при отправлении правосудия.

Показатели следственно-судебной практики Тамбовской области по выявлению криминогенных детерминант наркопреступлений во многом связаны с личностью обвиняемого (подсудимого, осужденного), социальной средой формирования личности-правонарушителя, в единстве его социально-демографической, психофизиологической, социально-психологической, духовно-нравственной и медико-наркологической характеристик.

Список литературы

1. **Желудков М. А.** Опыт обеспечения региональной профилактической деятельности на примере наркотизма // Современная наркоситуация в странах СНГ и проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Брянск, 2008. С. 126 – 130.
2. **Лунеев В. В.** Курс мировой и российской криминологии: в 2-х т. Особенная часть: учеб. для магистров. М.: Юрайт, 2015. Т. 2. 1003 с.

3. **Овчинский В. С.** Криминология и биотехнология // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 82 – 97.

4. **Сидоров П. И.** Наркологическая превентология. Руководство. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: МедПресс-Информ, 2006. 720 с.

5. **Управление Судебного Департамента в Тамбовской области** [Электронный ресурс]. URL: <http://usd.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=185> (дата обращения: 20.11.2017 г.)

References

1. **Zheludkov M.A.** [Experience in providing regional preventive activities using the example of narcotism], *Sovremennaya narkosituatsiya v stranakh SNG i problemy protivodeistviya nezakonnemu oborotu narkotikov: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v 2008 godu* [The current drug situation in the CIS countries and the problems of countering illicit drug trafficking: materials of the international scientific and practical conference in 2008], Bryansk, 2008, pp. 126-130. (In Russ.)

2. **Luneev V.V.** Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii. Osobennaya chast'. uchebnik dlya magistrantov [The course of world and Russian criminology. The special part: textbook for masters], Moscow: Yurait, 2015, 1003 p. (In Russ.)

3. **Ovchinskii V.S.** [Criminology and biotechnology], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Criminology and biotechnology], 2005, no. 1., pp. 82-97. (In Russ., abstract in Eng.)

4. **Sidorov P.I.** *Narkologicheskaya preventologiya. Rukovodstvo* [Narcological preventology. Management], Moscow: MedPress-Inform, 2006, 720 p. (In Russ.)

5. available at: <http://usd.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=185> (accessed 20 November 2017). (In Russ.)

A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE PERSONALITY OF THE PERPETRATOR INVOLVED IN DRUG TRAFFICKING (in the Tambov Region)

S. V. Medvedeva, *Candidate of Science (Law),
Associate Professor of Department of Criminal Law,
Tambov State Technical University;
Sv-medvedeva@mail.ru*

O.P. Klimov, *Police Major
Senior Detective of the Office for Drug Control
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Tambov region;
elters@crimeinfo.jesby.tstu.ru*

Using general approaches adopted in drug crime law, the authors attempt to discuss topical issues of counteraction to drug trafficking and drug-related crimes (using the example of the Tambov region). The main criminological characteristics of an individual involved in drug addiction and drug trafficking have been identified. The authors studied and analyzed statistical data on persons convicted for committing similar crimes in the Tambov region, and made suggestions on preventing the this type of crime.

Keywords: identity of offender; drug addiction; drug-related crime; drug trafficking.

© С. В. Медведева, 2017

© О. П. Климов, 2017

Статья поступила в редакцию 23.11.2017

В статье рассматриваются преступления, совершаемые иностранными гражданами, а также совершаемые в отношении них. Приводятся официальные статистические данные, указывается алгоритм расследования данных преступлений (на примере следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации). Проводится анализ преступности среди мигрантов, и предлагаются меры по профилактике данных преступлений на предварительном следствии, с учетом сложившейся практики расследования указанной категории уголовных дел, что имеет не только научное, но и большое практическое значение.

Ключевые слова: иностранные граждане; мигранты; уголовная ответственность; предварительное следствие; профилактика.

Виктор Анатольевич Передерий,
ведущий научный сотрудник, полковник юстиции,
НИИ криминалистики ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации»;
9151149167@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В современной России вопросы выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений, совершаемых с участием иностранных граждан, приобретают особое значение в связи с постоянно увеличивающимся количеством мигрантов, находящихся на территории нашей страны (в том числе нелегально).

Наряду с позитивным влиянием на развитие общественных процессов и экономику страны все увеличивающееся количество иностранных граждан негативно сказывается на состоянии преступности в Российской Федерации, в том числе в результате криминальной активности последних. Сложное экономическое положение в ряде иностранных государств, ужесточение конкуренции на рынке труда, массовые увольнения работников и отсутствие у подавляющего большинства из них средств к существованию привели к увеличению масштаба притока в Россию населения из бывших союзных республик, стран дальнего зарубежья [2].

В связи с этим необходимо рассматривать деятельность по выявлению, расследованию и профилактике преступлений, совершенных иностранными гражданами и в отношении них, как одно из приоритетных направлений работы органов предварительного следствия, ориентировать следователей на установление в ходе расследования уголовных дел обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Всестороннее изучение личности иностранных граждан и законности их пребывания на территории Российской Федерации проводится независимо от их процессуального статуса.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин отмечает, что миграция – это неотъемлемая часть жизни современного общества и органичная часть ее экономики. И те негативные тенденции в области миграционных отношений, с которыми мы сталкиваемся сегодня, характерны не только для России. Развитие миграции во всем мире происходит крайне противоречиво. Согласно исследованиям ООН каждый 35-й человек в мире в настоящее время является мигрантом. Легальные или нелегальные эмигранты составляют более 15 % населения в более чем 50 странах. Российское общество обеспокоено сказывающейся ситуацией в сфере миграционных отношений [3].

Если обратиться к официальным статистическим показателям по преступлениям, совершенным с участием указанной категории лиц за 2016 г. (представлены Главным информационно-аналитическим центром МВД России), то они следующие [8]:

- иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 43 933 преступлений (3,7 % от общего числа расследованных преступлений), что на 8,9 % меньше, чем за 2015 г.;

- гражданами государств-участников СНГ совершено 38 501 преступление (составляет 3,2 % от общего числа расследованных преступлений), что на 8,5 % меньше, чем за 2015 год;

- зарегистрировано 15 660 преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства (0,7 % от общего числа зарегистрированных преступлений), что на 9,4 % меньше, чем за 2015 г.

Необходимо отметить, что количество преступлений, совершенных с участием лиц без гражданства, крайне мало и дает возможность рассматривать вышеуказанные показатели как сведения о состоянии преступности именно среди иностранных граждан.

Таким образом, из представленных сведений можно сделать вывод: иностранными гражданами на территории России совершается почти в 3 раза больше преступлений, чем совершено в отношении них.

В связи с этим считаем, что необходимо скептически относиться к утверждениям о том, что иностранные граждане притесняются в России, – они законопослушны, а в отношении них совершается много преступлений.

Следует также отметить, что преступность мигрантов имеет высокую латентность. Так, по мнению ряда научных деятелей, число неучтенных преступлений, совершенных мигрантами, превышает число учтенных в 2,5 – 3 раза. В соответствующую статистическую графу преступление попадает, когда оно раскрыто, т.е. установлено совершившее его лицо (которое является иностранным гражданином) [1, 4, 6].

В целях повышения эффективности борьбы с преступными проявлениями среди мигрантов предлагаем алгоритм действий органов предварительного следствия с учетом особенностей расследования указанной категории преступлений (на примере следственных подразделений СК России).

Считаем, что в ходе следствия по уголовным делам с участием иностранных граждан, необходимо:

– устанавливать обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, всесторонне изучать личность иностранных граждан и законность их пребывания на территории Российской Федерации независимо от их процессуального статуса;

– обо всех случаях нарушения миграционного законодательства незамедлительно уведомлять компетентные органы внутренних дел и, в случае необходимости, органы ФСБ РФ. По каждому уголовному делу о преступлениях, совершенных нелегальными мигрантами, устанавливать каналы незаконного въезда на территорию Российской Федерации, места их нелегального проживания и работы;

– в случае выявления в ходе предварительного следствия фактов, указывающих на признаки организации незаконной миграции, составлять рапорт об обнаружении признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ, и направлять материалы для принятия решений по подследственности (территориальности);

– в случае задержания лица, являющегося гражданином или подданным другого государства, строго соблюдать требования ч. 3 ст. 96 УПК РФ и п. «б» ст. 36 Венской конвенции «О консульских сношениях» от 24.04.1963, в соответствии с которыми безотлагательно уведомлять об этом консульское учреждение представляемого им государства;

– в случае причинения смерти (гибели) иностранных граждан направлять информацию об этом в посольство (консульство), в подразделения миграционной службы органов внутренних дел;

– осуществлять проведение следственных действий по данным уголовным делам с учетом национальных и религиозных особенностей участников предварительного следствия. В случае, если лицо не владеет русским языком, обеспечивать в обязательном порядке участие переводчиков, обращая особое внимание на диалекты и наречия, на которых разговаривает участник уголовного судопроизводства, выяснять уровень знаний переводчика, приобщать к материалам уголовного дела документы, подтверждающие его квалификацию и образование;

– строго соблюдать требования п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, в соответствии с которым участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу;

– при избрании в отношении подозреваемых (обвиняемых) иностранных граждан меры пресечения строго руководствоваться требованиями ст.ст. 97 – 101 УПК РФ. В необходимых случаях избирать меру пресечения в виде заключения под стражу, в том числе с учетом исключений, установленных ч. 1 ст. 108 УПК РФ;

– принимать меры к незамедлительному установлению полных и достоверных анкетных данных иностранных граждан (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших). Приобщать к материалам уголовного дела заверенные надлежащим образом копии документов, удостоверяющих их личность, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, а также, в случае необходимости, иных документов (справок, характеристик, патентов на работу, лицензий);

– допросы потерпевших (свидетелей), которые являются гражданами иностранного государства, осуществлять незамедлительно и с применением видеозаписи. В кратчайшие сроки проводить очные ставки между ними и подозреваемыми (обвиняемыми). Выяснять у потерпевших (иностранных граждан), смогут ли они явиться для ознакомления с материалами уголовного дела (требования ст. 216 УПК РФ), а также в суд, а у свидетелей – в суд. В обязательном порядке истребовать от них соответствующие заявления, которые приобщать к материалам уголовного дела;

– с учетом проведенных следственных и иных процессуальных действий выяснять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, в целях их устранения направлять представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ;

– наряду с основными обстоятельствами, подлежащими доказыванию, выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, должностных лиц, допустивших нарушения миграционного законодательства, решать вопросы о привлечении их к установленной законом ответственности;

– в случае возникновения необходимости в проведении следственных действий на территории иностранного государства составлять запросы о правовой помощи по уголовным делам незамедлительно и в строгом соответствии с требованиями приказа Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 30.10.2015 № 97 «Об организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам».

Важное значение имеет профилактика преступности, в связи с чем, в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных с участием иностранных граждан, наряду с основными обстоятельствами, подлежащими доказыванию, необходимо выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, должностных лиц, допустивших нарушения миграционного законодательства. Важно ставить вопрос о привлечении их к ответственности (например, дисциплинарной или материальной).

Так, основными обстоятельствами, способствующими совершению мигрантами преступлений, по-прежнему является низкий уровень их жизни и социальная незащищенность на территории Российской Федерации, а также их правовой нигилизм (например, иностранные граждане часто до конца не осознают, что, давая взятку должностному лицу, совершают преступление).

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 158 УПК РФ, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

Большое значение приобретает личное участие следователя в рассмотрении внесенного им представления. Это повышает качество и эффективность принимаемых мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, дает возможность своевременно принять меры дисциплинарного характера в отношении лиц, допустивших нарушение должностных обязанностей.

По результатам рассмотрения представлений следователей, в качестве профилактики коррупционных преступлений со стороны иностранных граждан, в аэропортах и железнодорожных вокзалах (местах их скопления) размещались информационные стенды с разъяснениями о недопустимости совершения противоправных действий, рекомендациями по поведению в случаях, которые могут привести к коррупционным проявлениям, а также проводилась разъяснительная работа с сотрудниками компетентных органов по недопущению создания ситуаций, сопряженных с возможностью совершения преступлений коррупционной направленности иностранными гражданами.

Представления необходимо также направлять и по уголовным делам, где установлены обстоятельства, которые способствовали совершению преступлений в отношении иностранных граждан.

Например, заместителем руководителя Восточного следственного отдела Московского межрегионального следственного управления на транспорте СК РФ по уголовному делу, возбужденному по факту совершения на железнодорожной платформе в отношении гражданина Украины М. преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, направлено представление на имя генерального директора ОАО «Центральная пригородная пассажирская компания», в котором указаны нарушения, допущенные контролером на турникетных комплексах. По результатам рассмотрения данного представления, за допущенные грубые нарушения служебных обязанностей уволена контролер П. [5].

В качестве профилактических мероприятий по предупреждению преступности среди иностранных граждан предлагается создать единую систему миграционного контроля от прибытия и размещения иностранцев до их выезда за пределы России, принять меры, направленные на обеспечение контроля за перемещениями мигрантов и их трудоустройством [7].

В заключении отметим, что противодействие преступлениям, совершенным с участием мигрантов, должно быть комплексным и включать в себя не только меры уголовно-правового характера, но и административные, экономические, социальные, информационные и др., в том числе направленные на адаптацию иностранных граждан в современном российском обществе.

Список литературы

1. Алимов Э. В., Григорьев А. В. Социально-правовое положение трудовых мигрантов в странах Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 157 – 162.

2. Бастрыкин А. И. Противодействие преступности мигрантов – один из основных факторов укрепления безопасности России [Электронный ресурс] // Журнал «Право и безопасность». 2009. № 2 (31). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_27_7.htm (дата обращения: 20.11.2017).

3. Выступление Председателя Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкина А. И. на межведомственном совещании по вопросам противодействия преступности мигрантов и совершенствования форм и методов миграционной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/news/item/509794> (дата обращения: 17.11.2017).

4. Кобец П. Н. Миграционное законодательство России: практика применения и проблемы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. М.: Юрист, 2007. № 10. С. 11 – 14.

5. Контрольное производство по уголовному делу, возбужденному по факту смерти М. по преступлению, предусмотренному ч. 4 ст. 111 УК РФ // Архив Московского МСУТ СК России [Электронный ресурс]. URL: <https://ugolovnoedelo.com/ugolovnoe-delo-po-obviniyu-s-po-ch-4-st-111-uk-rf-umy-shlennoe-prichinenie-tyazhkogo-vreda-zdorovyu-poterpevshego-povlekshemu-po-neos-torozhnosti-smert-poterpevshego-v-sude-perekvalifitsirovani-na/> (дата обращения 7.11.17)

6. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.

7. Павлик М. Ю., Виноградов А. Д. Преступность мигрантов в Российской Федерации и меры ее предупреждения [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/prestupnost-migrantov-v-rossiyskoy-federatsii-i-mery-ee-preduprezhdeniya> (дата обращения: 21.11.2017).

8. Состояние преступности в России за январь – декабря 2016 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 20.11.2017).

References

1. **Alimov E.V., Grigoriev A.V.** [Socio-legal status of labor migrants in the countries of the Eurasian Economic Union], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2015, no. 10, 157-162 p. (In Russ., abstract in Eng.)

2. **Bastrykin A.I.** [Counteracting the crime of migrants is one of the main factors in strengthening Russia's security], *Zhurnal «Pravo i bezopasnost'»* [Journal of Law and Security], no. 2 (31), 2009, available at: http://dpr.ru/pravo/pravo_27_7.htm (accessed: 20 November 2017). (In Russ., abstract in Eng.)

3. <http://sledcom.ru/news/item/509794> (accessed: 17 November 2017). (In Russ.)

4. **Kobets P.N.** [Migration legislation of Russia: practice of application and problems of improvement], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], Moscow: Yurist, 2007, no. 10, pp. 11-14. (In Russ., abstract in Eng.)

5. <https://ugolovnoedelo.com/ugolovnoe-delo-po-obviniyu-s-po-ch-4-st-111-uk-rf-umyshlennoe-prichinenie-tyazhkogo-vreda-zdorovyu-poterpevshego-povlekshemu-po-neostorozhnosti-smert-poterpevshego-v-sude-perekvalifitsirovani-na/> (accessed 7 November 2017). (In Russ.)

6. **Dolgova A.I.** [Ed.] *Kriminologiya* [Criminology], Moscow: Norma, 2005, 912 p. (In Russ.)

7. <https://cyberleninka.ru/article/v/prestupnost-migrantov-v-rossiyskoy-federatsii-i-mery-ee-preduprezhdeniya> (accessed: 21 November 2017) (In Russ.)

8. https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (accessed: 20 November 2017) (In Russ.)

CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL LAW ASPECTS OF CRIME COMMITTED WITH THE INVOLVEMENT OF FOREIGN CITIZENS

V. A. Peredery, *Leading Researcher,
Colonel of Justice at Institute of Criminology,
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;
9151149167@mail.ru*

The article deals with crimes committed by foreign nationals, as well as committed against them. The author provides official statistics, specifies an algorithm for investigating these types of crime, using the example of investigative units of the Investigative Committee of the Russian Federation. The paper analyzes crime among migrants, and proposes measures to prevent crimes in the preliminary investigation, taking into account the established practice of investigating this category of criminal cases, which is not only of scientific but also of great practical importance.

Keywords: foreign citizens; migrants; criminal responsibility; preliminary investigation; prevention.

© В. А. Передерий, 2017

Статья поступила в редакцию 21.11.2017

В статье изложены различные взгляды на термины и дефиниции, которые являются базисным понятиями в семейных отношениях, а именно: «семья», «материнство», «ребенок» и т.д. Предлагается тезис о том, что материнство, детство и семью следует рассматривать как взаимосвязанную и взаимозависимую систему социальных институтов, социальных факторов, социальных связей. Исследуется деятельность государства в сфере охраны материнства и детства в процессе создания государственного механизма в виде определенных условий, гарантий их существования. Делается вывод о том, что с целью усиления межведомственного взаимодействия необходимо разработать Концепцию государственной политики по охране здоровья детей и матерей в Российской Федерации на долгосрочный период и установить механизм контроля за реализацией деятельности всех задействованных в данной сфере структур.

Ключевые слова: семья, семейные отношения; материнство; детство; механизм реализации и защиты семьи; целевые программы; Концепция государственной политики в сфере материнства и детства.

Александра Михайловна Дроздова, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра «Правовая культура и защита прав человека»,
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь;
kulturaprava@mail.ru

ИНСТИТУТ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На современном этапе развития в результате изменений во взглядах людей на брак, семейные отношения, роль мужчин и женщин в семье, повсеместно на смену семьям, в которых жили несколько поколений родных людей, появились малодетные или бездетные семьи в одном или двух поколениях. Россия не является исключением в плане сокращения числа зарегистрированных браков, роста внебрачных рождений, разводов, доли неполных семей, в которых воспитывается большое число детей.

Во все времена семья испытывала потребность и не теряла надежду получать поддержку от общества в воспитании своих детей. Понятно, что когда люди жили большими семьями, то естественно и буднично передавались от поколения к поколению и определенные знания, навыки семейной жизни. В современном индустриально-информационном обществе, когда семейные связи между поколениями нарушены, необходимые знания о семье и воспитании детей не передаются поколениями и проблема

приобретает особый статус, а именно становится одной из важных забот общества. Сегодня рожают, лечат и воспитывают детей по Интернету, так как именно он становится в молодой семье главным консультантом и советчиком. Молодые, не живя рядом с родителями, не получают информацию от старших членов семьи, да и не обращаются за советом и помощью к своим родителям и родственникам, надеясь все освоить самостоятельно.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что важнейший элемент семьи – институт материнства и детства испытывает определенные кризисные трудности, как и вся современная российская семья, что в свою очередь оказывает влияние на процесс воспитания, обучения и социализации молодого поколения.

Позволим себе изначально определиться с терминами и дефинициями. Так понятие «*семья*» является базисным и основным в семейных отношениях. Однако юридического определения практически не существует. Таким образом, термин «*семья*» является многоаспектным и применяется в юриспруденции, социологии, философии, быту, политологии и т.д.

Являясь свободной первичной структурой общества, семья включает в себя материнство и детство и, обеспечивая состояние общества в целом, перспективу его развития, связь поколений родных людей. Семья обеспечивает систематическую связь и смену поколений, формирование личности, способной к полноценной жизни, знающей и умеющей реализовать свои права и свободы, а в необходимых случаях защитить свои нарушенные права.

Если обратиться к термину «*материнство*», то это определенная способность женщины к зачатию, рождению, выкармливанию, воспитанию ребенка или детей, обязательно реализованная практически. Понятие материнства включает не только биологический аспект репродуктивных способностей; это и отношение женщины к эмбриону в период беременности, взаимоотношения между матерью и ребенком в момент рождения и после родов, особые отношения с ребенком первого года жизни и родственная связь матери и детей в старшем возрасте. Сюда следует отнести и осознание матерью своей ответственности за здоровье и нормальное физическое развитие детей, и отношения по реализации прав и обязанностей в отношении детей, этические, нравственные и эстетические отношения с ними. Но дети могут быть приемными, принятыми в семью временно, кровные и некровные. Более того, мать считает ребенка своим даже тогда, когда ребенку уже много лет и он сам давно родитель, тогда речь идет о пожизненных отношениях матери и детей.

Что касается термина «*ребенок*», то на основании ст. 1 Конвенции о правах ребенка [1], «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия раньше» безо всяких дополнительных условий: рожденный в браке или нет, каков возраст родителей, где они живут, чем занимаются и т.д. Российское законодательство аналогично решает эту проблему, связывая взрослость с возрастом гражданского совершеннолетия, т.е. с 18 годами, когда по закону лицо становится полностью дееспособным, а значит взрослым. Термин «*дети*» применяется для общего названия определенного числа личностей, или для

определения конкретной группы, например, взрослые дети, совершеннолетние дети, трудновоспитуемые дети и т.д.

Напрашивается вывод о том, что материнство, детство и семья следует рассматривать как взаимосвязанную и взаимозависимую систему ряда социальных институтов, социальных факторов, социальных связей.

Неоспоримым является и то, что в ряде зарубежных стран Европы уже в XIX веке имело место быть страхование материнства, и уже разрабатывались общенациональные программы защиты матери и ребенка с тем, чтобы создать гарантии и обеспечить условия для рождения, выживания, защиты новорожденных детей совместно с матерью. Устанавливались запреты работать на производстве для женщин на некоторый период до и после родов, чего не было законодательно установлено в России длительное время. В России сравнительно недавно при жизни двух поколений появились основные институты на правовом уровне по защите материнства и детства, на что имелись объективные и субъективные причины в государстве.

А коли это так, то сегодня об охране материнства и детства как о *системе определенных условий, гарантий, механизмов, создаваемых государством*, говорят уже все, обсуждая при этом механизмы обеспечения необходимых условий для подготовки, рождения, выживания, охраны и защиты детей в целях их дальнейшего полноценного развития, а также функционирования нормальной семьи для выполнения ее роли в развитии общества в целом.

Если рассматривать деятельность государства в данном аспекте, то обычно следует выделять несколько ее направлений, а именно: принятие соответствующего законодательства по установлению гарантий и механизмов реализации этих гарантий; разработка соответствующих национальных программ на уровне федеральном и на уровне субъектов РФ; создание и контроль за деятельностью созданных на основе законодательства механизмов и ряда институтов по реализации предусмотренных законодательством гарантий; мониторинг практической деятельности механизмов гарантий и защиты в целях дальнейшего совершенствования как юридических норм, правовых институтов, так и своевременного создания дополнительных условий с учетом экономических, политических, культурных, социальных и иных изменений и на уровне государства, и на уровне мирового человеческого сообщества.

В связи с вышеизложенным, следует обратить внимание на то, что в последние 15 – 20 лет в Российской Федерации одним из важнейших направлений государственной политики в социальной сфере определяется охрана материнства и детства, хотя нападки на семью как социальную общность также в последнее время не прекращаются. Порой ставится под сомнение сам институт семьи, когда в нашу страну проникают идеи европейских ценностей.

Уместно будет напомнить установку Президента РФ В. В. Путина, которую он делает в Послании-2016, говоря о государственной политике в целом: «Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи,

на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры» [3].

Вместе с тем, анализируя практическую деятельность региональных и федеральных механизмов защиты прав матери и ребенка, можно усмотреть ряд существенных позитивных последовательных действий, мероприятий и результатов, которые радуют и обнадеживают российское здоровое социально общество. Следует отметить, что в последние десять лет, начиная с 2006 г., деятельность всей системы здравоохранения в сфере материнства и детства делала многое для обеспечения доступной медицинской помощи вообще женщинам и детям, для обеспечения понижения материнской, детской и младенческой смертности, а также повышение качества предоставляемых матери и ребенку медицинских услуг.

Основываясь на статистических данных, Президент РФ в Послании-2016 г. озвучил данные о том, что в 2013 г. «коэффициент рождаемости» в России составил 1,7, а в 2015 г. по предварительным подсчетам – 1,78, тогда как в ряде европейских стран он несколько ниже (Португалия – 1,2; Испания, Греция – 1,3; Австрия, Германия, Италия – 1,4; Чешская Республика – 1,5) [3]. Данная тенденция не может не радовать россиян.

Есть и другие социальные коэффициенты и показатели улучшения положения в сфере семьи, материнства и детства в России. Среди них: сохраняется устойчивое снижение уровня младенческой смертности; наблюдается стойкая тенденция снижения уровня материнской смертности; усматривается улучшение методов диагностики за счет внедрения более современных систем, что позволяет раньше выявить и устранить нарушения здоровья матери и ребенка.

Вместе с тем остается ряд сфер, в которых объективно сохраняется ряд трудно решаемых проблемных моментов, таких как, заболеваемость детей подростков инфекционными заболеваниями, особенно в детских коллективах; в основном это ОРВИ у детей, корь, менингококковая инфекция. Гриппом ежегодно болеют до 18 млн детей. Не перестает быть серьезной проблема наркомании и токсикомании в детской среде.

Серьезные проблемы существуют в сфере детской смертности, особенно в плане внешних факторов влияния (травмы, отравления, самоубийства). Среди названных внешних причин первенство обеспечивают себе транспортные случаи и самоубийства. Ежегодно от дорожных травм погибает более 3100 детей. Такое положение может быть изменено элементарным повышением качества организации и оказания медицинской помощи детям – прибытие скорой помощи и оказание качественных услуг на месте происшествия; усилением профилактических мероприятий родителями в семье, школой, правоохранительными и правозащитными структурами и др. Немаловажным является и конкретное поведение окружающих – взрослых и их отношение к правилам на дорогах. К сожалению, порой именно взрослые, зачастую родные и близкие демонстрируют пренебрежительное отношение к себе и окружающим на улице, дороге, в общественном транспорте и т.д., подавая своим же детям *конкретный пример*. Примеров можно привести достаточно много, в последнее время участились вопиющие случаи по отношению к машинам и бригадам скорой медицинской помощи, что само по себе не укладывается в нормальные отношения между гражданами, людьми в современном демократическом

сообществе; безобразное поведение ряда субъектов в самолетах, автобусах и поездах. Как это все объяснить простому ребенку, подростку, взрослому человеку?

Не уменьшается потребность в России для детей в санаторно-курортном лечении, а также в организации и расширении дорогостоящей медицинской помощи, имеется в виду в учреждениях кардиохирургии, травматологии и ортопедии, нейрохирургии и пр. Для решения названных проблем необходимы не только материальные средства, выделяемые государством, но и добровольные пожертвования, конкретные социальные программы и личное участие ряда представителей крупного бизнеса.

Если обратиться к доступной информации и статистике, то в настоящее время достаточно внимания правительство страны уделяет расширению объема оздоровительных и профилактических мероприятий в образовательных учреждениях, а именно формируется комплекс на базе школы, где для создания благоприятных условий среды обитания используются современные оздоровительные технологии, содействующие укреплению здоровья обучающихся, которые включаются в сам образовательный процесс.

Позволим себе привести пример экологического воспитания детей в школах Японии, где высокая культура экологического национального хозяйства страны была достигнута не без участия образовательных программ в сфере окружающей среды, которыми охвачены школы, детские и подростковые объединения, высшие и средние учебные заведения профессиональной подготовки. Много можно рассказать и о работе системы образования в Швейцарии по вопросам профилактики и охраны здоровой среды обитания для настоящих и будущих поколений. Как бы хотелось слышать об аналогичных программах и мероприятиях в Российской Федерации, чтобы мы все принимали участие в создании здоровой, экологически чистой окружающей нас среды обитания.

Ради справедливости следует отметить, что в России предпринимаются определенные действия в плане снижения уровня заболеваемости школьников. Например, совершенствуется деятельность детских амбулаторно-поликлинических учреждений по оптимизации медико-социальной помощи и медицинскому обеспечению детей в образовательных учреждениях. Самими образовательными организациями шире становится использование возможностей самих образовательных учреждений для проведения работы по сохранению и укреплению здоровья детей. Осуществляя данную систему мероприятий, не следует забывать, что особое внимание надо уделять медицинским и социально-психологическим аспектам здоровья детей, проживающих в многодетных и неполных семьях, имеющих физические и психические ограничения, а также детей из семей, прибывших из районов экологических катастроф и т.д. Определенные трудности и положительные моменты одновременно есть в домах ребенка, где проживают и воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Зримой проблемой, которая остается значимой уже много времени, является недостаточная материально-техническая база домов ребенка, их расположение в системе городского или сельского поселения, оснащение детских учреждений необходимым медицинским и реабилитационным оборудованием, что сможет оказать содействие улучшению жизнеобеспечения воспитанников, оставшихся без попечения родителей.

Многое предстоит сделать по проблемам снижения детской беспризорности и безнадзорности, хотя имеет место быть система различных органов и организаций, которые за государственные деньги обязаны в силу своих полномочий ежедневно заниматься решением данной проблемы. Не налажена должным образом связь как между упомянутыми структурами, так и их связь с общественностью, учебными заведениями и родителями. Хотелось бы, чтобы Уполномоченный по правам ребенка субъекта РФ совместно с Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав смогли скоординировать всех заинтересованных субъектов в своем регионе на процессы профилактики и реализации здорового образа жизни и окружающей среды.

Объективно и логично то, что разработка нормативных документов по организации службы охраны здоровья матери и ребенка, по-прежнему остается одним из основных механизмов в плане повышения эффективности и качества медицинской помощи женщинам и детям.

Нельзя не отметить в связи с этим Постановление Правительства РФ от 21.03.2007 № 172 (ред. от 12.02.2011) «О федеральной целевой программе “Дети России” на 2007 – 2010 годы» [2].

Так 2 февраля 2007 г. Российская газета (№ 4285) опубликовала Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 января 2007 г. № 79-р г. Москва, которым оно утвердило Концепцию федеральной целевой программы “Дети России” на 2007 – 2010 годы (далее – Программа), включающую подпрограммы «Здоровое поколение», «Одаренные дети» и «Дети и семья»; определило государственного заказчика-координатора Программы Минздравсоцразвития России, государственными заказчиками Программы – Росздрав, Рособразование, Роскультуру, Росспорт, МВД России и ФСИН России; установило, что предельный (прогнозный) объем финансирования Программы за счет средств федерального бюджета составляет 10101,7 млн рублей (в ценах соответствующих лет). Минздравсоцразвития России было поручено обеспечить разработку проекта Программы и в установленном порядке представить его в Правительство Российской Федерации.

Федеральная целевая программа «Дети России» на 2007 – 2010 годы явилась продолжением федеральной целевой программы «Дети России» на 2003 – 2006 годы, в результате выполнения которой уже было достигнуто снижение смертности младенческой на 21,8 % и материнской – на 27 %.

Реализация федеральной целевой программы «Дети России» на 2003-2006 годы обеспечила мобилизацию финансовых ресурсов на цели улучшения положения детей (на 1 рубль средств федерального бюджета вложено 2,3 – 3 рубля средств бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников) [2].

Уже в рамках принятой ФЦП «Дети России» на 2007 – 2010 годы в объеме подпрограммы «Здоровый ребенок» были запланированы мероприятия по снижению показателей материнской, младенческой и детской смертности, заболеваемости, инвалидности среди детей до 18 лет, повышению уровня здоровья детей. На реализацию этой подпрограммы в 2008 г. из федерального бюджета было выделено 380,83 млн рублей.

За счет средств программы проводилось оснащение лечебно-профилактических педиатрических и акушерских учреждений современным оборудованием, были закуплены медикаменты и оборудование для 80 регионов России; проведены серьезные научные исследования по разработке новых методов профилактики, диагностики и лечения в педиатрии и акушерстве. К сожалению, практически невозможно получить достоверные и объективные данные о результатах реализации программы из общедоступных источников.

Следует обратить внимание на Постановление Правительства Российской Федерации № 255 от 6 мая 2007 г., которым было рекомендовано субъектам Российской Федерации осуществлять *бесплатную* медицинскую помощь беременным, роженицам, родильницам и новорожденным детям в приоритетном порядке, за счет своего и местных бюджетов, а также средств территориальных фондов обязательного медицинского страхования. Однако нельзя не заострить внимание на ключевом слове Постановления, а именно на слове «*рекомендовано*».

Минздрав России при этом радостно рапортует, что в ходе реализации Федеральной целевой программы «Вакцинопрофилактика» удалось добиться *существенного* снижения уровня инфекционной заболеваемости у детей и что *существенно* возрос охват детей профилактическими прививками против дифтерии, коклюша, столбняка, полиомиелита, кори, эпидемического паротита и др. Создается впечатление, что эти медицинские работники родились только вчера и ничего не знают о развитии медицины и профилактики в Советском Союзе, где прививками были охвачены дети всех возрастов до 95 – 100 %, включая перечисленные инфекционные заболевания.

Среди достижений в плане реализации ФЦП следует отметить, что продолжалась работа по реализации мероприятий в рамках программы «Охрана материнства и детства». В 2007 г. на эти цели Федеральным фондом ОМС было выделено 600 млн рублей для лечебно-профилактических учреждений детства и родовспоможения. Однако, следует заметить, что выделить средства – это еще не означает, что они дойдут до адресата и будут полностью реализованы по назначению, что объективно является трудно решаемой проблемой, а также проблематичным является неравномерное и недостаточное финансирование медицинской помощи детям и матерям, в связи с чем органам исполнительной власти настоятельно было рекомендовано выделять для целей охраны материнства и детства не менее 30 % консолидированного бюджета здравоохранения.

В сфере эффективного формирования многоуровневой сети амбулаторной помощи на уровне городских и районных поликлиник по-прежнему выявляется достаточное число проблемных и нерешаемых моментов и ответственность за оказание первичной медико-санитарной помощи постепенно начинает перекладываться на врача общей практики, что возможно и правильно, если этот врач имеет соответствующую квалификацию.

Хотелось бы выявить, что особое место при проведении любой реформы системы здравоохранения должно отводиться учреждениям охра-

ны здоровья матери и ребенка как наиболее незащищенной и социально уязвимой части населения. При этом должны быть обеспечены реальные гарантии доступности медицинской помощи всем слоям населения, а также и возможности качественного обеспечения профессиональных медицинских услуг.

Анализируя и исследуя систему федеральных нормативных актов, касающихся обеспечения прав матери и ребенка в России, следует обратить внимание на то, что с целью усиления межведомственного взаимодействия необходимо разработать *Концепцию государственной политики по охране здоровья детей и матерей в Российской Федерации на долгосрочный период* и установить *механизм контроля* за реализацией деятельности всех структур, занятых в данной сфере, с возможностью реального воздействия на случаи нарушения, не без учета финансовой составляющей, что в свою очередь позволит совершенствовать государственную политику в сфере охраны материнства и детства, охраны здоровья детей и профилактики тяжелых заболеваний.

Правительству России необходимо обеспечивать и контролировать требуемый уровень финансирования системы мер по охране здоровья матери и ребенка в объеме не менее 30 % консолидированного бюджета здравоохранения; необходимо проводить постоянный мониторинг здоровья детей всех возрастных групп в целях принятия неукоснительных мер к охране и защите здоровья детей в стране; постоянно добиваться и порой требовать увеличения объема профилактических мер на основе внедрения современных технологий и переноса части объемов помощи из стационарного сектора в амбулаторный; повсеместно обеспечивать помощь детям из многодетных, неполных семей, детям, имеющим физические и психические ограничения, беспризорным и безнадзорным, а также детям-мигрантам, находящимся на территории Российской Федерации.

В заключении необходимо напомнить о принятой Стратегии Совета Европы по защите прав ребенка, которую нашему государству придется реализовывать до 2021 г., и от которой будет зависеть многое не только в наших семьях, но в государстве в целом. Примет ли общество названный документ, оценит ли его основные понятия и европейские ценности и что из этого документа воплотится в жизнь нашей страны.

Список литературы

1. **Конвенция** о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 22.01.2016).

2. **О федеральной** целевой программе «Дети России» на 2007 – 2010 годы: одобрена Постановлением Правительства Российской Федерации № 172 от 21 марта 2007 г // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2007. № 14. Ст. 1688.

3. **Послание** Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин обратился к Федеральному Собранию с ежегодным Посланием. Оглашение Послания по традиции состоялось в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. 1 декабря 2016 года. 13:10. Москва, Кремль. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 01.12.2016).

References

1. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (accessed: 22 January 2016). (In Russ.)
2. [On the Federal Target Program «Children of Russia» for 2007-2010: approved by the Decree of the Government of the Russian Federation no. 172 dated March 21, 2007], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2007, no. 14, article 1688. (In Russ.)
3. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (accessed: 01 December 2016). (In Russ.)

INSTITUTE OF MATERNITY AND CHILDHOOD: CURRENT ASPECTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

M. A. Drozdova, *Doctor of Law,*
Professor of Department of Legal Culture and Human Rights,
Law Institute of North-Caucasian Federal University, Stavropol;
kulturaprava@mail.ru

The article presents different views on terms and definitions, which are the basic concepts in family relations, namely: "family", "motherhood", "child", etc. The idea that motherhood, childhood and families is seen as an interrelated and interdependent system of social institutions, social factors, social relations. The activities of the state in the sphere of protection of motherhood and childhood to create certain conditions that guarantee their existence are examined. It is concluded that to strengthen the interdepartmental interaction it is necessary to develop a long-term state policy on the protection of children and mothers' health in the Russian Federation, and to establish a mechanism for monitoring the implementation of the activities of everyone involved in this field.

Keywords: family; family relationships; motherhood; childhood; mechanism of realization and protection of the family; targeted programmes; concept of state policy in the sphere of motherhood and childhood.

© А. М. Дроздова, 2017

Статья поступила в редакцию 25.07.2017

В статье исследуются проблемы обеспечения прав и имущественных интересов собственников нежилых помещений во взаимоотношениях с управляющей организацией. Проводится анализ норм гражданского и жилищного законодательства, нормативных правовых актов Правительства РФ, а также судебной практики. Определяются пробелы в правовом регулировании, предлагается их преодоление посредством утверждения Правительством РФ типового договора содержания имущества многоквартирного дома, сторонами которого являются собственник нежилого помещения и управляющая организация.

Ключевые слова: нежилое помещение; право собственности; управление; договор; бремя содержания имущества.

Ирина Анатольевна Калинина, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
ia-kalinina@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОБСТВЕННИКОМ НЕЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА И УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Собственнику нежилого помещения в многоквартирном доме (далее – МКД) принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в МКД (ч. 1. ст. 36 Жилищного кодекса РФ [5]). Собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества (ст. 210 Гражданского кодекса РФ [3]), а также бремя расходов на содержание общего имущества в МКД (ч. 1. ст. 39 Жилищного кодекса РФ).

Надлежащее содержание общего имущества в МКД, решение вопросов пользования указанным имуществом может обеспечиваться посредством привлечения собственниками помещений МКД управляющей организации (ст.ст. 161, 162 Жилищного кодекса РФ). Выделяют следующие преимущества данного способа управления МКД: деятельность по управлению МКД осуществляется на основании лицензии (ч. 1.3 ст. 161 Жилищного кодекса РФ); имеется возможность выбора управляющей организации; бремя управления МКД, содержания общего имущества полностью перекладывается с «плеч» собственников на управляющую организацию; управляющая организация отвечает за весь комплекс услуг и работ по управлению, обслуживанию и ремонту МКД, определенных договором управления, которые выполняются на профессиональном уровне; управляющая организация несет ответственность перед собственниками помещений в МКД за оказание всех услуг и выполнение работ, которые обеспечивают надлежащее содержание общего имущества в данном доме (ч. 2.3 ст. 161 Жилищного кодекса РФ); управляющая организация должна обеспечить свободный доступ к информации об основных показателях ее финансово-хозяйственной деятельности, оказываемых услугах и выпол-

няемых работах по содержанию и ремонту общего имущества в МКД, о порядке и условиях их оказания и выполнения, стоимости, ценах (тарифах) на ресурсы (ч. 10, 10.1 ст. 161 Жилищного кодекса РФ) и др.

Несмотря на несомненные преимущества данного способа управления, имеется и много неоднозначных ситуаций, в разрешении которых право, к сожалению, не всегда способно помочь. Цель данного исследования – определение и рассмотрение проблем правового и договорного регулирования отношений, складывающихся между собственниками нежилых помещений МКД и управляющей организацией.

Наиболее защищенными субъектами во взаимоотношениях с управляющей организацией выступают собственники жилых помещений. Комплекс прав и гарантий собственников жилых помещений устанавливается нормами жилищного и гражданского законодательства, актами Правительства РФ, а также договором управления МКД. Однако на практике много вопросов возникает в отношении возможностей обеспечения и защиты прав собственников нежилых помещений, особенно это касается тех собственников, которые не являются членами ТСЖ. Имеется немало особенностей их правового положения в отношении с управляющей организацией, что связано с наличием индивидуального договора между собственником нежилого помещения и управляющей организацией на выполнение работ и оказание услуг по надлежащему содержанию общего имущества (ч. 2 ст. 154, ч. 6 ст. 155 Жилищного кодекса РФ) (далее – индивидуальный договор). Не вдаваясь в рассуждения относительно правовой природы договора управления МКД, отметим факт того, что доминирующим пониманием договора управления МКД является определение его как гражданско-правового договора [1, 2, 4, 6]. Это дает нам основание индивидуальный договор рассматривать в качестве гражданско-правового со всеми вытекающими из этого правовыми следствиями, в том числе в отношении правила о надлежащем исполнении сторонами обязательств по договору.

Рассмотрим проблемы обеспечения и защиты прав собственников нежилых помещений во взаимоотношении с управляющей организацией.

Предмет и цена индивидуального договора

Предметом индивидуального договора является выполнение работ и оказание услуг управляющей организацией собственнику по надлежащему содержанию общего имущества. Перечень работ (услуг) по содержанию и ремонту общего имущества МКД определяется в приложении к индивидуальному договору. Данный перечень вытекает из содержания приложения к договору, заключаемому управляющей организацией с собственниками жилых помещений или ТСЖ.

Присутствует неоднозначность в понимании того, какие именно работы и услуги обязан оплачивать собственник нежилого помещения. А именно, обязан ли собственник нежилого помещения оплачивать услуги по приему платежей, формированию и выписке единого платежного документа, услуги по ведению и открытию лицевых счетов? Данные виды услуг в пользу собственника нежилого помещения не оказываются. Однако имеет место практика взимания с данной категории собственников и указанных платежей. При этом судебная практика не выработала единого

подхода в понимании перечня услуг и работ, оказываемых управляющей организацией собственнику нежилого помещения. Как следствие, встречаются решения судов, которыми взыскиваются платежи и за указанные услуги.

Из этого следуют сложности и в определении цены индивидуального договора, т.е. ежемесячной платы. В тексте самого индивидуального договора прописывается цена договора и размер платы. Они устанавливаются в размере (руб. с 1 кв. м), определенном решением общего собрания собственников помещений в МКД. Однако общим собранием собственников помещений в МКД устанавливаются платежи применительно ко всему перечню работ и услуг, возлагаемых на управляющую организацию. Соответственно, для собственников помещений, не являющихся членами МКД, должны устанавливаться иные тарифы. В пользу данного вывода свидетельствуют и положения Постановления Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 [8]. Согласно п. 33 Правил содержания общего имущества размер обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание и ремонт общего имущества, для собственников помещений, не являющихся членами товарищества, определяется органами управления ТСЖ на основе утвержденной сметы доходов и расходов на содержание общего имущества на соответствующий год. Из содержания данной нормы Правил следует, что для собственников помещений, не являющихся членами ТСЖ, органы управления ТСЖ устанавливают плату только за содержание и ремонт жилого помещения в размере, обеспечивающем содержание общего имущества в МКД, что соответствует требованиям ч. 1 ст. 156 Жилищного кодекса РФ. Однако на практике данная норма Правил не работает.

Обеспечение управляющей организацией качества оказываемых услуг и выполняемых работ в МКД

Как ранее отмечалось, управляющая организация несет ответственность перед собственниками помещений в МКД за оказание всех услуг и выполнение работ, которые обеспечивают надлежащее содержание общего имущества в данном доме, а также и за качество жилищно-коммунальных услуг. Актами Правительства РФ устанавливаются требования к качеству указанных работ и услуг, а также механизмы защиты прав собственников. Основным актом здесь выступает Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491. Следует обратить внимание, что в названии указанного Постановления РФ во втором блоке правил, устанавливающих право на уменьшение размера платы в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в МКД ненадлежащего качества и(или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, речь идет только о жилых помещениях. Но если данное название акта толковать буквально, то получается, что собственники жилых помещений имеют права на перерасчет, а собственники нежилых помещений в аналогичных ситуациях не имеют такого права. Очевидно, что вывод о бесправности собственников нежилых помещений является неверным и противоречит нормам и принципам жилищного права и гражданского права. При этом неверен данный вывод независимо от того, является ли собственник нежилого помещения потребителем или

же имеет статус индивидуального предпринимателя. Не должно здесь иметь значения и целевое использование нежилых помещений для предпринимательской деятельности или в иных целях.

Закономерно возникает вопрос, имеет ли право собственник нежилого помещения на соразмерное уменьшение платы в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в МКД ненадлежащего качества и(или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность? Считаем, что да, имеет право, поскольку Жилищный кодекс РФ не устанавливает дифференциацию прав и обязанностей собственников жилых помещений и собственников нежилых помещений. Однако, очевидно, что такая формулировка в Постановлении Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 предоставляет управляющим организациям возможность на «законных» основаниях отказывать собственникам помещений в осуществлении перерасчета платы. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода в определении адресатов данных правил о перерасчете оплаты.

Данный пробел в правовом регулировании вполне может быть преодолен посредством включения соответствующего условия в содержание индивидуального договора, заключаемого управляющей организацией с собственником нежилого помещения. Однако очевидно, что поскольку проект договора разрабатывается самой управляющей организацией, весьма маловероятно, чтобы она стала включать в договор положения, заведомо для себя невыгодные. В этом случае инициатива должна исходить от собственника нежилого помещения, реализуемая через протокол разногласий.

В случае, если управляющая организация не согласится включить в условия индивидуального договора положения, закрепляющие гарантии прав собственника нежилого помещения при ненадлежащем качестве и(или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность в отношении выполняемых ею работ и оказываемых услуг, то собственник нежилого помещения имеет право обратиться в суд с требованием обязать управляющую организацию заключить индивидуальный договор, включающий гарантии прав собственника нежилого помещения в отношении надлежащего исполнения управляющей организацией своих договорных обязательств и обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации и актами Правительства РФ. Состав данных положений видим в следующем:

- 1) перечень обязанностей управляющей организации;
- 2) состав информации и документов, которые управляющая организация будет обязана предоставлять по требованию Заказчика;
- 3) порядок предоставления информации и документов о выполненных работах и оказанных услугах;
- 4) цена и порядок ее изменения;
- 5) перечень общедомового имущества, находящегося в закрытом ведении Заказчика, и порядок доступа к нему управляющей организации;
- 6) порядок отчета и состав отчетности управляющей организации перед Заказчиком о выполненных работах, оказанных услугах;
- 7) порядок взаимодействия управляющей организации и Заказчика в случае выявления фактов неисполнения управляющей организацией до-

говорных обязательств, в том числе при непредставлении управляющей организацией отчетности Заказчику о выполненных работах, оказанных услугах;

8) права Заказчика при выявлении фактов неисполнения управляющей организацией договорных обязательств;

9) ответственность управляющей организации при выявлении фактов неисполнения ею договорных обязательств, в том числе, порядок перерасчета оплаты по договору;

10) основания расторжения договора стороной Заказчика в порядке одностороннего отказа от исполнения договора.

Анализ предлагаемых положений свидетельствует о следующем:

1) они в полном объеме способны обеспечить гарантии права собственника на качество работ и услуг, обеспечиваемых управляющей организацией;

2) будут закреплены механизмы защиты при ненадлежащем исполнении управляющей организацией своих обязательств;

3) данные условия не могут быть расценены судом как кабальные, поэтому суд с большой вероятностью утвердит их;

4) решение суда для управляющей организации будет обязательным;

5) у управляющей организации не будет возможности уклоняться от исполнения решения суда, поскольку оно не связано с исполнением денежных требований.

Однако обеспечение собственником нежилого помещения гарантий качества работ и услуг, ответственность за которые несет управляющая организация, указанным выше способом проблематично в силу его неочевидности. Это имеет место по следующим причинам:

– требуется грамотная юридическая экспертиза индивидуального договора, который предлагается управляющей организацией собственнику нежилого помещения;

– имеют место в бытовом сознании представления о том, что управляющая организация является в этих вопросах компетентным субъектом и в силу своей подконтрольности большому количеству инстанций, просто не может позволить себе ущемлять права собственников помещений;

– условия договора являются шаблонными.

Соответственно, здесь свою активную позицию должно занять государство в лице Правительства РФ посредством утверждения типового индивидуального договора, который будет содержать обязательные и факультативные условия. При этом в состав обязательных условий должны входить положения, предложенные выше (позиции 1 – 10).

Проблемы применения норм гражданского законодательства к договорным отношениям, возникающим между собственником нежилого помещения и управляющей организацией

Индивидуальный договор с собственником нежилого помещения в МКД заключается в соответствии с нормами гражданского законодательства (общая часть обязательственного права). Однако на практике применение положений Гражданского кодекса РФ крайне затруднительно к указанным договорным отношениям. Это связано, во-первых, со сложностью квалификации исполнения обязательств управляющей организа-

цией как надлежащего исполнения; во-вторых, с отсутствием действенных механизмов по применению мер гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение управляющей организацией своих обязательств по индивидуальному договору.

На практике управляющая организация выставляет собственнику помещения в МКД, с которым заключен индивидуальный договор, счет на оплату и акт. В акте содержится следующий текст: «Вышеперечисленные услуги выполнены полностью и в срок. Заказчик претензий по объему, качеству и срокам оказания услуг не имеет». В акте указываются, в том числе следующие позиции: наименование работ, услуг; стоимость. Важно учитывать, что ставя свою подпись на данном акте, Заказчик, во-первых, соглашается произвести оплату за соответствующий месяц; во-вторых, соглашается с оплатой на том основании, что «Вышеперечисленные услуги выполнены полностью и в срок. Заказчик претензий по объему, качеству и срокам оказания услуг не имеет». Но как быть собственнику помещения, если у него имеются к управляющей организации претензии по объему, качеству и срокам оказания услуг и выполнения работ? В этом случае обеспечить права собственника помещения весьма проблематично по следующим причинам.

1. Для управляющей организации отчетным периодом является календарный год, но по индивидуальному договору оплата производится за истекший месяц, и подпись об отсутствии претензий ставится за истекший месяц. Соответственно, когда завершен календарный год, собственник автоматически лишается возможности предъявлять претензии и претендовать на соразмерное уменьшение оплаты в силу неисполнения или ненадлежащего исполнения управляющей организацией своих договорных обязательств.

2. Отсутствуют правовые нормы, устанавливающие основания для перерасчета и порядок (процедуру) перерасчета оплаты в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения управляющей организацией своих договорных обязательств. Непонятно, каким образом осуществлять перерасчет по конкретным видам работ и услуг, так как большинство из них проводится по мере необходимости, например: подметание прилегающей территории в летний период; уборка мусора с газонов; уборка снега в зимний период; удаление наледи, посыпка подходов к подъездам и пешеходных зон песчаной смесью; удаление сосулек с крыши; дератизация помещений общего имущества; дезинсекция помещений общего имущества; консервация систем центрального отопления; регулировка, испытание, расконсервация систем центрального отопления (за исключением приборов учета); проверка состояния и ремонт продухов в цоколях зданий; частичное восстановление нарушенной теплоизоляции подвальной разводки внутридомовых инженерных коммуникаций; укрепление и частичный ремонт входных дверей и окон на лестничных клетках и др.

3. Денежные средства, поступающие от собственников помещений в МКД, используются управляющей организацией по мере необходимости и неравномерно в течение календарного года. А остатки денежных средств на счету переходят на следующий календарный год. Указанное также не позволяет судить о соотношении платежей собственников и расходах управляющей организации на управление и содержание имущества МКД.

В итоге, можно сделать вывод, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении управляющей организацией обязанностей по управлению и содержанию имущества МКД, ответственность она может понести только публично-правовую, но не имущественную перед непосредственным адресатом исполнения – собственником помещения.

Согласно ст.ст. 28, 29 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 03.07.2016) «О защите прав потребителей» [7] потребитель имеет право требовать соразмерного уменьшения оплаты за выполнение работ и оказание услуг по содержанию общего имущества. Но применение норм о защите прав потребителей по вышеуказанным причинам здесь тоже не представляется возможным. Соответственно, отсутствует возможность применить и правила изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в МКД ненадлежащего качества и(или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность (утв. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491).

Более того, управляющие организации могут недобросовестно ссылаться и на судебную практику, в частности на Постановление Президиума ВАС РФ №4910/10 от 09.11.2010 г. [9]. Управляющие организации не учитывают того, что в условиях наличия индивидуального договора речь не идет о тождественности сумм. Речь идет об отчете Исполнителя о составе и качестве оказанных Заказчику за месяц оплаты работ и услуг, стоимость которых, возможно, будет меньше или больше ежемесячного платежа собственника, но работы и услуги в течение месяца в любом случае должны быть, что следует из содержания приложения к индивидуальному договору, в котором закрепляются виды работ и услуг по содержанию имущества МКД и их периодичность. Тем более, когда речь идет о календарном годе, который является отчетным периодом для управляющей организации.

Таким образом, системный анализ гражданского и жилищного законодательства, актов Правительства РФ и судебной практики свидетельствует о состоянии незащищенности прав и имущественных интересов собственника нежилого помещения перед управляющей организацией. На нормативном уровне все еще отсутствуют гарантии надлежащего исполнения управляющими организациями своих законных и договорных обязанностей перед конкретным субъектом – собственником нежилого помещения, являющегося стороной индивидуального договора и принимающего на себя обязательства по ежемесячной оплате работ и услуг управляющей организации. Определенным образом в преодолении данных проблем способен был бы помочь типовой договор. Но поскольку пока такого типового договора нет, то у управляющих организаций есть «законная» возможность составлять индивидуальные договора «под себя». А собственники жилых помещений вынуждены пытаться отстаивать свои права, шаг за шагом осваивая нормы гражданского и жилищного законодательства, ведя претензионную работу, участвуя в судебных процессах и неся расходы на оплату юридических услуг.

Здесь также важно учитывать, что управляющие организации вынуждены занимать активную позицию во взыскании с собственников жилых помещений оплаты за управление и содержание имущества МКД. Это оп-

ределяется тем, что размер оплаты устанавливается исходя из метража помещения, находящегося в собственности. Нежилые помещения могут занимать подвалы, целые этажи. Поэтому отсутствие платежей от одного собственника нежилого помещения часто сопоставимо с оплатой собственником жилых помещений целого этажа. И это существенно сказывается на возможности для управляющей организации надлежащим образом организовывать и осуществлять свою работу. В итоге появляется некий замкнутый круг: управляющие организации не могут надлежащим образом исполнять обязанности по управлению МКД и содержанию имущества в силу неплатежей собственников нежилых помещений; собственники нежилых помещений не желают платить в отсутствие свидетельств выполнения работ и оказания услуг управляющими организациями. Все это требует решения на законодательном уровне посредством четкого определения механизмов обеспечения надлежащего исполнения обязательств управляющими организациями.

Список литературы

1. **Бычков А. И.** Правовая природа договора на управление многоквартирным домом: смешанный или самостоятельный договор? // Молодые ученые. 2011. № 2. С. 38 – 44.
2. **Гонобоблева М. Е.** Теория и судебная практика по вопросу определения правовой природы договора управления многоквартирным домом // Научный поиск. 2016. № 2 (1). С. 55 – 56.
3. **Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ч. 1. Ст. 3301.**
4. **Дадаян Е. В., Сторожева А. Н.** Общие положения договора управления многоквартирным домом // Вестн. КрасГАУ. 2008. № 2. С. 319 – 322.
5. **Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2005. №1. Ч. 1. Ст. 14.**
6. **Кретьова Л. А.** Правовая природа договора управления многоквартирным домом // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 160 – 163.
7. **О защите прав потребителей: закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2017) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.**
8. **Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и(или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность: постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 (ред. от 09.09.2017) // СЗ РФ. 2006. № 34. Ст. 3680.**
9. **Постановление Президиума ВАС РФ от 09.11.2010 № 4910/10 по делу № А71-9485/2009-ГЗ // Вестник ВАС РФ. 2011. № 2. С. 118 – 210.**

References

1. **Bychkov A.I.** [The legal nature of a contract for the management of an apartment building: a mixed or independent contract?], *Molodye uchenye* [Young Scientists], 2011, no. 2, pp. 38-44. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Gonobobleva M.E.** [Theory and jurisprudence on the definition of the legal nature of the contract of management of an apartment building], *Nauchnyi poisk* [Scientific Search], 2016, no. 2 (1), pp. 55-56. (In Russ., abstract in Eng.)
3. [The Civil Code of the Russian Federation: Federal Law no. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on July 29, 2017)], *Sobranie zakonodatel'stva Ros-*

siiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, part 1, article 3301. (In Russ.)

4. **Dadayan E.B., Storozheva A.H.** [General provisions of the contract of management of an apartment building], *Transactions of the Krasnoyarsk State Agrarian University*, 2008, no. 2, pp. 319-322. (In Russ., abstract in Eng.)

5. [**Housing Code** of the Russian Federation: Federal Law no. 188-FZ of December 29, 2004 (as amended on July 29, 2017)], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2005, no. 1, part 1, article 14. (In Russ.)

6. **Kretova L.A.** [The legal nature of the contract of management of an apartment building], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2010, no 2, pp. 160-163. (In Russ., abstract in Eng.)

7. [**On the Protection** of Consumer Rights: Law of the Russian Federation no. 2300-1 of 07.02.1992 (as amended on 01.05.2017)], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 3, article 140. (In Russ.)

8. [**On the approval** of the Rules for the maintenance of common property in an apartment building and the rules for changing the amount of payment for the maintenance of a dwelling in the case of rendering services and performing management, maintenance and maintenance of common property in an apartment building of inadequate quality and (or) with breaks exceeding the established duration : Resolution of the Government of the Russian Federation no. 491 of August 13, 2006 (as amended on 09/09/2017)], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], SZRF, 2006, no. 34, article 3680. (In Russ.)

9. [**Decree** of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 09.11.2010 no. 4910/10 in the case no. A71-9485/2009-GZ], *Transactions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2011, no. 2, pp. 118-210. (In Russ., abstract in Eng.)

LEGAL REGULATION OF RELATIONS BETWEEN THE OWNER OF NON-RESIDENTIAL PREMISES OF AN APARTMENT BUILDING AND THE MANAGEMENT COMPANY

I. A. Kalinina, *Candidate of Science (Law),
Associate Professor of Department of Civil Law and Process,
Tambov State Technical University;
ia-kalinina@mail.ru*

The article examines the problems of ensuring the rights and property interests of owners of non-residential premises in relations with the management organization. The analysis of the rules of civil and housing legislation, normative legal acts of the Government of the Russian Federation and judicial practice is made. The gaps in the legal regulation are identified; it is proposed to eliminate them through the adoption by the Government of the standard contract on the maintenance of the apartment building, the parties of which are the owner of non-residential premises and the management organization.

Keywords: non-residential premises; right of ownership; management; contract; burden of property.

© И. А. Калинина, 2017

Статья поступила в редакцию 15.11.2017

В статье рассмотрены наиболее существенные особенности порядка расторжения брака при достижении согласия между супругами в европейских странах. Автор отмечает, что, например, во Франции возможен развод по взаимному согласию супругов, но при условии наличия виновного поведения одного из супругов. В некоторых странах, если супруги совместно требуют развода, то они не обязаны сообщать его причину. Анализ данных положений позволяет оценить возможность и целесообразность их заимствования российским законодателем.

Ключевые слова: брак; бракоразводный процесс; защита прав супругов; развод по согласию; расторжение брака; супруги.

Виталий Викторович Измайлов,
*соискатель кафедры гражданского и предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»;
Председатель Центральной окружной коллегии адвокатов г. Москвы;
law@vizmailov.ru*

ПОРЯДОК РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА ПРИ ДОСТИЖЕНИИ СОГЛАСИЯ МЕЖДУ СУПРУГАМИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В разных странах вопрос о расторжении брака решается по-разному. В Италии допускается только при наличии определенных обстоятельств. В Дании, Бельгии, Норвегии, Германии – разрешается, в том числе по взаимному согласию супругов. Возможность расторжения брака также зависит от того, к какому типу относится данный брак (церковный, гражданский, заключенный в уполномоченном органе государства).

Положения о разводе во Франции регулируются разделом 1 титула 6 указанного Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона 1804 г.) [4].

Расторжение брака во Французской Республике возможно по четырем сценариям: два из них довольно мирные – по согласию сторон, один по факту, – когда супруги давно проживают раздельно и развод на самом деле уже состоялся, осталось его только узаконить, и наиболее трудный – оспариваемый развод во Франции.

Самый быстрый и простой из возможных бракоразводных процессов – развод по согласию – наиболее цивилизованный вариант, который только возможен при расставании. Так, в ст. 230 Гражданского кодекса Франции закреплено, что «если супруги совместно требуют развода, то они не обязаны сообщать его причину; они должны только представить на одобрение судьи проект соглашения, которое определяет последствия развода». Обе стороны согласны на развод и о последующих отношениях договариваются между собой сами. Для раздела прав на недвижимое имущество следует составить договор у нотариуса. Если у супругов в совместном владении нет объектов недвижимости, документ о разделе можно подготовить самостоятельно. Затем судья поставит на нем печать, тем самым удостоверив раздел имущества.

Несколько более сложный вариант – развод принятый, когда оба супруга согласны на расторжение брака, но между ними возникли разногла-

сия по поводу раздела материальных и нематериальных ценностей. В таких случаях решение о разделе имущества или опеке над несовершеннолетними детьми выносит судья, и бывшие супруги обязаны ему подчиниться. Бывают случаи, когда предметом разбирательства являлись даже домашние питомцы.

Третий тип разводов, который также можно отнести к разводам по согласию, есть развод в связи с длительным раздельным проживанием, или безвозвратный распад брачных уз. Ранее срок раздельного проживания должен был быть не меньше пяти лет, но с 2005 года, чтобы оформить такой развод во Франции, достаточно двух лет подтвержденного проживания порознь.

Во Франции бракоразводный процесс возможен исключительно через суд: он проходит в два этапа (кроме развода по взаимному согласию, для которого достаточно одного заседания). На заседании в обязательном порядке должны присутствовать оба супруга. На *первом этапе* судьей выносятся решение об опекуновстве над детьми, а также о размере материальной компенсации супругу с меньшим доходом. Наряду с указанными источниками правового регулирования рассматриваемых отношений нормы, касающиеся разводов между гражданами, являющимися иностранцами по отношению друг к другу, или между гражданами одного и того же государства, но проживающими на территориях различных государств, содержатся также и в договорах о правовой помощи. Практика таких договоров исходит из принципа национального режима – безусловного предоставления гражданам договаривающихся государств таких же прав, как и собственным гражданам [1, с. 215].

На *втором этапе* проводится раздел имущества. Эта миссия возлагается на нотариуса, который проводит процедуру согласно французскому законодательству. Если супруги будут не согласны на вариант, предложенный нотариусом, то разделом имущества в принудительном порядке займется судья [2, с. 10].

Если ребенок рожден на территории страны, но при этом родители не являются гражданами Франции, они не имеют права вывезти ребенка за пределы государства.

Положения о разводе в Англии регулируются Законом о брачных отношениях (Matrimonial Causes Act) [5], принятом в 1973 году. В Англии возможен развод по взаимному согласию, но после двухлетнего раздельного проживания. Только через официальный развод можно получить полную независимость от бывшего супруга. В зависимости от того, согласны ли на него оба партнера, развод в Великобритании может быть «без согласия» или «с взаимным согласием».

При взаимном согласии дело о разводе решается в семейном суде. Привлекать юристов при этом не обязательно, но желательно, особенно в ситуациях, когда супруги не могут договориться о месте жительства детей или имеют имущественные споры, или в случаях домашнего насилия. Для запуска процесса истец заполняет несколько специальных форм, которые можно получить в суде или на сайте Министерства юстиции. За правовой помощью можно обратиться к юристам или в Бюро консултации населения.

При отсутствии разногласий между супругами развод можно завершить без слушаний в суде. Суд рассмотрит ходатайство о разводе и выдаст так называемое «постановление о разводе». А спустя шесть недель после этого супруг, инициировавший развод, может обратиться в суд за окончательным решением о разводе.

В Германии и многих других развитых странах допускается расторжение брака по взаимному согласию супругов в случае «окончательного и непоправимого расстройтва брачной жизни» [3].

Стандартный развод по обоюдному согласию (*первый вариант*) происходит тогда, когда у пары нет никаких споров относительно имущества, вопросов опеки над детьми, урегулированы имущественные притязания и имеется обоюдное согласие на расторжение брака. *Второй вариант* представляет собой решение спорных моментов в зале суда либо посредством судебной помощи, например, когда есть спор об опеке, о размере будущих алиментов.

В Германии, так же как и во Франции, разводит только суд, туда и подаются заявления. Данное положение указано в ст. 1564 Гражданского кодекса Германии. Разводов через ЗАГС в ФРГ не предусмотрено, даже если у разводящихся супругов нет ни претензий друг к другу, ни несовершеннолетних детей. Для того чтобы инициировать бракоразводный процесс, супруг, желающий одного, должен подать заявление о разводе. Специальный суд – Суд по семейным вопросам по месту последнего совместного проживания супругов. А если супруги разъехались, то в суд по месту жительства ответчика. Однако все сказанное правомерно лишь при отсутствии у разводящихся супругов несовершеннолетних детей. В случае, если несовершеннолетние дети есть, заявление подается в суд по месту жительства детей (на момент подачи).

Заявление о расторжении брака в Германии невозможно подать сразу обоим супругам, всегда заявителем является лишь один из них. Подача заявления о расторжении брака совместно обоими супругами в ФРГ не предусмотрена, даже если есть обоюдное согласие на развод.

Согласно немецкому закону, прежде чем один из супругов будет иметь право подать на развод, супруги должны прожить раздельно не менее года. Нельзя подать такое заявление уже через полгода раздельного проживания, аргументировав спешку, например, тем, что пока не подойдет срок судебного заседания, указанный год и минует. Начало раздельного проживания нигде не нужно фиксировать. Если оба – заявитель и ответчик – скажут на суде одно и то же, суду никаких документов, подтверждающих исполнение условия срока раздельного проживания, не потребуется. Если на вопрос судьи о длительности раздельного проживания супруги назовут разные сроки, но при этом оба срока превысят год, то проверок истинности утверждений сторон так же не будет производиться.

Условие года раздельного проживания может быть соблюдено даже в том случае, если разводящаяся пара договорилась о дате его начала, не разъезжаясь по разным квартирам. Главное, чтобы, во-первых, в их общей квартире было больше одной комнаты. Во-вторых, оба супруга должны утвердительно ответить судье на вопросы о раздельности бюджета, совершения покупок и хранения еды, готовки пищи, стирки, глажки, а также

о раздельном проведении досуга. Однако нюанс есть и здесь: наличие у супругов несовершеннолетних детей, живущих вместе с ними, способно затруднить развод, поскольку суд может не поверить, что муж и жена ни разу вместе не проводили дома свободное время с детьми в течение заявленного раздельного года.

Согласно немецкому законодательству, участие адвоката в бракоразводном процессе обязательно. Даже заявление на развод подается в Суд по семейным вопросам не лично заявителем, а адвокатом, которого истец заранее уполномочивает на подачу и дальнейшее ведение его дела. Для ведения бракоразводного процесса достаточно одного адвоката, которого нанял заявитель и который подает заявление на развод в суд.

Расторжение брака в Швейцарии производится в судебном порядке, даже в случае отсутствия у супругов общих несовершеннолетних детей.

Можно выделить следующие виды расторжения брака:

- по обоюдному согласию с полной договоренностью;
- с частичной договоренностью;
- в одностороннем порядке.

При расторжении брака по обоюдному согласию с полной договоренностью супруги заключают соглашение, в котором еще до бракоразводного процесса оговаривают вопросы выплаты алиментов супруге, детям, раздел семейного имущества, вопрос пользования жилплощадью, расходы, которые повлечет за собой развод и др.

Если в семье есть ребенок, то в соглашении должны быть учтены следующие моменты: предоставление родительских прав одному из родителей или в равной степени каждому из них; расходы по содержанию несовершеннолетних детей.

Ряд стран принял в 1978 г. Гаагскую конвенцию о признании развода и судебного разлучения супругов, в силу которой признается любая форма развода, если она является законной в стране, где совершен развод. Но любое государство может не признать развод между супругами, если их национальный закон на момент развода не допускал такового.

Таким образом, можно выделить следующие особенности порядка расторжения брака на территории европейских стран:

1) во Франции возможен развод по взаимному согласию супругов, но при условии наличия виновного поведения одного из супругов;

2) если супруги совместно требуют развода, то они не обязаны сообщать его причину;

3) бракоразводный процесс возможен исключительно через суд;

4) в Англии при отсутствии разногласий между супругами развод можно завершить без слушаний в суде;

5) в Германии и многих других развитых странах допускается расторжение брака по взаимному согласию супругов в случае «окончательного и непоправимого расстройств брачной жизни»;

6) необходимость раздельного проживания супругов в течение одного года, даже при условии их обоюдного согласия;

7) участие адвоката в бракоразводном процессе обязательно согласно немецкому законодательству.

Список литературы

1. **Байгушева Ю. В.** Основные вопросы прекращения брака // Изв. вузов. Правоведение. 2010. № 1. С. 215 – 217.
2. **Вершинина Е. В.** Концепции расторжения брака в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 10 – 13.
3. **Германское** гражданское уложение (Кодекс) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Германское_гражданское_уложение/ (дата обращения 15.11.2017.)
4. **Гражданский** кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55696> (дата обращения: 8.12.17).
5. **Закон** о брачных отношениях 1973 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1973/18/introduction?view=plain> (дата обращения 15.11.2017.)

References

1. **Baigusheva Yu.V.** [Basic issues of marriage termination], *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Bulletin of high schools. Jurisprudence.], 2010, no. 1, pp. 215-217. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Vershinina E.V.** [Concepts of divorce in Russia and abroad: a comparative legal analysis], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2013, no. 5., pp. 10-13. (In Russ., abstract in Eng.)
3. https://ru.wikisource.org/wiki/Germanskoe_grazhdanskoe_ulozhenie/Kniga_4/Razdel_1 (accessed: 15 November 2017). (In Russ.)
4. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55696> (accessed: 8 December 2017). (In Russ.)
5. <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1973/18/introduction?view=plain> (accessed: 15 November 2017). (In Russ.)

ORDER OF DISSOLUTION OF MARRIAGE UPON ACHIEVEMENT OF CONSENT BETWEEN THE SPOUSES IN EUROPEAN COUNTRIES

V. V. Izmailov, *Candidate for a degree*
Department of Civil and Entrepreneurial Law,
Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia);
Chairman of the Central District Bar Association of Moscow;
law@vizmailov.ru

The article considers the most significant features of an order of dissolution of marriage upon achievement of consent between the spouses in European countries. The author notes that, for example, in France divorce is possible by mutual consent, but subject to the availability of culpable conduct of one spouse. In some countries, if the spouses together demand a divorce, they are not required to report the cause. The analysis of these provisions to evaluate the possibility and feasibility of their borrowing by the Russian legislator is made.

Keywords: marriage; divorce; spouses; protection of the rights of the spouses; divorce by agreement; the divorce process.

© В. В. Измайлов, 2017

Статья поступила в редакцию 18.11.2017

Исследуются основы реализации принципа федерализма в государственном устройстве России как фактора, позволяющего обеспечить единство и плюрализм государственной и общественной власти в рамках взаимоотношений центра и регионов. Выдвигается тезис о недопустимости существования в федерализме как неограниченной асимметрии, так и насильственной унификации. Выявляются характерные для современной стадии признаки российского федерализма, раскрывается практика федеративных отношений на примере вхождения Крыма в Российскую Федерацию.

Ключевые слова: институт федерализма; идея «губернизации»; российский федерализм; неограниченная асимметрия; насильственная унификация; интеграция Крыма; дуалистическая модель разделения власти.

Александр Дмитриевич Гуляков, канд. юрид. наук,
ректор ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»;
rector@pnzgu.ru

Анна Анатольевна Леонкина, аспирант,
кафедра «Теории государства и права и политологии»,
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»;
leonkinanna@gmail.com

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Федерализм – это принцип государственного устройства, позволяющий обеспечить единство и плюрализм государственной и общественной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях [7, с. 8]. Как принцип федерализм воплощает способ урегулирования разногласий и объединения людей и их образований на государственном уровне; как режим и форма государственного устройства он определяет разделение государственной власти по вертикали между территориальными образованиями различного уровня в едином государстве [1, с. 23].

В Конституции Российской Федерации 1993 г. федерализм признан в качестве одного из основных направлений демократизации государства. В ст. 5 Основного Закона страны закреплено: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» [3].

Российский федерализм – это сложнейший в своей многоаспектности феномен, возникновение и развитие которого подчиняется целому ряду

политических, экономических, социологических, юридических и других закономерностей и тенденций.

Для российского политического общества федерализм представляет собой не только форму государственного устройства, но и принцип взаимоотношений центра и регионов. Взаимоотношения центра и регионов в последние годы формировались в условиях укрепления вертикали власти. Федералистское мировоззрение проявлялось и проявляется в готовности сторон идти на диалог, на поиск взаимоприемлемых решений, на разделение ответственности, т.е. федерализм последних десятилетий во многом обеспечил общественно-политическую стабильность [2, с. 5–6].

Российская Федерация исторически сложилась как ассиметричная. Особенность России в том, что ее федерализация проходила сверху, директивно, путем предоставления регионам вынужденных уступок. Ее ассиметричность – это реальность, обусловленная, в том числе и объективными факторами. Тем самым ошибочны как представления о том, что договоры о разграничении полномочий и предметов ведения между федеральным центром и субъектами сделали Федерацию ассиметричной, так и стремление ее преодолеть, поскольку практически ни одна федерация в мире не является симметричной. В принципе, само существование федерации – показатель наличия несовпадающих интересов, которые могут учитываться и координироваться благодаря федеративному устройству. Следует отменить, что периодически появляются «рационализаторские» предложения унифицировать систему государственно-территориального устройства России, провести «губернизацию» республик вместе с автономными округами, или, наоборот, «республиканизацию» краев и областей. Под идеей «губернизации» лежит отказ от национально-территориальных образований. Отказ от принципа сочетания национально-государственного и административного в государственном устройстве Российской Федерации неминуемо приведет к межэтническому противостоянию и разрушению единства и целостности российского государства. Поэтому государственное строительство в Российской Федерации не может проходить без учета в первую очередь этноконфессионального фактора [5].

Для стабильного и динамичного развития Российской Федерации в равной мере неприемлемы как неограниченная асимметрия, так и насильственная унификация, пренебрежение многообразием народов и территорий в угоду удобствам бюрократического порядка.

Современная стадия российского федерализма, характеризуется такими признаками, как смешанный этнотерриториальный характер построения федерации, чреватый этноконфликтами; юридическая и фактическая асимметрия субъектов федерации; экономическая (в том числе бюджетная), социальная и политическая дифференциация регионов; дотационность большинства субъектов федерации и зависимость их от субвенций федеральной власти; тенденции к централизации, сужение круга полномочий субъектов федерации [8, с. 983].

Сегодня российский федерализм вышел на очередную более высокую ступень своего развития, которая, качественно отличаясь от предшествовавших ступеней, в то же время отнюдь не означает завершения процесса формирования самого федерализма: очевидны сегодняшние проблемы

развития, достаточно хорошо просматриваются как завтрашние трудности, так и перспективы поступательного развития федеративных отношений.

Отмечается трансформация института федерализма, который приспосабливается к новым условиям, для того чтобы обеспечить все интересы государства. Указывается на формирование особой «российской» модели федерализма: «Российский федерализм – еще молодой, незрелый и, по мировым меркам, весьма специфический» [7, с. 17].

Построение эффективной модели федерализма представляет собой системную задачу, исполнение которой обеспечивается благодаря выстраиванию отношений «центр – регионы». Между тем многие исследователи считают, что в России в настоящее время сложилась централизованная, дуалистически ориентированная модель разделения государственной власти, основанная на административных правоотношениях между различными ее уровнями, влекущая возникновение и обострение противоречий между федерацией и субъектами. В таких условиях необходимы надежные гарантии и механизмы, способствующие нахождению баланса между жесткими авторитарными началами в деятельности федерального центра, с одной стороны, и противодействием сепаратизму и безудержному регионализму, с другой.

Действительную практику реализации федеративных отношений представляет анализ политических процессов присоединения Крыма к Российской Федерации и его дальнейшей интеграции. Указанные политические процессы рассматриваются в первую очередь через их нормативно-правовое оформление в виде правовых актов в целях получения наиболее достоверной и объективной информации. Процесс вхождения Республики Крым в состав России, который оценивается как реализация права народов Крыма на самоопределение, не объективируется исключительно через результаты общекрымского референдума. Был проведен значительный комплекс мероприятий, потребовалась политическая воля населения и органов власти Республики Крым, а также политическая воля Российской Федерации, выраженная не только через решения Президента РФ, но и правовые акты других органов государственной власти РФ. Результатом указанных действий стала фактическая реализация положений Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов о принятии в состав России нового субъекта. Представленные практики позволили проанализировать проявление особенностей российского федерализма в современных политических процессах.

Отмечается, что российский федерализм в политических процессах 2014 – 2016 годов в целом сохранил такие свои сущностные черты, как конституционно-договорной характер, организацию асимметричных субъектов по национально-территориальному принципу, стремление к централизации.

В настоящее время актуальность сравнительных исследований проблем федерализма чрезвычайно высока. Федерализм – это не только особым образом выстроенный институциональный дизайн, но и состояние политики. Федерализм помогает нам фокусировать наше внимание на присутствующих проблемах в стране, и если даже мы отменим его в современном обществе, то совокупность политических процессов изменится недостаточно для того, чтобы снять ту или иную угрозу стабильности, если она присутствует в государстве [6, с. 104 – 108].

Таким образом, именно федерализм помогает нам справиться с внешними и внутренними угрозами. Механизм федерализма необходим в современном обществе, так как без него решение проблемы не будет найдено, и мы можем прийти к выводу о том, что федерализм является важным элементом в устойчивом развитии государства. Необходимо понимать, что федеративный порядок для демократического государства – это не только вопрос выбора, но и важная необходимость. Безусловно, современный российский федерализм сложно назвать идеальным. Однако можно констатировать тот факт, что законодатель не стоит на месте, перманентно проводя мероприятия по реформированию современного государственного устройства. Сложившаяся модель российского федерализма показала себя, с одной стороны, как реально существующий фундаментальный институт, достаточно определенный нормативно для его реализации в действительности. С другой стороны, российский федерализм проявил себя как динамично развивающийся феномен, способный реагировать на изменения внутренних и внешних условий и гармонично к ним приспосабливаться, не изменяя своего сущностного содержания.

Список литературы

1. Глигич-Золотарева М. В. О судьбах федерализма в России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 2. С. 22 – 27.
2. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса// Кто и куда стремиться вести Россию? Акторы макро-, мезо-, и микроуровней современного трансформационного процесса / под ред. Т. И. Заславской. М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. С. 3 – 15.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. № 9. Ст. 851.
4. Кремянская Е. А. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений, 2015. 145 с.
5. Мухаметшин Ф. Федерализм в России: состояния и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL:<http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n1/stat1/> (дата обращения: 06.11.2017).
6. Савельев А. Э., Шаповалов А. В. Особенности современного российского федерализма // Актуальные вопросы науки и практики: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов, 14 апр. 2016 г.: в 3 т. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. Т. 3. С. 104 – 108.
7. Смагина Л. А. Федерализм и политическое пространство регионов. Публичное и частное право. М.: МПСИ, 2014. № 1 (21). С.17 – 22.
8. Тимченко Д. В. О некоторых особенностях российского федерализма с позиции неинституционального подхода // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 983 – 986.

References

1. Gligich-Zolotareva M.V. [On the Fates of Federalism in Russia], *Konstitutionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2006, no. 2, pp. 22-27. (In Russ., abstract in Eng.)

2. **Zaslavskaya T.I.** [Ed.] [On the subject-activity aspect of the transformation process], [Who and where to strive to lead Russia? Actors of macro, meso, and micro levels of the modern transformation process], Moscow: Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, 2001, pp. 3-15. (In Russ.)

3. [**The Constitution** of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation no. 6-FKZ of December 30, 2008, no. 7-FKZ of December 30, 2008, no. 2-FKZ of February 05, 2014)], *Sobranie zakonodatel'stva rossiiskoi federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], no. 9, article 851. (In Russ.)

4. **Kremyanskaya E.A.** *Teoriya i praktika federalizma: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Theory and practice of federalism: a comparative legal study], Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii, 2015, 145 p. (In Russ.)

5. **available at:** <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n1/stat1/> (accessed: 06 November 2017). (In Russ.)

6. **Savel'ev A.E., Shapovalov A.V.** [Features of modern Russian federalism], *Aktual'nye voprosy nauki i praktiki: materialy* [Topical issues of science and practice], 2016, vol. 3, pp. 104-108. (In Russ.)

7. **Smagina L.A.** Federalizm i politicheskoi prostranstvo regionov. Publichnoe i chastnoe pravo [Federalism and the political space of regions. Public and private law], Moscow: MPSI, 2014, no. 1 (21), pp. 17-22. (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Timchenko D.V.** [On some features of Russian federalism from the position of a neoinstitutional approach], *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2016, no. 9, pp. 983-986. (In Russ., abstract in Eng.)

FEDERALISM AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE

A. D. Gulyakov, *Candidate of Science (Law),
Rector of Penza State University;
rector@pnzgu.ru*

A. A. Leonkina, *Postgraduate student,
Department of Theory of State and Law and Political Science,
Penza State University;
leonkinanna@gmail.com*

The paper explores the foundations of the principle of federalism in the state structure of Russia as a factor providing unity and pluralism of the state and public authorities in the framework of relations between the center and regions. It is speculated that both unlimited asymmetry and enforced unification in federalism are unacceptable. Characteristics of the modern stage of Russian federalism are identified, the practice of Federative relations is exemplified by the case of joining of Crimea to the Russian Federation.

Keywords: institute of federalism; the idea of gubernization; Russian federalism; unlimited asymmetry; violent unification; integration of the Crimea; a dualistic model of power sharing.

© А. Д. Гуляков, 2017

© А. А. Леонкина, 2017

Статья поступила в редакцию 20.11.2017

Статья посвящена рассмотрению истоков правового учения о юридических (фактических) составах в науке частного права. Для нахождения ответа на поставленный вопрос автор обращается к доктрине немецкого пандектного права, которая оказала сильнейшее влияние на формирование юридической мысли дореволюционной России. Научному осмыслению с использованием современных методов познания, в том числе и лингвистического метода, поданы позиции немецких и русских ученых соответствующего исторического периода. На основе проведенного анализа автор высказывает собственные предположения о сфере зарождения учения о юридических (фактических) составах, его соотношении с учением о юридических фактах и времени включения в сферу науки частного права.

Ключевые слова: юридический факт; состав; юридический состав; фактический состав; действие; событие.

Марина Витальевна Яроцкая,
младший научный сотрудник Научно-исследовательского института
частного права и предпринимательства
им. акад. Ф. Г. Бурчака НАПрН Украины;
yarotskaya.m.v@gmail.com

ИСТОКИ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКИХ (ФАКТИЧЕСКИХ) СОСТАВАХ В ДОКТРИНЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Вопрос о юридических (фактических) составах, являясь одним из фундаментальных положений механизма правового регулирования гражданских имущественных отношений, сохранил свою актуальность и сегодня. Развитие соответствующих механизмов привело к тому, что становится все меньше правовых моделей, предусматривающих возникновение, изменение или прекращение правоотношений на основании только одного юридического факта. Для достижения соответствующего правового результата все чаще требуется несколько юридических фактов, которые взаимосвязаны простой совокупностью либо четким хронологическим порядком. Кроме того, этот аспект теории оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений остается малоисследованным, несмотря на тот факт, что те же юридические факты не раз становились предметом рассмотрения ученых юристов. До конца не раскрытыми остались такие аспекты этого феномена, как внутреннее строение юридического состава, связь между его элементами, виды составов. Эти аспекты поднятого вопроса дают возможность более тщательно взглянуть на основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений, устанавливаемые положениями действующего гражданского законодательства. Но, что важно, без должного внимания юридического сообщества остался вопрос зарождения учения о юридических (фактических) составах, без чего представления о соответствующем явлении остаются неполными.

Юридический состав, особенности его построения, его правоустанавливающие, правоизменяющие и правопрекращающие свойства исследова-

лись такими учеными юристами, как М. М. Агарков, О. А. Красавчиков, В. И. Борисова, В. В. Витрянский, Б. Виндшейд, Ю. С. Гамбаров, Д. М. Генкин, Д. Д. Гримм, Г. Дернбург, Н. Л. Дювернуа, И. В. Жилинкова, С. А. Зинченко, Р. Иеринг, Л. А. Лунц, Л. И. Петражицкий, Ф. Савиньи, К. Фрьоде, Г. Ф. Шершеневич, В. Л. Яроцкий и др.

Без преувеличения огромный вклад в развитие представлений о юридическом (фактическом) составе в науке гражданского права внесли О. А. Красавчиков работой «Юридические факты в советском гражданском праве» (1958 г.) и В. Б. Исаков работой «Фактический состав в механизме правового регулирования» (1980 г.).

Среди современников вопросы юридических фактов и юридических составов рассматривались в докторских диссертациях М. А. Рожковой «Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия» (Москва, 2010) и А. В. Кострубы (Киев, 2015). Однако историко-юридические аспекты соответствующего вопроса были рассмотрены в приведенных работах лишь в общих чертах.

Целью статьи является анализ этапа становления теоретических представлений о юридических (фактических) составах в сфере частного права с позиций научных разработок, которые стали толчком к эволюции соответствующего научного концепта.

Дореволюционные и современные ученые юристы приписывают основополагающее значение в становлении теории юридических фактов немецкому правоведам Ф. К. фон Савиньи (годы жизни 1779 – 1861) [3, с. 12; 4, с. 92], который использовал термин «юридические факты» в работе «Система современного римского права» (1840 г.), обозначив им события, в результате которых происходит возникновение и прекращение правоотношений [14, с. 3].

Наряду с этим следует понимать и то, что фактически Ф. К. фон Савиньи лишь предложил название определенному правовому явлению, указав, что называет события, в результате которых происходит начало и конец правоотношений, юридическими фактами, объединив, таким образом, соответствующей категорией обстоятельства, которые наделены свойством вызывать юридические последствия, чем и ввел в понятийный аппарат доктрины частного права соответствующую категорию. По сути, корни научной теории юридических фактов уходят глубоко в другую юридическую теорию – теорию причинности, которая объясняет причинно-следственную связь между отдельными юридическими обстоятельствами, при которых одно может рассматриваться как причина, а другое – как вызываемое ею следствие. То есть юридические факты являются синтетическим понятием, выведенным юристами для обозначения определенных важных жизненных обстоятельств, способных вызвать юридические последствия, для обозначения которых оно используется и сегодня.

Тем не менее вопросу юридических (фактических) составов Ф. К. фон Савиньи не посвящал отдельного внимания, в связи с чем в контексте современных юридических знаний идеи немецкого ученого можно назвать упрощенным взглядом на основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Отсутствие рассмотрения соответствующего

шей проблематики послужило основанием для формирования уже в современной немецкой юридической литературе вывода о том, что схематизация причинения правового результата через «фактический состав» и «правовой результат» не была известна Ф. К. фон Савиньи [11, с. 130], для чего есть вполне веские основания. Но способствует пролитию света на исторические научные корни учения о юридическом составе, а также на его формирование в системе представлений о юридических фактах литературная хронология использования соответствующего термина. При этом для определения исторических истоков формирования категории «юридический (фактический) состав», по нашему мнению, необходимо для начала, отказаться от мысли, что эта категория является производной от «юридического факта», и взглянуть на этот вопрос более абстрактно. Только таким образом возможно беспристрастно и наиболее объективно осмыслить поднятый вопрос и подтвердить либо опровергнуть соответствующий тезис.

В современных юридических словарях предлагается, в частности перевод таких юридических понятий, как «факт» (*Faktum, Tatsache*) [7] и «юридический факт» (*Rechtstatsache, juristische Tatsache, rechtserhebliche Tatsache*) [8]. Перевод термина «юридический состав» либо «фактический состав» найти не удастся, но из анализа немецких научных источников частного права XIX – начала XX вв. следует, что юридический (фактический) состав в современном понимании обозначается словом *Tatbestand* (-stände), которое переводится с немецкого как: 1) состав преступления или 2) факты, фактический материал по делу; обстоятельства дела. Этот перевод имеет важное историческое значение и демонстрирует историческую связь отдельных сфер юридических знаний. Соответствующие термины являются однокоренными словами, основу которых составляет корень *Tat* (*нем.* поступок, дело, действие) [20]. В то же время *Bestand* в переводе с немецкого языка означает состояние, состав [10], а *Sache* – вещь, предмет или дело, вопрос [19].

Анализ немецкой юридической литературы соответствующего периода показывает, что для обозначения фактов, вызывающих возникновение, переход или прекращение правоотношений, используются понятия (*juristische*) *Thatsachen* и *Thatbestand*, отвечающие современным терминам *Tatsache* и *Tatbestand* соответственно.

Первое, что обращает на себя внимание, так это то, что Ф. К. фон Савиньи для обозначения юридических фактов использовал термин *juristische Thatsachen* [14, с. 3] и в дальнейшем именно им обозначал обстоятельства, вызывающие возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Термин «фактический состав» (*Thatbestand*) у ученого мы не находим. Среди представителей частноправового направления юридических исследований этот термин используется позже. В частности, его употребление мы можем встретить в учебнике по пандектному праву Б. Виндшейда 1862 года [13, с. 138, 142], то есть более чем через 20 лет после выхода в свет труда Ф. К. фон Савиньи, в котором тот сформулировал определение юридического факта. Также этот термин в дальнейшем мы встречаем у Г. Дернбурга, который в контексте рассмотрения сделки как основания причинения юридических последствий формирует пози-

цию, что фактический состав как причина юридических последствий называется титулом («Пандекты», 1892 г.) [17, с. 183].

Несмотря на синонимическую близость терминов «(юридический) факт» и «фактический состав» в рамках немецкого юридического категориального аппарата, их использование в работе Б. Виндшейдом дает четко понять, что ученый проводит разграничение между ними. Употребление им обоих терминов объясняется не их синонимичностью, а разной содержательной нагрузкой, которую вкладывает в них автор. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в переводе учебника Б. Виндшейда по пандектному праву, совершенного С. В. Пахманом в 1874 году, сохранено оригинальное название основания возникновения правоотношений (Thatbestand), однако осуществлен его параллельный перевод, по нашему мнению, некорректно, как события [1, с. 148]. Хотя это имеет важное значение и размывает содержание слов автора, поскольку для обозначения событий в немецкой терминологии используется слово Ereignisse. В оригинальном тексте 1862 года Б. Виндшейд отмечает, что права возникают вследствие наступления фактического состава (Thatbestand), который правом порядком наделяется силой вызывать возникновение права. При этом в дальнейшем в начале параграфа 67, используя термины Thatbestand и Thatsachen, Б. Виндшейд выражает четкую позицию, что основанием для возникновения, изменения и прекращения прав выступают фактические составы (Thatbestände). Также автор отмечает, что отдельные моменты фактических составов мы называем фактами (Thatsachen). Фактический состав, по мнению ученого, может состоять из одного отдельного факта или совокупности нескольких фактов. В последнем случае факты, образующие фактический состав, могут не совпадать во времени. В качестве примера Б. Виндшейд приводит ситуацию, когда воля лиц при вступлении в договорные отношения высказывается не одновременно, а также рассматривает случай приобретения собственности по давности, которое предусматривает факт овладения вещью, а потом непосредственно владения ею в течение определенного срока [13, с. 138, 142].

Позднее мы можем наблюдать поддержку идеи о фактических составах как основаниях причинения юридических последствий у Г. Дернбурга. Интересно, что Д. Д. Гримм обратил внимание на использованную немецким ученым терминологию и отметил, что тот назвал фактический состав (Thatbestände) как основание юридических последствий титулами [3, с. 31].

На примере различных изданий «Пандектов» Г. Дернбурга можно увидеть и постепенное углубление автором видения фактических составов, проведения все большего их разграничения с юридическими фактами. В частности, еще в третьем издании этого труда (1892 г.) ученый ограничивается констатацией, что факторами права в юридическом смысле являются факты (Thatsachen), то есть ощутимые события, имеющие место во времени и пространстве. С помощью этих фактов происходит приобретение, изменение и потеря прав. Далее ученый отмечает, что в связи с тем что права возникают из фактов, то в практике только на основании фактов можно утверждать о существовании прав. Такие правоустанавливающие

факты справедливо называют юридическими, поскольку они определяют юридическую жизнь [17, с. 182]. Но уже в следующем издании анализируемой работы 1894 года ученый дополняет свое мнение и отмечает, ссылаясь на «Пандекты» (1893 г.) Ф. Регельсбергера, что совокупность фактов, необходимых для причинения определенного правового последствия, образует юридический фактический состав (*juristischen Thatbestand*) [18, с. 184], что в 1906 году при переводе этой работы на русский язык было транслировано как «правовой состав данного дела» [2, с. 213].

Тем не менее приведенные позиции, сформированные видными учеными в сфере пандектного права, не означают, что категория «фактический состав» зародилась именно на этой ниве юридических знаний, о чем свидетельствует и более ранняя история ее употребления. Изначально она активно использовалась представителями уголовного научного направления исследований в праве, а ее корни тянутся все в ту же теорию причинности, которая объясняла основания ответственности. Уже в середине века (XVI – XVII в.в.) термин *Corpus delicti* (с лат. основа, сущность преступления, состав преступления) использовался в сугубо процессуальном смысле [6, с. 9]. По некоторым источникам впервые в истории правоведения термин «состав преступления» (*Corpus delicti*) ввел в научный оборот П. Фаринаций (1581 г.), а дальнейшее развитие соответствующей проблематики было осуществлено как раз немецкими учеными. При этом, несмотря на то что юристы признают значимый вклад в развитие теории состава преступления К. Биндинга (годы жизни 1841 – 1920) [5, с. 196] следует отметить, что уже в 1805 году (по некоторым источникам в 1803 г.) [15, с. 505] была опубликована работа К. Штюбеля с оригинальным названием «*Thatbestand der verbrechen, die urheber derselben...*», что можно перевести как «Состав преступления в сфере авторского права ...», на страницах которой автор рассматривает в том числе и факты, совокупность которых составляет основу состава преступления [12] и на которую, кстати, сегодня ссылаются европейские ученые в контексте рассмотрения состава как основания уголовной ответственности [9, с. 43; 16].

Сейчас в юридической литературе высказывается мнение: именно в конце XVIII – начале XIX вв. термин *Thatbestand* (*Tatbestand*) стали наделять уголовно-правовым значением, что связано с активной кодификацией уголовного права, при этом этот термин стал результатом перевода немецкими учеными термина *Corpus delicti* [6, с. 9], что подтверждается и высказанным нами тезисом касательно работы К. Штюбеля.

Из приведенного мы можем заключить, что правовое учение о составе, а потому и о юридическом (фактическом) составе, в современном его понимании как основании причинения юридических последствий, не было изначально составной частью теории юридических фактов. Обе сферы знаний имеют одинаковую доктринальную основу, которой выступает теория причинности. Разве что учение о юридических фактах было воспринято частным правом чуть ранее, чем позиции о фактическом составе. Однако что доподлинно известно, так это то, что учение о юридическом

(фактическом) составе не является производным от учения о юридических фактах. Это две составляющие одной сферы знаний, которые постепенно выделялись с теории причинности в отдельный научный материал в пределах частного права, в то время как положение соответствующей теории уже на всех оборотах развивалось в уголовно-правовой доктрине с использованием категории Tatbestand.

И хотя рассмотрение позиций ученых соответствующего научного направления выходит за рамки предмета нашего исследования и даже области гражданского права, но именно обращение к соответствующим источникам позволило восполнить пробелы в понимании истории развития отдельных научных положений гражданского права.

Выводы. Таким образом, учитывая проанализированные позиции ученых и использованные научные источники, можно сделать вывод, что учение о юридическом (фактическом) составе начало формироваться раньше учения о юридических фактах. Доктринальной основой для исследования юридических фактов и составов в цивилистике стала теория причинности, которая активно развивалась в пределах деликтного права, в частности в той его части, что сегодня является составляющей общей теории преступления. В 1840 году Ф. К. фон Савиньи ввел категорию юридических фактов в доктрину частного права и тем самым внес весомый вклад в развитие учения о соответствующем правовом явлении. Но категория «фактический состав» имеет свою собственную историю, хотя сегодня и является частью общей сферы знаний, которую можно назвать «теория юридических фактов». Учение о фактическом составе развивалось параллельно с учением о юридических фактах и не было его ответвлением. Напротив, можно утверждать, что учение о юридических фактах было выделено Ф. К. фон Савиньи из теории причинности в частно-правовую доктрину, в которую затем было включено и учение о фактических составах, которое заполняло пробелы, образованные невозможностью объяснения причинно-следственной связи между отдельными правовыми явлениями в формуле «юридический факт – следствие» и требовало более широкого подхода к рассмотрению соответствующих оснований. По сути, уже во второй половине XIX в. при рассмотрении оснований причинения определенных юридических последствий Б. Виндшейдом учение о юридических фактах было дополнено понятием фактического состава.

При этом в дальнейшем длительное время теория юридических фактов строилась преимущественно на исследованиях собственного такого вида фактов, и сегодня именно эта сфера знаний является наиболее развитой в эмпирическом смысле. Учение о фактических составах хотя и не выпадало из поля зрения ученых, однако его развитию посвящалось меньше времени и усилий. Лишь в 1980 году работой В. Б. Исакова эта сфера знаний была значительно развита, что, впрочем, не исключает актуальности отдельных аспектов этой проблематики в контексте современного механизма правового регулирования общественных отношений.

Список литературы

1. **Виндшейд Б.** Учебник пандектного права: в 3 т. Общая часть / пер. с нем. под ред. С. В. Пахмана. СПб.: Изд. Иероглифова и Никифорова, 1874. Т. 1. 358 с.
2. **Пандекты:** в 3 т.: Общая часть / под ред. Г. Дернбург. М.: Страстной бульвар, 1906. Т. 1. 465 с.
3. **Гримм Д. Д.** Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Пролегомены к общей теории гражданского права. СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1900. Т. 1. 300 с.
4. **Пленюк М. Д.** Підстави виникнення зобов'язальних правовідносин в механізмі правового регулювання: монографія. НДІ Приватного права і підприємництва імені академіка Ф. Г. Бурчака НАПрН України. К., 2016. 356 с.
5. **Ус О.** Состав злочину як підстава кримінально-правової оцінки вчиненого діяння // *Vicegrad Journal on Human Rights*. 2016. No. 4 (2). P. 196 – 201.
6. **Учение** о составе преступления в уголовном праве России и Китая. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 720 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/kollektiv-avtorov/uchenie-o-sostaveprestupleniya-v-ugolovnom-prave-rossii-i-kitaya/chitat-onlayn> (дата обращения: 23.07.2017).
7. **Русско-немецкий** юридический словарь. Факт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-russian-german-law-term-17562.htm> (дата обращения: 26.07.2017).
8. **Русско-немецкий** юридический словарь. Юридический факт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-russian-german-law-term-16585.htm> (дата обращения: 26.07.2017).
9. **Andrea Perin** Il fatto colposo: la crisi del modello nomologico, l'aspettativa di diligenza e la condotta penalmente rilevante: Tesi di Dottorato. Trento, 2015. 389 p.
10. **Большой** немецко-русский словарь. Bestand [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-11674.htm> (дата обращения: 28.07.2017).
11. **Christian Fröde** Willenserklärung, Rechtsgeschäft und Geschäftsfähigkeit. Mohr Siebeck. 304 p. (24 Band Studien zum Privatrecht).
12. **D. Christoph** Carl Stübel Thatbestand der verbrechen, die urheber derselben. Wittenberg: Samuel Gottfried Zimmermann, 1805. XXII, 482 p.
13. **Dr. Bernhard Windscheid** Lehrbuch des Pandektenrechts: in drei Bänden. Erster Band. Düsseldorf, Verlagshandlung von Julius Buddeus, 1862. XV, 663 p.
14. **Friedrich Carl von Savigny** System des heutigen Römischen Rechts: in acht Bänden. Dritter Band. Berlin, Bei Veit und Comp. 1840. VI, 473 p.
15. **Hart H. L. A.**, Tony Honoré Causation in the Law. 2nd edition. Cambridge: Clarendon Press, Oxford, 2002. XXXII, 516 p.
16. **Hans-Heinrich Jescheck**, Thomas Weigend Teoria generală a infracțiunii [Электронный ресурс]. URL: <http://revistaprolege.ro/teoria-general-a-infracțiunii-2/> (дата обращения: 29.07.2017).
17. **Heinrich** Dernburg Pandekten: in drei Bänden. Erster Band. Dritte, verbesserte Auflage. Berlin, Verlag von H.W. Müller, 1892. XIX, 730 p.
18. **Heinrich** Dernburg Pandekten: in drei Bänden. Erster Band. Vierte, verbesserte Auflage. Berlin, Verlag von H.W. Müller, 1894. XIX. 743 p.
19. **Большой** немецко-русский словарь. Sache [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-68337.htm> (дата обращения: 28.07.2017).
20. **Большой** немецко-русский словарь. Tat [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-79890.htm> (дата обращения: 28.07.2017).

References

1. **Vindsheid B. Pakhmana S. V.** [Ed.] *Uchebnik pandektnogo prava. Obshchaya chast'* [Textbook of pandemic law. A common part], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ie-roglifova i Nikiforova, 1874, vol. 1, 358 p. (In Russ.)
2. **Dernburg G.** [Ed.] *Pandekty. Obshchaya chast'* [Pandekty. A common part], Moscow: «Strastnoi bul'var», 1906, vol. 1, 465 p. (In Russ.)
3. **Grimm D. D.** *Osnovy ucheniya o yuridicheskoi sdelke v sovremennoi nemets-koi doktrine pandektnogo prava. Prolegomeny k obshchei teorii grazhdanskogo prava.* [The fundamentals of the doctrine of the legal transaction in the modern German doctrine of pandemic law. Prolegomena to the general theory of civil law], Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1900, vol. 1, 300 p. (In Russ.)
4. **Plenyuk M. D.** *Pidstavi viniknennya zobov'yazal'nikh pravovidnosin v me-khanizmi pravovogo reguluyuvannya: monografiya. NDI Privatnogo prava i pidpriemni-tstva imeni akademika F.G. Burchaka NAPrN Ukraini* [Grounds for the emergence of binding legal relations in the mechanism of legal regulation: monograph. Research Institute of Private Law and Entrepreneurship named after Academician F. G. Burchak, NPRr of Ukraine], Kiev, 2016, 356 p. (In Ukr.)
5. **Us O.** *Sklad zlochynu yak pidstava kriminal'no-pravovoi otsinki vchinenogo diyannya* [Composition of the crime as the basis for the criminal-law assessment of the committed act], Vicegrad Journal on Human Rights, 2016, no. 4 (2), pp. 196-201. (In Ukr.)
6. <https://www.litres.ru/kollektiv-avtorov/uchenie-o-sostaveprestupleniya-v-ugolovnom-prave-rossii-i-kitaya/chitat-onlayn> (accessed: 23 July 2017). (In Russ.)
7. <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-russian-german-law-term-17562.htm> (accessed: 26 July 2017).
8. <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-russian-german-law-term-16585.htm> (accessed: 26 July 2017).
9. **Andrea Perin** Il fatto colposo: la crisi del modello nomologico, l'aspettativa di diligenza e la condotta penalmente rilevante: Tesi di Dottorato, Trento, 2015, 389 p.
10. <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-11674.htm> (accessed: 28 July 2017).
11. **Christian Fröde** Willenserklärung, Rechtsgeschäft und Geschäftsfähigkeit, Mohr Siebeck, 304 p. (24 Band Studien zum Privatrecht).
12. **D. Christoph** Carl Stübel Thatbestand der verbrechen, die urheber derselben. Wittenberg: Samuel Gotfried Zimmermann, 1805, XXII, 482 p.
13. **Dr. Bernhard Windscheid** Lehrbuch des Pandektenrechts: in drei Bänden. Erster Band. Düsseldorf, Verlagshandlung von Julius Buddeus, 1862, XV, 663 p.
14. **Friedrich Carl von Savigny** System des heutigen Römischen Rechts: in acht Bänden. Dritter Band. Berlin, Bei Veit und Comp, 1840, VI, 473 p.
15. **Hart H. L. A.**, Tony Honoré Causation in the Law. 2nd edition. Cambridge: Clarendon Press, Oxford, 2002, XXXII, 516 p.
16. <http://revistaprolege.ro/teoria-general-a-infraciunii-2/> (accessed: 29 July 2017).
17. **Heinrich Dernburg** Pandekten: in drei Bänden. Erster Band, Dritte, verbesserte Auflage. Berlin, Verlag von H.W., Müller, 1892, XIX, 730 p.
18. **Heinrich Dernburg** Pandekten: in drei Bänden. Erster Band, Vierte, verbesserte Auflage. Berlin, Verlag von H.W., Müller, 1894, XIX, 743 p.
19. <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-68337.htm> (accessed: 28 July 2017).
20. <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-79890.htm> (accessed: 28 July 2017).

THE ORIGINS OF THE DOCTRINE OF LEGAL (FACTUAL) COMPOSITION IN CIVIL LAW

M. V. Yarotskaya, *Junior Researcher,*
Research Institute of Private Law and Entrepreneurship named after
Academician F. G. Burchak of the National Academy of Sciences of Ukraine;
yarotskaya.m.v@gmail.com

The article studies the origins of the doctrine of legal (factual) composition in private law. The author turns to the doctrine of German pandemic law, which had a strong influence on the formation of the legal thought of pre-revolutionary Russia. Using modern methods of scientific analyses, including the linguistic method, the author considers ideas of German and Russian scientists of appropriate historical period. On the basis of the analysis, the author expresses her own assumptions about the origin of the doctrine of legal (actual) compositions, its correlation with the doctrine of legal facts and the time of inclusion in the field of private law.

Keywords: legal fact; composition; legal composition; factual composition; action; accident.

© М. В. Яроцкая, 2017

Статья поступила в редакцию 30.11.2017

Статья посвящена анализу состояния законодательства о военной службе, существовавшего в России в XVII в. Автором обозначены проблемы развития соответствующих нормативных положений, выявлены различные точки зрения, касающиеся его преобразования, уточнены позиции сторонников каждой из них. Указанная проблематика изучена как в контексте социальных взаимоотношений в самом общем виде, так и применительно к конкретной сфере общественных отношений. Изложенное позволило автору сформулировать предпосылки к реформированию военного законодательства при Петре I.

Ключевые слова: военное законодательство; военная служба; военное право; иностранное влияние; государственное управление.

Сергей Владимирович Чибисов, аспирант,
кафедра теории и истории государства и права,
НИУ «Белгородский государственный университет», Белгород;
chibisov@lebgok.ru

ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В XVII В.

В российской истории имя Петра I традиционно ассоциируется с масштабными реформами в большинстве сфер государственного управления. Учитывая количество военных событий, произошедших в период его правления, а также первые неудачи в сражениях, военное право достаточно быстро стало одним из наиболее приоритетных направлений преобразований главы государства.

Многие преобразования, состоявшиеся в рассматриваемый период, были основаны на нормах европейских правовых порядков. Считается, что эта особенность реформ, проводимых в России в конце XVII – начале XVIII вв. полностью связана с мнением Петра I о прогрессивности законодательных идей, реализованных в странах Западной Европы.

Между тем, по мнению П. О. Бобровского, в области военного управления влияние европейских государств проявлялось еще в конце XV в. В частности, это касалось организации построения войск, прежде всего, конницы, что в конечном итоге оказывало влияние и на пехоту [1, с. 3].

В российской армии, начиная со времен царствования Ивана III, стали использовать опыт иностранцев, в том числе уровня офицерского состава, приглашая их в Россию.

В период смуты влияние иностранцев на столь важную сферу как военное управление значительно усилилось. На указанном этапе встречались уже не единичные случаи привлечения иностранцев для службы в частях

российской армии, а полноценные войсковые подразделения, отряды иностранцев.

Воцарение династии Романовых существенно не изменило сложившихся порядков. Уже в начале XVII в. российское военное право было регламентировано в специальных законах, и в частности, Уставе ратных, пушечных и других дел, который был сформирован, в том числе на основе немецкого военно-уголовного законодательства. По этой причине в литературе отмечалось, что призывавшиеся на службы в России иностранные граждане фактически были осведомлены о специфике правосудия, порядка взаимоотношения военных чиновников и ратной дисциплине [1, с. 4].

Более того, примерно в это же время, в 1647 году, для иностранных военнотружущих был опубликован Устав ратного строя пехотных людей Московского государства. Указанный нормативный акт представлял собой рецепцию немецких имперских законов, многие нормы которых считались архаичными. В государстве назревала необходимость коренного изменения военного законодательства. Осознание этой проблемы произошло в период царствования Алексея Михайловича.

Между тем первые серьезные шаги, нацеленные на реформирование указанной сферы, были совершены уже при воцарении Федора Алексеевича. Так, в конце 1681 года был созван собор, сформированный из руководителей государственных ведомств и иностранных военных чинов высшего ранга. Однако фактически деятельность собора ограничилась только незначительными коррективами действовавшего законодательства, наиболее значительными из которых можно назвать уничтожение системы местничества.

Необходимость преобразований ощущали и военные, и чиновники. Различие позиций состояло только в том, на основе какой платформы следует строить новое законодательство: исходя из российских традиций или зарубежного опыта.

Сторонники первой из изложенных позиций полагали, что заимствование зарубежных правовых норм в конечном итоге приведет к возникновению привилегий иностранных служащих и ущемлению интересов иных категорий чиновников и военнотружущих. Кроме того, одним из аргументов обозначенной позиции являлось мнение о нежизнеспособности европейского опыта в российских реалиях, противоречии в характере норм различных правоупорядков. Считалось, что достижение позитивных изменений в сфере военного права было возможно достичь, не изменяя сформированных за несколько столетий принципов. Более того, одним из средств увеличения эффективности реформ сторонники отечественной систематики права находили в минимизации зарубежных элементов и, в частности, исключении иностранной лексики.

Противники приведенной точки зрения отмечали устаревшие правовые механизмы несения военной службы в России, сложность и многоступенчатость способов их преобразования и необходимость применения более радикальных мер, суть которых сводилась к заимствованию наиболее прогрессивных идей западноевропейских институтов.

Особо подчеркивалась архаичность системы сбора ополчений, сложность материального содержания стрельцов, учитывая разветвленную систему преференций для данной категории населения.

Возможно именно принципиальность возникающих противоречий и непримиримость позиций, отсутствие компромиссных вариантов реформирования сферы военного права, позволяющих в равной мере реализовать обе концепции, повлияло на длительность проведения соответствующих изменений. Раскол позиций продолжал усиливаться, поэтому весомое значение имел результат военных действий, в которых принимали участие российские военные. С течением времени армию все больше стали преследовать неудачи, что способствовало актуализации обозначенной проблемы. В XVII в. в России господствующей являлась поместная система «служилого землевладения». Лица, находившиеся на службе, получали уделы для земледелия, что способствовало закреплению данного социального класса людей в сельском хозяйстве.

Таким образом, для них по существу изменялись приоритеты, военная служба приобретала факультативный характер и стремление многих «служивых людей» состояло в поиске вариантов уклонения от данного рода деятельности, хотя бы и являвшегося основным с юридической точки зрения. Совокупность перечисленных факторов способствовало росту недовольства и возникновению небольших мятежей в частях.

Принятое Соборное уложение так же имело массу недостатков. К числу таковых относилась непропорциональность санкций за совершение различных деяний, признаваемых противоправными. На фоне достаточно суровых наказаний преступления против государственной службы казались излишне гуманными. Более того, преступления в сфере военного права практически не выделялись. Таким образом, на высшем государственном уровне были сформированы приоритеты. При этом интересы государственной службы в целом и военного дела в частности признавались менее общественно опасными в сравнении с большой массой иных социально опасных действий (бездействия).

Тем самым, по мнению многих специалистов, Соборное уложение, несмотря на масштабность и высокую значимость для регулирования общественных отношений, не способствовало решению задачи по воспитанию правопослушного поведения в среде чиновников. По существу, указанный нормативный акт являлся продолжением устаревающих идей, основанных на сословности как определяющем признаке для определения степени социальной опасности совершенного деяния. Это способствовало расширению произвола со стороны военнослужащих.

Так, Соборное уложение признавало уклонение от царской службы преступлением небольшой степени тяжести. Заложенные в законе дефиниции не позволяли с достаточной степенью четкости разграничить, например, дезертирство и побег.

Дисциплинарная ответственность в Соборном уложении также не получила достаточного развития. Здесь не был установлен механизм властной вертикали, порядка подчинения чиновников. Напротив, в европейских государствах в этот же временной период первичное значение получила регламентация укрепления правительственной власти, формирование гарантий ее полноценной правовой защиты, консолидация различных ведомств в целях достижения единства в управленческой сфере.

Несмотря на широкое противодействие влиянию зарубежных правовых идей и концепций в сфере военного права развитие законодательства

в России в названной сфере происходило под влиянием западноевропейской юриспруденции, однако степень рецепции права иных государств в сложившихся реалиях была достаточно низкой. Россия, оставаясь частью общемировой цивилизации, не могла существовать обособленно, что давало отпечаток и на формирование правовых норм даже в условиях крайне консервативного настроения элиты.

Список литературы

1. **Бобровский П. О.** Беседы о военных законах Петра I Великого. СПб.: Типография департамента уделов, 1890. 40 с.
2. **Бобровский П. О.** Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование с приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887. 96 с.
3. **Корякин В. М.** Введение в теорию военного права: монография // Военное право в XXI в. М.: За права военнослужащих, 2007. 78 с.

References

1. **Bobrovskii P.O.** *Besedy o voennykh zakonakh Petra I Velikogo* [Conversations about the military laws of Peter the Great], Saint Petersburg: Tipografiya departamenta udelov, 1890, 40 p. (In Russ.)
2. **Bobrovskii P.O.** *Voennye zakony Petra Velikogo v rukopisyakh i pervopechatnykh izdaniyakh: istoriko-yuridicheskoe issledovanie s prilozheniem snimkov podlinnoi rukopisi Artikula voinskogo* [The military laws of Peter the Great in manuscripts and first-printed publications: historical and legal research with the application of photographs of the original manuscript of the article of the Military], Saint Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva, 1887, 96 p. (In Russ.)
3. **Koryakin V.M.** [Introduction to the theory of military law: monograph], *Voennoe pravo v XXI v.* [Military law in the XXI century], Moscow: Za prava voennosluzhashchikh, 2007, 78 p. (In Russ.)

PREPARATION OF THE LAW REFORM ON MILITARY SERVICE IN THE 17TH CENTURY

S. V. Chibisov, *Postgraduate Student,
Department of Theory and History of State and Law,
Belgorod State University, Belgorod;
chibisov@lebgok.ru*

The article analyzes the law on military service which existed in Russia in the 17th century; the author outlines the problems of development of appropriate regulations, identifies different points of view concerning its changes, and clarifies the position of the supporters of these views. The problem under study is explored in the context of social relationships in general, and in the context of social relations in particular. The author formulates the prerequisites for the reform of military legislation under Peter I.

Keywords: military law; military service; military law; foreign influence; governance.

© С. В. Чибисов, 2017

Статья поступила в редакцию 20.11.2017

Уважаемые коллеги!

*Редакция журнала «Право: история и современность»
приглашает к публикации авторов.*

Первый номер журнала за 2018 год планируется посвятить дискуссионным аспектам состояния и совершенствования **судебной системы** Российской Федерации.

Приветствуются материалы по тематике, отражающей следующие актуальные вопросы:

1. Концепция развития судебного права как отрасли права.
2. Судебное и судейское право – признание в рамках отечественной правовой системы.
3. Проблемы развития судебной системы Российской Федерации.
4. Основные проблемы создания специализированных судов.
5. Актуальные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства.
6. Актуальные проблемы суда присяжных в РФ и иные вопросы судебного права.

Один из последующих номеров будет посвящен проблемам обеспечения и продвижения прав и свобод человека, анализу правозащитной и просветительской деятельности, а также обмену мнениями и лучшими практиками в области защиты прав человека **в России и зарубежных правопорядках**.

Тематика обусловлена юбилейными датами принятия Всеобщей декларации прав человека и ратификацией Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Приветствуются аналитические, обзорные, источниковедческие материалы по проблематике.

Представленные материалы рецензируются и принимаются к публикации на условиях соответствия их выделенным **рубрикам** журнала.

1. Теория государства и права

(12.00.01 Теория и история права и государства; история правовых учений)

2. Уголовное право и криминология

(12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

3. Гражданское и семейное право

(12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

4. Гражданский и арбитражный процесс

(12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс)

5. Трибуна молодого ученого

6. Актуальные проблемы права

Адрес для справок и материалов:

pravo_red@list.ru